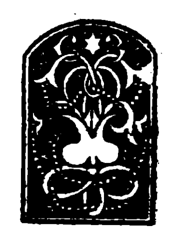
Фельетоны Вл. Жаботинскаго

ВЛ. ЖАБОТИНСКІЙ

ФЕЛЬЕТОНЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1913

Въ настоящій сборникъ вошли наброски и замѣтки о еврейскомъ вопросѣ и близкихъ къ нему проблемахъ, составленные въ разное время и для разныхъ аудиторій. Здѣсь имѣются и такіе очерки, въ которыхъ собраны выводы долгаго и кропотливаго изученія, имѣются и отрывки лирическаго характера, и полемика, и публичныя рѣчи. Но въ этомъ разнородномъ матеріалѣ есть одна общая черта: каждая строка была рождена въ атмосферѣ борьбы, каждое слово было откликомъ на боевой вызовъ. Отсюда нервность тона, преобладаніе темперамента. Чтобы отмѣтить этотъ общій характеръ разнороднаго матеріала, сборнику дано имя «Фельетоны».

Въ такой книгѣ не можетъ не быть отдѣльныхъ противорѣчій. Далеко не каждая строка въ ней съ идеальной точностью отражаетъ теперешній взглядъ автора на тѣ или иные вопросы. Но въ общемъ и цѣломъ въ этой книгѣ сказано именно то, что авторъ хотѣлъ сказать.

СПБ. 1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ ВОСПИТАНІИ

I

РѢЧЬ КЪ УЧИТЕЛЯМЪ

Что есть національное воспитаніе?

Было время, когда еврейская молодежь не только не рвалась къ просвѣщенію такъ усердно, какъ теперь, но когда отдѣльнымъ лицамъ приходилось напрягать всѣ усилія, чтобы приручить еврейскую массу къ просвѣщенію. Эта масса боялась просвѣщенія и выставляла противъ него фанатическій предразсудокъ преувеличенной самобытности — отчасти религіозной, отчасти національной. Ясно, что людямъ, желавшимъ спасти эту массу отъ невѣжества, пришлось напасть на предразсудокъ. И они это исполнили. Они внушали массѣ, что надо быть прежде всего человѣкомъ, что наука равно хороша для всѣхъ, что нѣсть эллинъ и нѣсть іудей, и такъ далѣе. Эта проповѣдь менѣе, чѣмъ въ полвѣка, произвела въ еврейской массѣ коренную перемѣну, совершила огромный переворотъ: насколько евреи прежде боялись гуманитарнаго просвѣщенія, настолько они теперь жаждутъ его, такъ что не хватаетъ ни школъ, ни учителей,

ни пособій; и по распространенности этой жажды знанія среди бѣднѣйшихъ слоевъ — мы, россійскіе евреи, можетъ быть, являемся первой народностью въ мірѣ.

Но теперь эпоха уже настала другая, и другія нужны для нея слова и дороги. Любовь къ гуманитарному просвѣщенію уже вызвана разъ навсегда, и не только не можетъ ослабѣть, но будетъ все распространяться въ ширину и глубину среди еврейскихъ массъ. Стараясь пробудить эту любовь, просвѣтителямъ прежней эпохи, конечно, не было никакой нужды настаивать на національномъ оттѣнкѣ воспитанія, потому что онъ самъ собой разумѣлся: вѣдь тогда только о томъ пока и можно было мечтать, чтобы внести въ слишкомъ узкое національное и религіозное воспитаніе гуманитарную струю. Но теперь, когда это достигнуто, и достигнуто блестяще, повторилось то явленіе, которое всегда сопутствуетъ успѣху какой угодно идеи, даже самой полезной, самой благородной: добѣжавъ до цѣли, мы съ разбѣгу пронеслись дальше. Цѣль была — создать еврея, который, оставаясь евреемъ, могъ бы жить общечеловѣческой жизнью: мы теперь сплошь прониклись жаждой культуры, но такъ же сплошь забыли о томъ, что надо оставаться евреями. Или, вѣрнѣе, не забыли (есть вѣскія причины, мѣшающія забыть), но на половину *перестали* быть евреями, потому что перестали дорожить своей еврейской сущностью и начали тяготиться ею; и именно въ томъ, что съ одной стороны мы *не можемъ* забыть о своемъ еврействѣ, а съ другой — тяготимся имъ, — и скрыта главная горечь нашего положенія; и изъ этого положенія необходимо выйдти. Чтобы выйдти изъ него, есть, можетъ быть, разныя средства, но только *одно* изъ нихъ въ нашихъ рукахъ: это

средство — сдѣлать такъ, чтобы мы перестали тяготиться своимъ еврействомъ и научились дорожить имъ.

Такимъ образомъ задача еврейскаго народнаго просвѣщенія въ настоящее время является діаметрально противоположной задачѣ прежней эпохи. Тогдашнимъ девизомъ было: «стремитесь къ общечеловѣческому!» — ибо стремленіе къ національному (тогда выражались — «религіозному») уже имѣлось въ обиліи. Теперешнимъ должно быть: «стремитесь къ національному!», ибо стремленіе къ общечеловѣческому уже имѣется. Въ результатѣ оба противоположныхъ девиза ведутъ къ одной цѣли, какъ оба радіуса діаметра къ одному центру: къ созданію еврея-гуманиста. Но, ведя къ той же цѣли, новый девизъ, однако, требуетъ коренной перемѣны, полнаго перемѣщенія центра тяжести воспитательной системы. Во дни оны центромъ тяжести еврейскаго воспитанія надо было сдѣлать гуманитарный элементъ, чтобы скорѣй выжить духъ нетерпимости и узости; но теперь центромъ всей системы воспитанія еврейской молодежи долженъ стать національный элементъ, ибо надо выжить духъ самопрезрѣнія и возродить духъ самосознанія.

Вотъ реформа, необходимая нынѣ: надо перевернуть душу преподаванія, произвести революцію въ самомъ принципѣ системы.

Нельзя больше такъ жить, какъ мы живемъ: мы жалуемся на то, что насъ презираютъ, а сами себя почти презираемъ. И это не мудрено, если подумать, что еврей, воспитанный по нынѣшнему, знаетъ о еврействѣ, т. е. о самомъ себѣ, только то, что видитъ вокругъ, то-есть картину, не могущую польстить чувству національнаго достоинства. Если бы ему была извѣстна колоссальная лѣтопись еврейскаго величія

и еврейскаго скитанія, онъ могъ бы почувствовать, сколько благородныхъ силъ кроется въ этомъ маленькомъ и непобѣдимомъ племени, и ощутилъ бы гордость, и пріучился бы радоваться при мысли, что онъ еврей; и тогда всѣ непріятности еврейскаго существованія показались бы ему гораздо легче, потому что терпѣть непріятности за нѣчто любимое гораздо легче, нежели за нѣчто ненавистное, или почти ненавистное. | Но еврей, воспитанный по теперешнему, совершенно не знаетъ величавой перспективы еврейской исторіи, а знаетъ только сегодняшній моментъ и свой уголокъ — Пружаны или Голту — и ни въ этомъ моментѣ, ни въ этомъ уголкѣ нѣтъ, конечно, ничего величаваго, а есть зато много забитаго и приниженнаго. По этому образцу онъ знакомится съ еврействомъ, и внѣ этого образца ничего не знаетъ о еврействѣ; и у него создается очень жалкое и тяжелое представленіе объ этомъ еврействѣ, ему непріятно, что онъ тоже еврей, и иногда, ложась спать, онъ тайкомъ думаетъ: ахъ, если бы завтра утромъ оказалось, что все это былъ дурной сонъ, что я — не еврей! Но «завтра» приходитъ, и онъ просыпается евреемъ, и тащитъ за собой, почти съ проклятіями, свое еврейство, какъ каледонскій каторжникъ ядро. При каждомъ испытаніи судьбы онъ морщится и горько спрашиваетъ: «Да во имя чего же, наконецъ, все это? Развѣ я еврей? Что такое еврей? Гдѣ-то тамъ во Франціи, въ Марокко, въ Румыніи есть люди, которыхъ тоже называютъ этимъ именемъ: развѣ я имъ братъ? Я даже не знаю, сколько ихъ, какъ имъ живется, о чемъ они мечтаютъ, я не имѣю о нихъ понятія, — а долженъ быть евреемъ...» И его охватываетъ злоба противъ этого имени, и онъ на-

чинаетъ употреблять его, какъ ругательное; и окружающіе замѣчаютъ все это и говорятъ другъ другу: да какъ же намъ не презирать его, если онъ самъ презираетъ и свое племя настолько, что ничего о немъ не знаетъ, и себя самого настолько, что ругается своимъ собственнымъ именемъ?

Мы, евреи нынѣшняго переходнаго времени, выростаемъ какъ бы на границѣ двухъ міровъ. По сю сторону — еврейство, по ту сторону — русская культура. Именно русская культура, а не русскій народъ: народа мы почти не видимъ, почти не прикасаемся — даже у самыхъ «ассимилированныхъ» изъ насъ почти никогда не бываетъ близкихъ знакомствъ среди русскаго населенія. Мы узнаемъ русскій народъ по его культурѣ — главнымъ образомъ, по его писателямъ, то-есть по лучшимъ, высшимъ, чистѣйшимъ проявленіямъ русскаго духа. И именно потому, что быта русскаго мы не знаемъ, не знаемъ русской обыденщины и обывательщины, — представленіе о русскомъ народѣ создается у насъ *только* по его геніямъ и вождямъ, и картина, конечно, получается сказочно-прекрасная. Не знаю, многіе ли изъ насъ любятъ Россію, но многіе, слишкомъ многіе изъ насъ, дѣтей еврейскаго интеллигентнаго круга, безумно и унизительно влюблены въ русскую культуру, а черезъ нее въ весь русскій міръ, о которомъ только по этой культурѣ и судятъ. И эта влюбленность вполнѣ естественна, потому что міръ еврейскій, міръ по сю сторону границы не могъ въ ихъ душѣ соперничать съ обаяніемъ «той стороны». Ибо еврейство мы, наоборотъ, узнаемъ съ ранняго дѣтства не въ высшихъ его проявленіяхъ, а именно въ его обыденщинѣ и обывательщинѣ. Мы живемъ среди этого гетто и ви-

димъ на каждомъ шагу его уродливую измельчалость, созданную вѣками гнета, и оно такъ непривлекательно, некрасиво... А того, что̀ поистинѣ у насъ высоко и величаво, еврейской культуры — ея мы не видимъ. Дѣти простонародья кое-какъ еще видятъ ее въ хедерѣ, но тамъ она дается въ такой нелѣпой формѣ и обстановкѣ, что полюбить ее немыслимо. Дѣти же средняго круга и того лишены. Сплошь и рядомъ нѣтъ у нихъ даже отдаленнаго понятія объ исторіи еврейскаго народа. Они не знаютъ о его исторической роли просвѣтителя народовъ бѣлой расы, о его несокрушимой духовной силѣ, которая не поддалась никакимъ гоненіямъ: они знаютъ о еврействѣ только то, что видятъ и слышатъ. А что они видятъ? Видятъ они запуганнаго человѣка, видятъ, какъ его отовсюду гонятъ и всюду оскорбляютъ, и онъ не смѣетъ огрызнуться. А что они слышатъ? Развѣ слышатъ они когда-нибудь слово «еврей», произнесенное тономъ гордости и достоинства? Развѣ родители говорятъ имъ: Помни, что ты еврей, и держи выше голову? — Никогда. Дѣти нашего народа слышатъ отъ своихъ родителей слово «еврей» только съ оттѣнками приниженности и боязни. Отпуская сына изъ дому на улицу, мать говоритъ ему: — Помни, что ты еврей, и иди сторонкой, что̀бъ никого не толкнуть... — Отдавая въ школу, мать говоритъ ему: — Помни, что ты еврей, и будь тише воды, ниже травы... — Такъ поневолѣ связывается у него имя «еврей» съ представленіемъ о долѣ раба, и ни о чемъ больше. Онъ не знаетъ еврея — онъ знаетъ жида; не знаетъ Израиля, а только Сруля; не знаетъ гордаго сирійскаго коня, какимъ былъ нашъ народъ когда-то, а знаетъ только жалкую нынѣшнюю «клячу». Роковымъ образомъ онъ узнаетъ

еврейскій міръ только по его изнанкѣ — и русскій міръ только по его лицевой сторонѣ. И онъ выростаетъ влюбленнымъ во все русское унизительной любовью свинопаса къ царевнѣ. Все его сердце, его симпатіи всѣ на той сторонѣ; но вѣдь онъ всетаки еврей по крови, и объ этомъ никто не хочетъ забыть; и онъ несетъ на себѣ свое проклятое еврейство, какъ безобразный прыщъ, какъ уродливый горбъ, отъ котораго нельзя избавиться, и каждая минута его жизни отравлена этой пропастью между тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлось ему быть, и что онъ есть на самомъ дѣлѣ...

— Отравлена? — усомнятся многіе, а про себя подумаютъ, что черезчуръ уже сильно это сказано. Ибо они сами все это испытали, и было оно, дѣйствительно, весьма непріятно въ иныя минуты; но вѣдь вотъ они, слава Богу, живы и здоровы, ѣдятъ и ходятъ, и ведутъ свои дѣла; значитъ, не такъ ужъ оно все опасно, чтобы стоило кричать объ отравѣ. — А я думаю, что здѣсь именно отрава, отрава всего организма. Она не приводитъ насъ къ самоубійству, потому что она затяжная, изо дня въ день. Мы съ нею свыкаемся, какъ свыкается человѣкъ со своей хромотою.

Я видѣлъ однажды хромую дѣвочку, которая была очень весела, и, глядя на нее, я подумалъ: Эта дѣвочка уже свыклась и ничуть не страдаетъ отъ своего недостатка. — Но тогда я уловилъ взоръ ея матери, устремленный на нее, и мнѣ стало страшно больно. Я понялъ, что мать лучше меня читала въ душѣ этого ребенка, и видѣла ясно, какъ на самомъ днѣ этой души, даже въ минуту хохота и рѣзвости, таилась и теплилась какая-то искорка обиды за свое убожество. И мать понимала, что никогда не погас-

нетъ та искорка, и дѣвочка пронесетъ ее съ собою черезъ всю жизнь, и какъ бы она звонко ни хохотала, какъ бы шибко ни выучилась бѣгать, всетаки вѣчно будетъ она чувствовать себя на крохотный волосокъ ниже другихъ, потому что они какъ всѣ люди, а у нея хромая нога. Такъ будетъ насквозь отравлена вся ея жизнь, и никогда не узнаетъ она ни въ чемъ полнаго счастья въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно другимъ людямъ, потому что она ниже ихъ. Мать это понимала, и во взорѣ ея былъ трауръ по этой дѣвочкѣ.

Если есть у насъ чуткія матери, то и онѣ должны тосковать о нашей судьбѣ, потому что драма хромой дѣвочки, рѣзвящейся рядомъ съ другими дѣтьми и всетаки хромой, есть драма еврея, влюбленнаго въ чуждую культуру и всетаки еврея. Со стороны покажется, будто онъ радъ и веселъ, и забылъ о своемъ уродствѣ; но кто умѣетъ заглянуть въ глубь души, тотъ и въ самыя счастливыя минуты найдетъ на днѣ ея вѣчно-болѣзненную точку обиды. Онъ можетъ свыкнуться съ своимъ горбомъ, но не можетъ забыть. И потому вся жизнь его отравлена, и никогда и ни въ чемъ онъ не будетъ переживать ее такъ же свободно и полновѣсно, какъ другіе, ибо вѣчно, самому себѣ наперекоръ, будетъ себя чувствовать на волосокъ ниже другихъ...

Я вспоминаю одинъ случай. Мы въ одномъ городѣ Юга ждали какъ-то погрома. Я былъ въ числѣ дозорныхъ и обходилъ съ двумя товарищами базары — понаблюдать, не начинается ли гдѣ-нибудь бѣда. При этомъ, проходя среди русской толпы, мы инстинктивно старались придавать себѣ «русское» выраженіе лица и говорить съ московскимъ акцентомъ. Мнѣ кажется,

что не изъ трусости, и даже не изъ какихъ-либо особенныхъ конспиративныхъ соображенiй, а чисто по инстинкту: мы безсознательно чувствовали, что теперь удобнѣе стушевать наше еврейство и не привлекать вниманiя. На одномъ изъ базаровъ, гдѣ было много народу, мнѣ бросился въ глаза старый еврей, въ пейсахъ и долгополомъ кафтанѣ. Онъ пробирался среди толпы осторожно, и по лицу его чувствовалось, что онъ понимаетъ опасность и боится. Но мнѣ при взглядѣ на него пришло въ голову, что онъ, хоть и боится, а не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать попытки затушевать свои еврейскiе признаки. Онъ знаетъ, что внѣшность его бросается въ глаза и привлекаетъ вниманiе враждебной толпы, но ему даже не могло придти въ голову, что слѣдовало бы не казаться евреемъ. Онъ отъ малыхъ лѣтъ сроднился съ мыслью, что онъ — еврей и *долженъ* быть евреемъ, и теперь не могъ бы даже вообразить, какъ это онъ да станетъ непохожъ на еврея, хотя бы и въ минуту крайней опасности. Оттого онъ, который боялся, чувствовалъ себя въ эту минуту внутренно свободнѣе насъ, которые, можетъ быть, не боялись въ простомъ смыслѣ этого слова, но всетаки инстинктивно прятали то, что онъ выставлялъ на показъ. Ибо мы отъ малыхъ лѣтъ сроднились съ мыслью, что мы, правда, евреи, но *не должны* быть евреями. Онъ — божiею милостiю еврей; мы — осужденные на вѣчное еврейство.

Я, вѣроятно, очень блѣдно и невразумительно разсказалъ всѣ эти переживанiя, потому что говорю по отдаленнымъ воспоминанiямъ. Для насъ (я говорю о людяхъ моего политическаго лагеря) уже давно прошла пора, когда мы такъ чувствовали. Мы подошли къ еврейству и вглядѣлись въ него, и нашли

въ немъ столько величія и красоты, что подъ ихъ обаяніемъ душа выпрямилась, подняла голову и ощутила до глубины всю гордость сознанія: «я еврей». Такъ же невольно, какъ мы прежде смотрѣли на ту сторону униженно-влюбленными глазами, такъ же невольно смотримъ мы теперь и на «ту», и на всѣ другія стороны глазами равнаго на равнаго — даже, быть можетъ, глазами высшаго на младшаго. Мы переродились, потому что прежде мы терпѣли свое еврейство поневолѣ, а теперь мы имъ горды, мы ему радуемся, какъ радуется женщина своей красотѣ.

На Западѣ есть поговорка: aus der Not eine Tugend. По русски это значитъ: возводить необходимость въ добродѣтель, въ заслугу. Эта поговорка насмѣшливая, но въ основѣ ея лежитъ вѣрно подмѣченный психологическій фактъ: человѣку становится легче, если онъ aus der Not сдѣлаетъ себѣ eine Tugend, — если тѣмъ, за что его преслѣдуютъ, самъ онъ будетъ гордиться, а не гнушаться. И если мы хотимъ, чтобы нашимъ дѣтямъ было легче, если хотимъ избавить ихъ отъ той драмы хромого, которую пережили сами, то мы должны воспитать ихъ такъ, чтобы сознаніе своего племени было для нихъ не неволей, а радостью и гордостью. Но для этого надо съ первыхъ лѣтъ очаровать ихъ той величавой красотою, которую мы, ихъ старшіе братья, узнали такъ поздно, уже въ мучительномъ переломѣ юности. Надо поверхъ нашей мизерной обыденщины, поверхъ согбенной спины жалкаго Сруля, показать имъ Израиля, его царственный духъ во всемъ его могуществѣ, его трагическую исторію во всемъ ея грандіозномъ великолѣпіи. Только это исцѣлитъ нашу душу.

Мы должны честно вдуматься во все это, ибо такъ больше жить нельзя. Мы стоимъ передъ огромною задачей, потому что почти ежедневно прибываютъ новые рекруты культуры изъ нашего племени, и мы должны спасти ихъ отъ той внутренней горечи, которую такъ обильно и сытно испытали сами. Мы должны дать подростающимъ поколѣніямъ гуманитарную культуру, но мы должны прежде всего гарантировать еврею миръ съ самимъ собою и уваженіе къ самому себѣ. Мы прежде всего должны дать ему лѣтопись нашей народности, чтобы онъ хорошо вникъ въ то, какъ она жила съ первыхъ дней пути своего, сколько мощи проявила, сколько послужила братьямъ-иноплеменникамъ; чтобы онъ могъ радостно улыбнуться, пріосаниться и полюбить ее. Но эта лѣтопись огромна, обширнѣе исторіи всякаго другого народа, потому что древнѣе, и потому что вторая половина ея разбита на отдѣльныя поэмы скитанія во многихъ чужбинахъ. Онъ долженъ узнать всю эту книгу книгъ, долженъ узнать о настоящемъ бытѣ своихъ соплеменниковъ иного подданства столько же, сколько о прошломъ величіи Іерусалима, чтобы чувствовать исконное братство. Онъ долженъ знать и прошлое, и нынѣшнее духовное творчество нашего племени, и не должны родные писатели оставаться для него неизвѣстными именами. Все это не можетъ быть изучено между прочимъ; весь этотъ огромный матеріалъ требуетъ огромнаго вниманія; оттого ему должна быть отведена главная роль, ради него должно слегка потѣсниться, если нужно, все прочее, а не наоборотъ: наука объ еврействѣ должна стать для насъ центромъ науки.

Наша главная болѣзнь — самопрезрѣніе, наша главная нужда — развить самоуваженіе: значитъ, основой

нашего народнаго воспитанія должно быть отнынѣ самопознаніе. Такъ воспитывается на землѣ всякій здоровый народъ, всякая нормальная личность.

Вамъ часто, вѣроятно, говорятъ, что быть сторонникомъ націонализаціи воспитанія значитъ быть сіонистомъ, и я знаю, что многихъ этотъ доводъ пугаетъ. Но это ошибка. Здѣсь споръ идетъ не между сіонистомъ и не-сіонистомъ: споръ гораздо глубже. На одной сторонѣ стоятъ тѣ, кто, сознательно или безсознательно, потеряли надежду или желаніе сохранить еврейство неприкосновеннымъ и ведутъ его къ исчезновенію со сцены; на другой тѣ, которые ко дню будущаго международнаго братства хотятъ сберечь живымъ и того брата, имя которому Израиль, и сберегутъ его — во что бы то ни стало.

Дѣло не въ спорѣ партіи и партіи: здѣсь спорятъ между собою тенденція жизни и тенденція смерти.

Этимъ рѣшается и вопросъ о «древне»-еврейскомъ языкѣ. Сегодня и здѣсь я не намѣренъ говорить о немъ, какъ о языкѣ преподаванія: это вопросъ совсѣмъ особый, очень сложный и спорный. Я разсматриваю сейчасъ еврейскій языкъ лишь какъ *предметъ* преподаванія и хочу въ этомъ смыслѣ опредѣлить его мѣсто и роль. Мнѣ кажется возможнымъ сдѣлать это въ немногихъ строкахъ, ибо послѣ всего, что выше сказано, самъ собою напрашивается выводъ: несомнѣнно, что при такомъ перенесеніи воспитательнаго центра тяжести на самопознаваніе — еврейскій языкъ совершенно неизбѣжно и естественно становится *главнымъ орудіемъ* воспитанія.

Когда человѣкъ интересуется французской литературой, онъ прежде всего изучаетъ французскій языкъ, а не полагается на переводы. Но мы вѣдь

не просто «интересуемся», для насъ это не есть вопросъ любознательности — для насъ вопросъ идетъ объ исцѣленіи и перерожденіи исковерканной еврейской души, и еврейская культура стала для насъ прибѣжищемъ единственнаго спасенія. На ея изученіи должны мы построить всю нашу новую систему воспитанія, и начать волей-неволей придется съ того нарѣчія, на которомъ записаны всѣ творенія израильскаго духа. Нашъ языкъ — это порогъ, мимо котораго нѣтъ доступа въ школу національнаго воспитанія, а проникнуть въ эту школу стало для насъ вопросомъ жизни или смерти.

Насъ упрекаютъ въ мечтательствѣ и романтизмѣ, намъ говорятъ, будто мы ведемъ свою національную проповѣдь изъ какой-то эстетической прихоти — потому, что намъ *нравится* еврейская культура и еврейскій языкъ. Да, не спорю, нравится, но не въ томъ дѣло. Если бы еврейская культура была еще ниже клеветъ Лютостанскаго, если бы еврейскій языкъ былъ хуже скрипа немазанной телѣги, то и тогда возвращеніе къ *этой* культурѣ черезъ посредство *этого* языка было бы для насъ совершенно непреодолимой реальной потребностью, отъ неудовлетворенія которой мы реально страдаемъ, — было бы властной исторической необходимостью. Насъ національзируетъ сама исторія, и тѣхъ, кто ей противится, она тоже рано или поздно повлечетъ за собою. Но они поплетутся тогда за нею въ хвостѣ, какъ связанные плѣнники за колесницей покорителя. Благо тому, кто во время пойметъ ея духъ и пойдетъ въ первыхъ рядахъ ея побѣдоноснаго теченія.

И первымъ изъ первыхъ долженъ пойти тотъ, въ чьей власти душа народа — народный учитель.

1903.

II

РѢЧЬ ВЪ ОБЩЕСТВѢ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ, ВЪ ОДЕССѢ

Какъ относиться къ идеѣ ассимиляціи еврейства? Все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ эпохи и потребностей, выдвигаемыхъ эпохой. Есть моменты, когда ассимиляція представляется безусловно желательной, когда она есть необходимый этапъ прогресса. Это можно видѣть даже на примѣрѣ отдѣльнаго человѣка. Представьте себѣ ребенка съ задатками живописца. Въ будущемъ, конечно, желательно, чтобы живописецъ былъ вполнѣ индивидуаленъ, вполнѣ самобытенъ въ своемъ творчествѣ. Но начинать съ самобытнаго творчества нельзя: воспитаніе художника по необходимости начинается съ усвоенія чужого опыта, съ подражанія чужимъ образцамъ — словомъ, съ «ассимиляціи». Только по завершеніи этого этапа возможно здоровое развитіе своеобразныхъ началъ, заложенныхъ въ натурѣ художника. — Это самое примѣнимо и къ цѣлому народу въ тотъ моментъ, когда онъ впервые (или послѣ большого перерыва) выступаетъ на поприще гражданской самодѣятельности. Какъ ни сильны, даже какъ ни цѣнны были бы его специфическія, индивидуальныя, «національныя» отличія, какъ бы пышно ни предстояло имъ развиться въ будущемъ, — начать онъ долженъ всетаки съ подражанія готовымъ образцамъ, съ копированія, съ «ассимиляціи». Эту стадію прошелъ и такой огромный, самостоятельный народъ, какъ русскіе: было время, когда даже дворянскія барышни, вродѣ пушкинской Татьяны, умѣли писать только по-французски.

Съ евреями въ Россіи повторилось то же самое. Когда измѣнившіяся условія жизни вызвали распадъ патріархальнаго гетто, и дѣтямъ его пришлось вмѣшаться, волей неволей, въ окружающую сутолоку, имъ прежде всего необходимо было овладѣть тѣмъ орудіемъ борьбы за существованіе, которое называется современной культурой. Это естественнымъ образомъ заставило нарождавшуюся еврейскую интеллигенцію съ жадностью наброситься на языки окружающей среды. При этомъ ею руководило далеко не стремленіе порвать съ еврействомъ, а напротивъ — въ основѣ тогдашняго «ассимиляціоннаго» теченія лежали ясныя и опредѣленныя побужденія національнаго интереса. Яркій памятникъ того настроенія нарисованъ Левандой въ романѣ «Горячее время». Герой этого романа — «просвѣтитель», дѣйствующій въ Вильнѣ, въ эпоху непосредственно передъ 1863 годомъ, когда на Литвѣ начиналась борьба двухъ культуръ — русской и польской. Свой выборъ онъ останавливаетъ на первой, не изъ внутреннихъ симпатій (обѣ ему чужды), а изъ холоднаго расчета: этотъ шагъ, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ еврейства, какъ третьей націи, очутившейся между двухъ становъ. Правильно ли рѣшилъ герой Леванды этотъ вопросъ или нѣтъ — дѣло не въ томъ; но важно установить, что ассимиляція въ ту эпоху была и объективно, и въ глазахъ ея дѣятелей не отреченіемъ отъ еврейскаго народа, а напротивъ — первымъ шагомъ еврейской національной самодѣятельности, первой ступенью къ обновленію и возрожденію націи.

Въ эту эпоху возникло о-во распространенія просвѣщенія. Заслуги его предъ еврействомъ огромны — именно потому, что создатели его поняли основную

нужду эпохи и пришли ей на помощь. Основною нуждой эпохи было — открыть еврею доступъ къ европейской культурѣ, внушить ему любовь и интересъ къ этой культурѣ. Это и стало задачей общества. Никакой другой задачи у него тогда и быть не могло. Смѣшно было бы въ то время (общество учреждено было въ 60-тыхъ годахъ) потребовать, чтобы оно «насаждало» еврейскую культуру: еврейская культура тогда и безъ того насаждалась, хотя нераціонально, хотя наперекоръ всѣмъ правиламъ педагогіи и даже гигіены, но въ такомъ обильномъ количествѣ, что не нуждалась ни въ какихъ поощреніяхъ извнѣ. Наоборотъ, къ европейской культурѣ и ея ближайшему проводнику — русскому языку — существовало еще пренебрежительное и враждебное отношеніе, и приходилось съ великимъ трудомъ добиваться, чтобы рядомъ съ національными элементами воспитанія удѣлялось хоть какое-нибудь мѣсто общеобразовательнымъ предметамъ. Такова была эпоха, такова была ея нужда и такова должна была быть ея основная идея, воплотившаяся въ «обществѣ просвѣщенія».

Но съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, и многое, слишкомъ многое рѣзко измѣнилось какъ внѣ, такъ и внутри еврейства. Главнымъ образомъ внутри. Если взять верхній и даже среднеій слой теперешняго россійскаго еврейства и сравнить его съ поколѣніемъ шестидесятыхъ годовъ, намъ представится картина совершенно обратная. Смѣшно теперь «насаждать» жажду къ просвѣщенію: она у евреевъ такъ сильна, напоръ въ гимназію, въ университетъ, въ институты такъ ретивъ, что въ этомъ отношеніи никакія «общества» ничего прибавить не могутъ. Русскій языкъ распространенъ такъ основательно, что черта осѣдлости счи-

тается однимъ изъ лучшихъ районовъ русскаго книжнаго сбыта. Публичныя библіотеки, лекціи, театры посѣщаются евреями съ безпримѣрнымъ рвеніемъ. При этихъ условіяхъ дѣлать и дальше изъ идеи «просвѣщенія» боевой лозунгъ значило бы ломиться въ открытую дверь. Если что теперь нуждается въ заботливомъ «насажденіи», то это, въ силу діалектической игры судебъ, *еврейская* культура, *еврейскія* начала въ воспитаніи подрастающихъ поколѣній. Ибо отъ этихъ началъ остались одни лохмотья.

Доказывать, что это правда, что національный элементъ воспитанія у высшихъ и среднихъ классовъ еврейства давно уже въ загонѣ, — значило бы тоже ломиться въ открытую дверь. Кто не знаетъ, кто не видитъ? И не со вчерашняго дня это началось. Поэтъ Гордонъ, одинъ изъ лучшихъ дѣятелей просвѣтительной эпохи, еще въ 1862 г. воспѣвавшій — на языкѣ библіи — преимущества русскаго языка, уже въ началѣ 70-хъ гг. съ горестнымъ разочарованіемъ замѣтилъ, что его послѣдователи и ученики въ своемъ усердіи забѣжали слишкомъ далеко. «Братья мои, просвѣтители, стали пренебрегать старой матерью», написалъ онъ тогда въ стихотвореніи «Для кого я тружусь?», — «они провозглашаютъ: покиньте этотъ дряхлый языкъ, и пусть каждый сольется съ нарѣчіемъ своей страны... А сыновья наши? Они съ дѣтства становятся намъ чужды. Вотъ они подвигаются впередъ, съ каждымъ годомъ, и кто знаетъ предѣлъ? и кто знаетъ доколѣ? Быть можетъ, до черты, откуда нѣтъ возврата»... Такъ на глазахъ еще у первыхъ поколѣній «просвѣтителей» совершилась метаморфоза: первоначальная идея — усвоить чужое, чтобы затѣмъ съ новой силою развивать свое — выродилась въ стре-

мленіе ликвидировать свое и безслѣдно раствориться въ чужомъ; ассимиляція изъ фактора національнаго прогресса стала факторомъ національнаго распада. А вѣдь со дня, когда вождь того поколѣнія «просвѣтителей» написалъ эти горькія слова разочарованія, прошло 40 лѣтъ, и процессъ распада проникъ еще гораздо глубже. И должно же, наконецъ, еврейство дать себѣ отчетъ; желаетъ или не желаетъ оно продолжать линію распада?

«Сыновья наши съ каждымъ днемъ уходятъ — быть можетъ, къ той чертѣ, откуда нѣтъ возврата»... Горькое пророчество давно стало правдой. На еврейской нивѣ почти не осталось интеллигентныхъ работниковъ: наша интеллигенція въ громадномъ большинствѣ ушла. Можно различнымъ образомъ понимать нужду еврейскаго народа, различнымъ образомъ представлять себѣ идеалъ его будущности, начиная съ сіонизма и кончая полной денаціонализаціей; но и для первой, и для послѣдней цѣли надо, прежде всего, *работать* съ народомъ и для народа. Прежде такъ понимали свою задачу и ассимиляторы: они жили съ народомъ, волновались его заботами, трудились для него и, проповѣдуя свой идеалъ, все же стояли обѣими ногами на реальной почвѣ еврейства. А теперешніе — просто уходятъ въ сторону, просто бросаютъ на произволъ судьбы: пропадайте, молъ, сами, какъ знаете. И масса, покинутая въ своемъ тупикѣ, въ лабиринтѣ своего бѣдствія, бьется, мечется и не видитъ исхода; ей нужны просвѣщенные вожди, такъ нужны, такъ необходимы, какъ никакому другому народу на свѣтѣ, — а между тѣмъ ея просвѣщенныя дѣти служатъ всѣмъ народамъ на свѣтѣ, только не ей. Нѣтъ работниковъ ни для какого еврейскаго дѣла,

отъ большого до самаго малаго, старые устаютъ и сходятъ со сцены, а новыхъ не видно. И мы знаемъ стариковъ, посѣдѣвшихъ на службѣ ассимиляціи, которые со скорбнымъ недоумѣніемъ смотрятъ на эту надвигающуюся пустоту и горько спрашиваютъ себя: — Для *этого* мы работали? Для того, чтобы изъ ассимиляціи родился индифферентизмъ?!

Думаю, что на этотъ горькій вопросъ правда жизни откликается горькимъ отвѣтомъ: да, вы для этого работали. Ибо для того, чтобы изъ подростающихъ поколѣній выходили работники для еврейства, надо преданность еврейству положить въ центръ и основу ихъ воспитанія. Окружающій міръ слишкомъ прекрасенъ, привoленъ и богатъ по сравненію съ неприглядностью и бѣдностью еврейскаго существованія; и для того, чтобы эта красота не сманила человѣка, не соблазнила его отвернуться отъ родной лачуги, нужно развить въ его душѣ прочныя, нерасторжимыя идеальныя связи. Этихъ связей не создать одними словесами. Чтобы сковать такія связи, надо распахнуть предъ подрастающимъ поколѣніемъ все то великое и красивое, что есть въ еврейской сокровищницѣ, ввести въ нее, провести по всѣмъ ея угламъ, растолковать цѣнность каждой жемчужины, научить дорожить и гордиться. Красотѣ, манящей извнѣ, надо противопоставить собственную красоту, чтобы не выпускать на житейскую улицу санкюлотовъ, убѣжденныхъ въ нищетѣ и никчемности своего народа и спасающихся, куда глаза глядятъ. Углубленіе въ національныя цѣнности еврейства должно стать главнымъ, основнымъ, преобладающимъ элементомъ еврейскаго воспитанія. Это необходимо не для того, чтобы потѣшить націоналистовъ. Это необходимо для того, чтобы удержать на

еврейской нивѣ ея разбѣгающихся пахарей, чтобы еврейская масса не осталась безъ руководителей, еврейское дѣло безъ работниковъ, «народъ книги» — страшная иронія судьбы — безъ интеллигенціи!

«Уходятъ за черту, откуда нѣтъ возврата»... Почему уходятъ? Почему уходятъ, особенно въ послѣднее время, такими густыми массами, съ такой циничной легкостью, безъ намека на колебанія, на сожалѣнія, выбрасывая балластъ еврейства, словно ненужный песокъ, по первому требованію невзгоды? Почему? Кто виноватъ? Кто довелъ до этой черты?.. Мнѣ пришлось недавно писать объ этомъ новомъ «бытовомъ явленіи» еврейской современности, и послѣ того я получилъ нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей, перешагнувшихъ туда, «откуда нѣтъ возврата». Письма были разныя, были и грубыя, и циничныя, и грустныя, но во всѣхъ, безъ исключенія, на первомъ планѣ стоялъ одинъ и тотъ же доводъ: что намъ еврейство? Мы о немъ ничего не знаемъ, насъ никто не училъ понимать и любить его; ничего удивительнаго, если мы ушли. — И они совершенно правы. Ничего удивительнаго. Что мы посѣяли, то и пожали...

1910.

ВЪ ТРАУРНЫЕ ДНИ

...Вотъ уже сколько прошло погромовъ, а я никакъ не могу себя пропитать внутреннимъ интересомъ къ событіямъ этого рода. Конечно, я не умаляю ихъ разрушительной силы, не обезцѣниваю человѣческаго горя, что они приносятъ, но внутренняго интереса не могу въ себѣ вызвать. Какъ я ни стараюсь себя расшевелить, мнѣ все кажется, что надъ нами совершается большая кровавая безсмыслица, по поводу которой можно плакать, кто еще не разучился, но не стоитъ и не о чемъ размышлять. Я писалъ объ этомъ недавно — въ погромахъ есть ведра крови и пуды человѣческаго мяса, но нѣтъ въ нихъ для еврейскаго сознанія того сокрытаго урока — mussar Elohim, который возвысилъ бы ихъ до степени трагедіи. Въ трагедіи обязательно должна содержаться нѣкая невѣдомая правда, новое слово, которое познается въ этихъ мукахъ и открываетъ народу новые пути. А что и кому изъ насъ открыли эти погромы, кого изъ насъ и чему могли научить? Только кишиневская рѣзня сыграла крупную роль въ нашемъ общественномъ сознаніи, потому что мы тогда обратили вниманіе на еврейскую трусость. Но остальные погромы свелись

просто къ огромной, животной и безсмысленной уголовщинѣ — больше ничего.

Мы истекаемъ кровью и не знаемъ, во имя чего, и какіе выводы сдѣлать изъ нашихъ страданій. Въ октябрѣ 1905 г. насъ громили разные слои русскаго общества и народа, но мы и раньше знали, что мы окружены врагами; къ этому знанію ни октябрь, ни Бѣлостокъ ничего не прибавили. Въ Сѣдлецѣ насъ громили оффиціально, повидимому безъ участія общественныхъ элементовъ, — но вѣдь даже хасиды Сѣдлеца давно знаютъ цѣну пану урядику. Такъ мѣняется обстановка погромовъ, списокъ участниковъ и форма ранъ, но по существу остается одно и то же — остается вѣщее слово Бялика: «нѣтъ смысла въ вашей смерти»...

Когда мнѣ разсказываютъ подробности погромовъ, мое вниманіе помимо воли отрывается и ускользаетъ на другіе пути. Мнѣ хочется уяснить себѣ вопросъ: хорошо, допустимъ, что я дослушаю до конца и буду знать, гдѣ, какъ и кого они убили, но вѣдь не въ этомъ дѣло, а вотъ какъ быть дальше, что можно сдѣлать противъ погромовъ?

Самооборона — врядъ ли объ этомъ можно говорить серьезно. Она не принесла намъ въ итогѣ никакой пользы: вначалѣ страхъ передъ нею дѣйствительно предотвратилъ нѣсколько погромовъ, но теперь, когда *тѣ* ее испытали на дѣлѣ и сравнили количество убитыхъ евреевъ и погромщиковъ, кто съ ней считается?

Итоги самообороны надо подводить по общимъ результатамъ, и эти итоги ясно говорятъ: когда *имъ* угодно, они устраиваютъ погромъ и убиваютъ столько евреевъ, сколько имъ нужно, а самооборона тутъ не при чемъ. Конечно, въ самооборонѣ есть утѣшеніе.

Но ея практическій итогъ равенъ нулю и нулемъ останется, и пора спокойно признать это вслухъ, чтобы люди даромъ не надѣялись.

Нѣкоторые господа въ послѣднее время придумали новое средство — антипогромную пропаганду. Одна моя знакомая дѣвочка увѣряетъ, что бѣлокъ ловятъ очень просто: надо къ ней подойти на полшага разстоянія и насыпать ей соли на хвостъ, и готово — бѣлка въ плѣну. Я всегда объ этомъ вспоминаю, когда мнѣ говорятъ объ антипогромной агитаціи. Старая пѣсня, давно знакомая иллюзія — эти люди будутъ печатать статьи и брошюры, устраивать лекціи, и они думаютъ, что русскіе станутъ ихъ читать или слушать. Еще бы, держите карманъ. Я помню жалкій восторгъ евреевъ, когда въ 1905 г. въ «Сынѣ Отечества» появилась большая и скверная статья «Трагедія шестимилліоннаго народа». Имъ казалось, что вся Россія читаетъ и умиляется. А на самомъ дѣлѣ только евреи одни и расхватали этотъ знаменитый номеръ газеты, памятникъ нашей глупости, и на русскихъ она никакого впечатлѣнія не произвела просто потому, что у каждаго есть свои заботы и ему не до чужихъ, особенно въ наше время. Еще ярче выказалась наша глупость, когда послѣ октября въ Петербургѣ устроили отъ имени союза союзовъ «русскій» митингъ протеста и приложили всѣ старанія, чтобы евреи сидѣли дома, а русскіе пришли; оказалось, конечно, что русскіе остались дома, а ораторамъ пришлось ломать комедію передъ сплошной еврейской публикой, призывая ее протестовать отъ благороднаго русскаго сердца. И это вполнѣ понятно — русскіе не пришли вовсе не по злобѣ, а изъ самаго законнаго равнодушія, потому что каждый человѣкъ, въ особенности серьезный и

дѣльный человѣкъ, естественно удѣляетъ вниманіе *своимъ* насущнымъ интересамъ и не обязанъ его удѣлять интересамъ другихъ.

Я знаю, теперь эта идея многихъ увлекаетъ, и образовались даже нарочитыя книгоиздательства для печатанія классическихъ апологій, надъ которыми сами евреи зѣваютъ, а не-евреямъ, безъ сомнѣнія, даже и зѣвать не приходится. Образовались также въ разныхъ мѣстахъ досужія комиссіи, которыя разсылаютъ такую словесность направо и налѣво, по случайнымъ адресамъ, или даже при газетахъ... Сыпьте, сыпьте бѣлкѣ соль на хвостъ! Получитъ еврей брошюрку — позѣваетъ, но прочтетъ; получитъ русскій — посмотритъ: а, это про евреевъ? — и отложитъ въ сторону. У него своихъ хлопотъ довольно. Что, — онъ, по вашему, обязанъ досконально знать и про армянъ, и про чукчей?

Всѣ эти вѣрующіе господа думаютъ, что если русская масса охотно читаетъ юдофобскую литературу, она столь же охотно будетъ читать и юдофильскую. Большая и наивная ошибка. Прежде всего надо помнить о тѣхъ элементахъ, которые въ данномъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ — о черной сотнѣ въ простѣйшемъ смыслѣ, которая хочетъ погрома ради грабежа и обѣщанной мзды: имъ не нужна даже погромная литература, а пронять ихъ еще антипогромной проповѣдью — вѣдь это была бы совсѣмъ ужъ глупая мечта. Наши проповѣдники, несомнѣнно, имѣютъ въ виду другую часть массы — среднюю, обывательски-честную, ту самую, которую дѣйствительно почти такъ же легко будетъ въ надлежащую минуту послать на баррикады, какъ и на погромъ. Но эта масса и есть именно та, которая психологически

не можетъ заняться чтеніемъ брошюръ о еврейскихъ добродѣтеляхъ. Погромную брошюру она жадно читаетъ по той самой причинѣ, почему она жадно читаетъ и летучій листокъ революціонеровъ — если онъ, конечно, изложенъ понятнымъ языкомъ: здѣсь ей говорятъ о причинахъ *ея* собственныхъ страданій, указываютъ ей средства къ облегченію *ея* собственныхъ бѣдъ. Разница только въ томъ, что погромная брошюра во всемъ винитъ жида, революціонный листокъ — урядника, но и здѣсь, и тамъ ей прежде всего говорятъ не о жидахъ и не объ урядникахъ, а о *ней* самой, объ *ея* кровныхъ интересахъ. Совершенно другое дѣло — антипогромная литература. Въ самомъ ея назначеніи коренится абсолютная невозможность ея успѣха: она вся посвящена доказательству именно того, что къ страданіямъ русской массы жидъ нисколько не причастенъ, что не онъ виноватъ, не въ немъ причина — словомъ, что ей, русской массѣ, отъ еврея ни тепло, ни холодно... Но тогда съ какой же стати будетъ она тратить время на чтеніе о томъ, отъ чего ей ни тепло, ни холодно? Массовому человѣку чтеніе дается нелегко; онъ не умѣетъ «пробѣгать» строки, онъ вчитывается и вникаетъ. И именно поэтому онъ беретъ въ руки только ту книжку, о которой ему доподлинно извѣстно, что тутъ — вѣрно или невѣрно, другой вопросъ — объяснены причины его нужды и горя. Не можетъ онъ, органически не можетъ и по совѣсти даже не обязанъ интересоваться какими-то евреями, какъ таковыми. Съ того самаго момента, какъ они перестаютъ быть причиной его бѣдъ, они для него теряютъ всякій интересъ. Сказать ему, что въ этой брошюрѣ доказывается невинность евреевъ, значитъ сказать ему, что эта брошюра до

него не касается. Русская масса глотаетъ и будетъ глотать погромную литературу, потому что это литература о ней, и не будетъ читать антипогромныхъ брошюръ, потому что это литература о евреяхъ.

Моя знакомая дѣвочка очень наивная дѣвочка. Она не соображаетъ, что прежде чѣмъ насыпать бѣлкѣ соли на хвостъ, надо подойти къ бѣлкѣ, а въ этомъ и вся загвоздка.

... Я прекрасно понимаю тѣ добрыя побужденія, которыя заставляютъ разныхъ господъ измышлять всѣ эти проекты спасенія, но ничего изъ этого не выйдетъ. Спасенія нѣтъ. Не злая воля подстрекателей, не темнота народной толпы, но сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась нынѣ противъ нашего народа, и мы безсильны и безпомощны. Молодежь наша будетъ честно защищаться, но лавина разгрома съ хохотомъ погребетъ эти хрупкія дружины и даже не замедлитъ своего хода. Кратеры голуса разверзлись, буря сорвалась съ цѣпи, и чужбина сотворитъ надъ нами все, что ей будетъ угодно. Вы будете корчиться отъ бѣшенства и подымать яркія знамена борьбы, вы напряжете всѣ силы духа, чтобы найти тропинку спасенія, и сами себѣ повѣрите на мигъ, будто нашли ее, — но я не вѣрю и гнушаюсь утѣшать себя сказками, и говорю вамъ со спокойнымъ холодомъ въ каждомъ атомѣ моего существа: нѣтъ спасенія, вы въ чужой землѣ, и до конца свершится надъ вами воля чужбины!

Одинъ еврей-журналистъ воспользовался недавно Бѣлостокомъ, чтобы сунуть мнѣ въ душу свои пальцы и пощупать тамъ, какова моя «погромная философія». И нашелъ, что я равнодушенъ къ еврейскому горю. Я ему не отвѣтилъ — я слишкомъ хорошо понимаю

настроеніе людей этого типа, чтобы гнѣваться на нихъ за несправедливость или обиду. Здѣсь было повтореніе старой еврейской исторіи — человѣкъ отдалъ лучшіе соки своей жизни на то, чтобы распахать чужую ниву, и въ послѣднюю минуту хозяева убили его братьевъ и трупами ихъ удобрили свое поле; и человѣкъ пошатнулся отъ оскорбленія, и судорожно хватается за соломинки, и злится на всѣхъ людей за каждое слово правды, и хочетъ непремѣнно что-то такое кропотливо и мелочно доказать или опровергнуть — даже нельзя понять, что именно. Я не сталъ ему отвѣчать, да и нечего мнѣ было ему отвѣтить: у меня нѣтъ никакой погромной философіи...

У меня нѣтъ погромной философіи. Я не изъ тѣхъ, которымъ она необходима, чтобъ было чѣмъ заштопать прорѣхи, было за что ухватиться, когда чужой ураганъ опрокинетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ истуканами. Я ничему не учусь на погромахъ нашего народа, и ничего мнѣ сказать не могутъ они такого, чего бы я раньше не зналъ. И я не ищу понапрасну лекарственной травы противъ отдѣльныхъ нарывовъ голуса, потому что я въ нее не вѣрю. У меня нѣтъ ни погромной философіи, ни погромной медицины. Я люблю мой народъ и Палестину: это моя вѣра, это ремесло моей жизни, и ничего мнѣ на свѣтѣ больше не нужно. И когда разражается громъ, и рабскія души мечутся съ жалобнымъ воемъ и ищутъ пластыря для скорой помощи, я стискиваю зубы, собираю мои силы и дѣлаю дальше работу моего ремесла. Я хочу торговать шекелями среди погрома, я клею голубую марку на списокъ убитыхъ: въ этомъ моя гордость. Вы сунули пальцы въ мою душу и не нащупали въ ней ничего, кромѣ равнодушія — видно, толстая кожа стала

на вашихъ пальцахъ отъ чуждой работы. Но что бы ни творилось у меня на душѣ, — никогда не приду я на страшное пожарище моего народа съ заплаканнымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ, и ни его, ни себя не оскверню надругательствомъ жалкихъ утѣшеній. У меня нѣтъ лекарствъ отъ погрома — у меня есть моя вѣра и мое ремесло; не изъ погромовъ я вынесъ эту вѣру, и не ради погрома я оставлю даже на часъ это ремесло. Вѣра моя говоритъ, что пробьетъ день, когда мой народъ будетъ великъ и независимъ, и Палестина будетъ сверкать всѣми лучами своей радужной природы отъ его сыновняго рабочаго пота. Ремесло мое — ремесло одного изъ каменщиковъ на постройкѣ новаго храма для моего самодержавнаго Бога, имя которому еврейскій народъ. Когда молнія рѣжетъ насквозь черное небо чужбины, я велю моему сердцу не биться и глазамъ не глядѣть: я беру и кладу очередной кирпичъ, и въ этомъ мой единственный откликъ на грохотъ разрушенія.

1906.

ЕВРЕЙСКАЯ КРАМОЛА

Наше движеніе пробиваетъ себѣ дорогу въ атмосферѣ непониманія и клеветы. Кто близко видѣлъ жизнь разныхъ партій и слѣдилъ за ихъ враждою, знаетъ, что ни противъ одной изъ нихъ не пущено въ ходъ столько ненависти, сколько противъ насъ. Сдѣлано все, чтобы насъ изолировать. Свѣжій человѣкъ изъ средняго круга, примкнувшій къ нашему лагерю, замѣчаетъ, какъ понемногу отъ него ускользаютъ старыя связи, падаетъ общественное признаніе. вмѣсто уваженія въ глазахъ окружающихъ мелькаютъ искорки пренебрежительнаго недоумѣнія. Съ поражающей быстротой создается вокругъ него — за предѣлами партійной жизни — холодъ одиночества.

Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Такъ было и всегда будетъ. Когда на улицѣ праздникъ, люди требуютъ, чтобы всѣ были въ брачныхъ одеждахъ; среди еврейской интеллигенціи до сихъ поръ еще держится вѣра, что праздникъ относится и къ нашей улицѣ; и когда между ними проходитъ человѣкъ съ траурной повязкой на рукѣ и съ кличемъ: «не вѣрьте!» — они раздраженно отворачиваются. Это вполнѣ естественно, роптать противъ этого безполезно. Навстрѣчу недруже-

любію, навстрѣчу злобѣ и клеветѣ надо нести нашу горькую правду безъ прикрасъ и безъ смягченій.

Я хочу начать сегодня съ самаго горькаго зерна этой горькой правды, и не только потому, что оно горше всѣхъ остальныхъ, но еще больше потому, что въ этомъ вопросѣ главный корень упрямой ненависти, которой окружено наше движеніе. Флагъ надо подымать сразу надъ тѣмъ мѣстомъ, куда направленъ самый жестокій натискъ противника. Это — вопросъ о еврейской роли въ русскихъ событіяхъ.

Почти уже десять лѣтъ, какъ люди нашего лагеря ведутъ настойчивую проповѣдь осторожнаго и сдержаннаго отношенія къ этой роли. Можетъ быть, эта проповѣдь была ошибкой съ ихъ стороны, потому что она тактически много намъ повредила, а практически не принесла результата: всѣ, въ комъ только было достаточно задору, всѣ побѣжали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую исторію. Разъ оно такъ случилось, значитъ и не могло быть иначе, и наша проповѣдь осуждена была на безплодіе, и было бы расчетливѣе совсѣмъ не тратить нашей силы на этотъ споръ. Въ *этомъ* смыслѣ мы, быть можетъ, сдѣлали дѣйствительно ошибку, но только въ *этомъ*. Есть и другой смыслъ — смыслъ исторической правды, которая не всегда во время проникаетъ въ сознаніе людей, но всегда остается правдой. Эта правда была за нами. И теперь, когда накопленъ еврействомъ Россіи неслыханный, чудовищно-богатый опытъ, когда пережито все, что можно было пережить на быстромъ пути между верхомъ восторга и пропастью отчаянія, теперь мы подводимъ итогъ и спрашиваемъ: кто былъ правъ?

Намъ до сихъ поръ стараются втолковать, что дѣло Россіи есть общее дѣло, какъ будто противъ этого кто-нибудь спорилъ. Суть спора въ томъ, что на общее дѣло надо и расходовать сообща, а сообща значитъ пропорціонально. Затраты каждой общественной группы должны быть точно соразмѣрены и съ ея интересами, и съ ея силами. Больше долженъ тратить на общее дѣло тотъ, кто получитъ бо́льшую выгоду отъ его осуществленія; больше долженъ тратить тотъ, у кого силы и средствъ больше. Пропорціональное представительство въ революціи! — Наша еврейская затрата на дѣло обновленія Россіи не была соразмѣрна ни съ нашими интересами, ни съ нашимъ значеніемъ, ни съ нашими силами. Даже въ моменты наибольшаго опьяненія надеждами не было въ рядахъ еврейской арміи ни одного глупца настолько безсовѣстнаго, чтобы ждать отъ успѣха борьбы полнаго отвѣта на еврейскій вопросъ, — ни одного, кто въ глубинѣ души не понималъ бы, что въ обновленной Россіи намъ придется жить съ тѣми же сосѣдями, а психологія сосѣдей въ этомъ отношеніи еще нигдѣ и никогда не перерождалась отъ политической реформы, и суть неравенства не мѣняется отъ замѣны казеннаго гнета общественнымъ непризнаніемъ. Это всѣ понимали. Всѣ понимали, что намъ обновленіе Россіи дастъ меньше, непомѣрно меньше, — и все же мы заплатили больше, непомѣрно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ мы собственною волей систематически вносили на алтарь общаго дѣла удесятеренную живую подать, — а когда взошелъ посѣвъ, судьба взыскала съ насъ уже помимо нашей воли неслыханную доплату... Кто же былъ правъ?

Или все это теперь окупится? Или не разумнѣе было бы для раздавленнаго и опустошеннаго племени уступить переднее мѣсто въ бою сильнѣйшимъ? И если даже повѣрить, что отъ этого, по чужой косности, ходъ событій растянулся бы на болѣе долгіе годы, — кто рѣшится сказать, что не лучше было бы для нашего народа встрѣтить обновленіе позже, но не за такую цѣну?

Наши политическіе плясуны въ отвѣтъ на все это кричатъ о психологіи лавочника, о мелочныхъ расчетахъ, достойныхъ мѣщанской души. Да. Надъ народнымъ достояніемъ и благомъ честный человѣкъ долженъ стоять на стражѣ скупо и расчетливо, какъ лавочникъ надъ своею кровною кассой. Семь разъ отмѣрь и одинъ разъ отрѣжь — это правило мѣщанина, но политическая партія совершаетъ низкое и нечестное дѣло, если она хоть на мгновеніе забываетъ объ этомъ правилѣ. Звать массу на трудный подвигъ, не взвѣсивъ раньше до золотника, во что это ей обойдется, не разоритъ ли ее непомѣрное бремя и стòитъ ли вся игра свѣчъ, — это значитъ быть въ худшемъ случаѣ предателемъ, въ лучшемъ случаѣ болтуномъ. — Но тутъ есть и другая сторона расчета. Наши затраты не окупятся для насъ, но окупятся ли онѣ хоть для общаго дѣла? Правда ли то, что еврейская энергія облегчила и ускорила восходъ русской свободы?

За каждымъ изъ насъ должно быть признано право, на исходѣ опредѣленнаго періода исторіи, въ такіе дни затишья, какъ нынѣшніе, сѣсть за столъ и подсчитать итоги, подсчитать все то хорошее и все то дурное, что произошло отъ участія нашего народа въ революціи. Я хочу это сдѣлать. Попы-

таюсь это сдѣлать исключительно помощью трезваго разсудка, намѣренно сухо, безъ всякихъ апелляцій къ чувству. Рѣчь идетъ о подсчетѣ, объ итогѣ, и я хочу дѣйствовать, какъ безличный и добросовѣстный бухгалтеръ, у котораго, быть можетъ, не всѣ данныя въ рукахъ, но одна только прямая цѣль — получить, насколько это въ его силахъ, правильный балансъ.

Ходячее представленіе такъ формулируетъ роль, сыгранную въ освободительномъ движеніи евреями:

Революціи не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющійся матеріалъ, они — грибокъ фермента, который призванъ былъ возбудить броженіе въ огромной, тяжелой на подъемъ Россіи. И такъ далѣе. Все это много разъ уже сказано, много разъ писано чернымъ на бѣломъ, и считается большою истиной. Но я, счетоводъ, надъ этой затратой еврейскаго народа останавливаюсь въ нелегкомъ раздумьи, и не знаю, окупилась и окупится ли она.

О, безспорно, это заманчивая задача: быть застрѣльщиками великаго дѣла, разбудить политическое сознаніе въ 150-тимилліонномъ народѣ, поднять красное знамя на Литвѣ такъ высоко, чтобъ увидалъ и Тамбовъ, и Саратовъ, и Кострома, — чтобъ увидали и сказали другъ другу: «Пойдемъ за нимъ». И, конечно, все это было сдѣлано, поскольку оно зависѣло отъ еврейскихъ революціонеровъ: знамя было поднято, и такъ высоко, и съ такимъ шумомъ, что Кострома, несомнѣнно, увидѣла. Но какое дѣйствіе произвело это на политическое сознаніе Костромы?

Я вспоминаю, отмѣчаю, подсчитываю, и вижу ясно, что дѣйствіе было двоякаго рода. Съ одной стороны Кострома, безспорно, вводилась во искушеніе. Эта

борьба на другомъ концѣ Россіи не могла не вызывать у нея, Костромы, соблазнительной мысли: значитъ, можно и у насъ попробовать тѣмъ же манеромъ? — Въ то же время отдѣльные евреи добирались и до самой Костромы, и лично старались тамъ претворить эту соблазнительную мысль въ дѣйствіе. Все это вело, конечно, къ пробужденію политическаго сознанія. Но... А съ другой стороны?

Я вспоминаю потемкинскіе дни въ одесскомъ порту. Огромная толпа гаванскихъ и заводскихъ рабочихъ, самодѣльная трибуна и ораторы на этой трибунѣ. Днемъ толпа еще не была пьяна, даже не подозрѣвала, что черезъ нѣсколько часовъ она же будетъ лизать ликеръ съ булыжника мостовой и жечь пакгаузы. Днемъ толпа эта была настроена нѣсколько торжественно и необычайно, благодаря присутствію мертвеца въ палаткѣ и вообще всей обстановкѣ того страннаго дня. Толпа была въ томъ состояніи неопредѣленнаго подъема, когда изъ нея можно сдѣлать все, что угодно: и мятежъ, и погромъ. Рѣчистый молодецъ, съ открытымъ славянскимъ лицомъ и широкими плечами, могъ бы ее повести за собою штурмомъ на городъ. И ораторовъ, дѣйствительно, слушали съ захватывающимъ вниманіемъ. Но рѣчистый добрый молодецъ не появлялся, а выходили больше «знакомыя все лица» — съ большими круглыми глазами, съ большими ушами и нечистымъ *р*. И въ толпѣ всякій разъ, со второго слова каждаго оратора, слышалось замѣчаніе: А онъ жидъ? — Именно замѣчаніе, а не возгласъ, не окрикъ; въ этомъ, сохрани Боже, не чуялось никакой злобы — это просто, такъ сказать, принималось къ свѣдѣнію. Но ясно въ то же время ощущалось, что подъемъ толпы гаснетъ. Ибо въ такія минуты, какъ та, нужно, чтобы

«толпа» и ея «герой» звучали въ унисонъ, чтобы ораторъ былъ *свой* отъ головы до ногъ, чтобы отъ голоса, отъ говора, отъ лица, отъ всей повадки его вѣяло роднымъ — деревней, степью, Русью.

Тутъ были вѣдь не спропагандированные люди, которыхъ можно взять резонами, — тутъ была масса, неподготовленная, но ко всему готовая, если ее схватить за душу. Но чтобы схватить за душу, надо имѣть доступъ къ душѣ, а чтобы умѣть проникать въ душу народа, нужно принадлежать къ этому народу. Нужно тогда, чтобы ничто, ни одна нотка, ни одинъ жестъ не покоробили, не оттолкнули стихійнаго чутья толпы. Здѣсь этого сродства не было. Выходили евреи и говорили о чемъ-то, и толпа слушала ихъ безъ злобы, но безъ увлеченія; чувствовалось, что съ появленія перваго оратора-еврея у этихъ русаковъ и хохловъ мгновенно создалась мысль: жиды пошли — ну, значитъ, все это, видимо, ихъ только, жидовъ, и касается. Создалось впечатлѣніе чужого, не своего дѣла, разъ о немъ главнымъ образомъ радѣютъ чужіе. И больше ничего. Да и этого было довольно: расплылось и упало настроеніе, толпа стала разбредаться, появились награбленныя бутылки, и безпомощные агитаторы ушли въ городъ, оставивъ портъ и босячество на волю судьбы.

Я далекъ отъ того, чтобы медленный ростъ политическаго сознанія въ русскихъ массахъ объяснять всецѣло обиліемъ евреевъ-агитаторовъ. Но я не сомнѣваюсь въ одномъ: подымать народную новь можетъ только свой. У чужого — если онъ не Лассаль, но вѣдь Лассаль былъ геній агитаціи, а геніи не повторяются, — у чужого нѣтъ того обаянія, которое въ такихъ случаяхъ необходимо. Народъ чуетъ чужака и

особенно чужаковъ, если ихъ много, и инстинктивно сторонится.

А враги этимъ пользуются. Изъ двадцати процентовъ евреевъ они дѣлаютъ девяносто, и кричатъ народу: берегись, это еврейское дѣло! И народъ имъ вѣритъ, или, по крайней мѣрѣ, долго и упорно вѣрилъ, и мы это чувствовали на своей спинѣ. Когда не въ моготу становились страданія русскаго народа, и вотъ-вотъ готовъ былъ прорваться его гнѣвъ,— кто сосчитаетъ, сколько разъ въ такіе моменты реакція спасала себя искусной игрою на этой слабой стрункѣ стихійнаго существа — на недовѣріи къ революціи, предводимой инородцами?

Я прекрасно знаю, что еврейскіе революціонеры нисколько не отвѣтственны за то, какъ освѣщала реакція ихъ роль въ освободительномъ движеніи. Да я никого и не виню, я только подсчитываю результаты. И говорю, что если съ одной стороны еврейская революція будила политическое сознаніе русскихъ массъ, то съ другой стороны преизобиліе евреевъ въ рядахъ крамолы давало реакціи цѣнный и богатый матеріалъ для затемненія политическаго сознанія этихъ массъ. Отрицать это значило бы лгать самимъ себѣ. И пусть не думаютъ, что это былъ слабый или недѣйствительный факторъ затемненія! Въ 1863 году реакція сыграла такую же спекуляцію на польскомъ повстаніи, и успѣхъ этой спекуляціи всѣмъ извѣстенъ. Недовѣріе къ чужаку всегда было и долго еще будетъ могучимъ тормазомъ для правды, приходящей извнѣ.

И я, бухгалтеръ, не знаю, что мнѣ дѣлать съ этой статьею баланса, на какую страницу вписать ее. Революціонный пылъ еврейскихъ соціалистовъ будилъ

политическое сознаніе остальной Россіи, но онъ же способствовалъ и затемненію этого сознанія. Онъ давалъ топливо для революціи и пищу для реакціи. Что же было сильнѣе: первое или второе? Иными словами: ускорила или замедлила еврейская крамола наступленіе всероссійской революціи? И если даже ускорила, то на великій ли срокъ? И стоитъ ли этотъ срокъ той крови стариковъ, и женщинъ, и дѣтей, которой насъ заставили заплатить, подъ ножами предателей. за крушеніе стараго строя? Не выгоднѣй ли было для народа подождать еще нѣсколько лѣтъ — вѣдь и безъ евреевъ, наконецъ, не погибла бы Россія, — но дешевле заплатить за свободу?

Пусть, положа руку на сердце, отвѣчаетъ, кто можетъ, — я не могу, потому что не знаю отвѣта.

Я написалъ недавно въ одной русской газетѣ, что еврейская кровь на баррикадахъ лилась «по собственной волѣ еврейскаго народа», и меня упрекали за эту фразу. Но я именно такъ думаю. Я считаю невѣжественной болтовнею всѣ модныя фразы о томъ. что у евреевъ нѣтъ народной политики, а есть классовая. У евреевъ нѣтъ классовой политики, а была и есть (хотя только въ зародышѣ) политика національнаго блока, и тѣмъ глупѣе роль тѣхъ, которые всегда дѣлали именно эту политику, сами того не подозрѣвая. Они дѣлали ее на свой ладъ, съ эксцессами и излишествами, но по существу они были всѣ только выразителями разныхъ сторонъ единой воли еврейскаго народа. И если онъ выдѣлилъ много революціонеровъ — значитъ, такова была атмосфера національнаго настроенія. Еврейскія баррикады были воздвигнуты по волѣ еврейскаго народа. Я въ это вѣрю, и разъ оно такъ, я преклоняюсь и привѣтствую еврейскую революцію.

Но на пользу ли народу пошла эта революція? Не знаю. Воля народа не во всякій отдѣльный моментъ ведетъ къ его благу, потому что не всегда народъ способенъ вѣрно учесть объективные шансы за и противъ себя. И въ особенности легко ошибиться тогда, когда весь расчетъ основанъ на вѣрѣ въ сильнаго союзника, на вѣрѣ въ то, что онъ пойметъ, онъ откликнется, онъ поможетъ, — а на дѣлѣ никто изъ насъ этого союзника не знаетъ, и Богъ вѣсть еще, какъ онъ насъ отблагодаритъ...

Только тамъ, гдѣ на себя самого и ни на кого больше не долженъ расчитывать народъ, — только тамъ воля народа всегда ко благу его. Таково наше движеніе. Мы не звали народъ ни къ кому въ объятія, не сулили ему ничьей благодарности за услуги и заслуги: мы строили и скрѣпляли народное единство, и воспитывали сознаніе національныхъ задачъ. И потомки благословятъ насъ за наши суровые призывы къ эгоизму, за наше открытое и явное невѣріе въ чужую помощь, и скажутъ: благо тѣмъ, которые въ то смутное время, полное миражей и обольщеній, умѣли выбрать прямую дорогу и повели свой народъ навѣки прочь отъ чужой помощи и чужого предательства.

Мы — партія національнаго зодчества — никогда не хотѣли играть въ слѣпую, и въ этомъ вся разница между нами и другими. Мы всегда знали, что работа на полѣ, гдѣ не мы хозяева, есть игра съ завязанными глазами и ничѣмъ инымъ не можетъ быть, и мы протестовали противъ вовлеченія народной массы въ эту безумную авантюру. И теперь, послѣ новыхъ и рѣшающихъ опытовъ, мы съ полнымъ сознаніемъ остаемся на старой позиціи. Мы честно и дружно пойдемъ съ освободительнымъ движеніемъ, ибо внѣ

свободы немыслимо національное сплоченіе, но самая сила вещей отвела евреямъ мѣсто во вторыхъ рядахъ, и мы оставляемъ первыя шеренги представителямъ націи-большинства. Мы отклоняемъ отъ себя несбыточную претензію *вести*: мы *присоединяемся* — это все, что объективно подъ силу нашему народу. Въ этой землѣ не намъ принадлежитъ созидательная роль, и мы отказываемся отъ всякихъ притязаній на творчество чужой исторіи.

Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы служимъ еврейскому народу и не желаемъ другого служенія. Здѣсь мы не слѣпы, здѣсь не ведемъ народъ въ безвѣстную темноту, на добрую волю союзниковъ, которыхъ не знаемъ, за которыхъ не вправѣ ручаться. Здѣсь мы даемъ народу цѣль и говоримъ: у тебя нѣтъ союзниковъ — или самъ за себя, или нѣтъ спасенія. Никто на свѣтѣ не поддержитъ твоей борьбы за твою свободу. Вѣрь только въ себя, сосчитай *свои* силы, измѣрь *свою* волю, и тогда — или иди за нами, или да свершится надъ тобою судьба побѣжденныхъ.

1906.

ВАШЪ НОВЫЙ ГОДЪ

(Письмо на родину)

Между Одессой и Петербургомъ ходитъ скорый поѣздъ. Въ полдень ему даютъ третій звонокъ на перронѣ одесскаго вокзала, а приходитъ онъ въ столицу на вторыя сутки въ девять утра; обратно онъ выходитъ вечеромъ и прибываетъ въ Одессу около шести часовъ послѣ обѣда. Если вы сосчитаете, то увидите, что по дорогѣ туда онъ встрѣчаетъ первую полночь около Бердичева, а вторую нѣсколько дальше Двинска; на обратномъ пути первая полночь у него приблизительно въ Лугѣ, а вторая гдѣ-то не доѣзжая Ровна. По обѣ стороны его полотна разстилается многоземельная, но тѣсная страна — черта еврейской осѣдлости.

Я встрѣтилъ первое января 1904 года въ вагонѣ близъ станціи Луга. Первое января 1905 года въ вагонѣ за Двинскомъ. Первое января 1906 года въ вагонѣ около Бердичева. Первое января 1907 года въ вагонѣ гдѣ-то не доѣзжая Ровна. — Я немного усталъ.

Въ этотъ разъ я никуда не поѣхалъ и никуда не пошелъ. Люди Вѣны ждутъ первой январской полночи на площади у собора св. Стефана, веселятся

и шумять: но я никуда не пошелъ. Я усталъ, я слишкомъ много шуму переслышалъ за эти четыре года.

У меня горѣла на столѣ моя лампа и въ печкѣ рдѣли угольки, у меня былъ чай, диванъ, книги, опущенныя занавѣси и тепло въ комнатѣ. Это было, вѣроятно, то самое, что люди зовутъ мѣщанскимъ уютомъ. Ну, и пусть. Я заработалъ свое право одинъ разъ дождаться новогодней полночи въ ласкѣ домашняго тепла. Иногда надо жить, какъ всѣ живутъ. Если носишь постоянно не такія калоши, какъ у всѣхъ, то наконецъ душа не вытерпитъ. Перетянутымъ нервамъ лучшее лѣкарство шаблонъ. И, кромѣ того, послѣ такой жизни именно шаблонъ представляетъ все очарованіе новизны.

Добрый австрійскій Богъ понялъ меня и устроилъ все какъ полагается въ книжкахъ для хорошаго зимняго вечера въ укромномъ уголкѣ: на улицѣ гудѣлъ вѣтеръ, выла отъ времени до времени проволока трамвая, а дома было тихо, всѣ ушли, печка не дымила и лампа не коптила, ветчина и масло попались хорошія. Завтра я нахлобучу шапку, подыму воротникъ и пойду своей дорогой по жесткому вѣтру, но одинъ вечеръ можно провести въ мягко-нагрѣтой ваннѣ своего собственнаго, беззлобнаго, безмятежнаго эгоизма.

Такъ я сидѣлъ и праздновалъ самъ не знаю что. Люди Вѣны праздновали свой Новый годъ; вы отстали отъ нихъ на тринадцать дней (говоря вообще, для васъ это совсѣмъ немного) и празднуете свой Новый годъ на двѣ недѣли позже. Мнѣ все равно, я люблю всѣ народы на свѣтѣ и праздники всѣхъ народовъ; когда они ликуютъ о своихъ годовщинахъ

и мнѣ случится быть неподалеку, я просто радъ тому, что людямъ весело, и праздную въ душѣ ихъ веселый часъ — если только нѣтъ у меня въ тотъ самый день собственныхъ траурныхъ поминокъ.

Такъ я сидѣлъ и омывалъ запыленную душу покоемъ и воспоминаніями о далекихъ людяхъ и пробѣжавшихъ дняхъ, объ умирающемъ годѣ и обо всей грустной аллеѣ лѣтъ, рожденныхъ и ушедшихъ за мою память. Гдѣ я въ послѣдній разъ пилъ въ эту полночь шампанское и желалъ сосѣдямъ несбыточныхъ вещей? А, это было у васъ, въ вашемъ городѣ, въ то милое наивное время пять лѣтъ назадъ. Помните ли вы, какъ было все тогда по другому? Городъ вашъ былъ тогда веселымъ и красивымъ городомъ, братоубійство еще не обезобразило его улицъ и не обратило въ пустыри, по которымъ, озираючись, прошмыгиваютъ рѣдкія тѣни. Сами вы ждали каждый день чего-то великаго и радостнаго. Какъ дѣти передъ елкой, вы много суетились и волновались. Внутренній огонь вашъ нарасталъ, что день, то жарче, и не было такой мелочи, для которой у васъ не хватило бы пылу и о которой вы не спорили бы съ увлеченіемъ и страстью. Все вамъ казалось страшно важнымъ, все играло роль въ вашей жизни. Новая книжка толстаго журнала была событіемъ. Удачная статья производила впечатлѣніе большой политической побѣды. Не въ тонъ сказанное слово называлось измѣной. Пять лѣтъ ссылки на поселеніе считались драконовской жестокостью. Когда по улицѣ проходилъ актеръ, художникъ или писатель, вы толкали другъ друга въ бокъ и шептали: смотри, кто идетъ!

Теперь не то. Захолустный небывальщина, котораго легко было удивить, переродился. Не знаю,

сталъ ли онъ умнѣй и лучше, но онъ навидался видовъ — навидался такихъ вещей, которыя, быть можетъ, изъ десяти поколѣній одному показываетъ исторія. Такъ же, какъ это было нетрудно въ тѣ времена, трудно теперь овладѣть его пресыщеннымъ вниманіемъ, разбудить его исчерпанный энтузіазмъ, задѣть за одну изъ немногихъ еще не лопнувшихъ у него струнъ. Максимъ Горькій могъ бы теперь свободно показаться въ фойэ театра, это не собрало бы толпы. Коренные римляне рѣдко ходятъ глазѣть на новаго папу или на пріѣзжаго заграничнаго монарха, они это предоставляютъ новоселамъ города: имъ самимъ уже неинтересно, они за тридцать вѣковъ видали и царей, и папъ куда бóльшаго калибра, вообще видали событія, предъ которыми все величіе первосвященниковъ и королей подобно свѣчкѣ подъ лучами солнца. На это немного похожа теперь ваша психологія. Когда теперь оглядываешься на тѣ еще недавніе годы, кажется, что предъ тобою дѣтски-счастливая молоденькая дѣвушка съ ясными глазами, нарядная въ своемъ незатѣйливомъ ситцевомъ платьицѣ, и хочется сказать: — Какое простенькое время.

Просто жилось и вѣрилось тогда, и простыя пожеланія къ Новому году дѣлали мы другъ другу въ невозвратимые вечера юношескихъ надеждъ. Я еще помню, чего я пожелалъ своимъ сосѣдямъ въ тотъ послѣдній канунъ, я имъ сказалъ: не пожелаю вамъ ни счастья, ни здоровья; ничего. У меня для васъ нѣтъ сегодня пожеланій. Но между нами только что невидимо явился нѣкто новый, годомъ зовутъ его люди, и не вамъ, а ему я хочу принести свое пожеланіе. Я ему желаю запечатлѣть четыре цифры своего имени на вѣчныя времена въ памяти Россіи и человѣчества:

я ему желаю свершить великое. Оттого я не пожелаю вамъ, людямъ, ни счастья, ни здоровья, ничего. Ибо счастье людей помѣха величію года. Чтобы стать великимъ, онъ долженъ перешагнуть черезъ ваше счастье. И сколько бы ни было между вами тѣхъ, кому суждено схоронить свое счастье и самую жизнь подъ стопами побѣдоноснаго года, и какъ бы они близки ни были моему сердцу — да свершится.

Я разучился теперь говорить такія слова. Мнѣ все чаще кажется, что я вообще разучился говорить съ вами. Если бы я сидѣлъ сегодня за вашимъ столомъ, я бы не сталъ пить ваше вино и не сказалъ бы вамъ ни одного слова.

Я молчалъ бы съ вами не потому, что не вѣрю больше въ великое. Напротивъ, я не сомнѣваюсь въ его неизбѣжности. Но душа моя холодна.

Я молчалъ бы оттого, что мнѣ чуждо ваше завтра, чужда ваша вѣра и чужды вы сами. Вы — единственные на свѣтѣ, чьихъ праздниковъ я не дѣлю. Ни одна ваша радость не задѣваетъ меня, ваши горести кажутся мнѣ мелкими, ваши надежды жалкими и вся жизнь ваша ничтожною. Когда вы плачете о своихъ увѣчьяхъ, мнѣ противно, потому что вы размѣняли на полушки большую трагедію. Надо играть ее со стиснутыми зубами, съ блѣдными лицами, сухими глазами: вы ее ведете въ тонѣ плаксивой жалобы, и мнѣ тяжело смотрѣть на ваше надругательство. Когда же вы радуетесь или надѣетесь, непреодолимая волна отвращенія подымается къ моему горлу, потому что я вижу, за какіе гроши вы продаете свою радость, на какіе мелкіе крючки можно поймать вашу надежду. Я думалъ, что вамъ больше цѣна.

Оттого одно только могъ бы я сказать вамъ сегодня,

будь я сегодня съ вами: мнѣ вамъ нечего желать, потому что мнѣ безразличенъ вашъ завтрашній день. Для меня существуетъ только *мое* завтра, только *моя* заря, въ которую вѣрю всѣмъ трепетомъ моего существа, и ничего мнѣ больше не нужно. Не могу я сказать: желаю вамъ счастья въ наступившемъ году, — это было бы неискренно. Ибо если вамъ на минуту покажется, будто вы счастливы, я надѣну трауръ и приду на вашъ праздникъ, осмѣю ваше легковѣріе, вышучу ваши тосты, прокаркаю надъ вами злую правду и отравлю каждую каплю вашего благодушества. Это единственное, что меня еще связываетъ съ вами: я хочу колоть правдою ваши глаза, опрокидывать ваши карточные домики, тушить ваши волшебные фонари съ пестрыми картинками, чтобы вы ясно видѣли предъ собою глухую стѣну и вокругъ себя унылую безнадежность; и сколько станетъ моей силы, я вамъ не дамъ ни на день забыться, я вамъ не дамъ тѣшить себя и мечтать.

Больше мнѣ съ вами не о чемъ говорить; все остальное, чѣмъ вы живете, не интересуетъ меня, только насильно могу я сосредоточить свои мысли на вашихъ вещахъ и дѣлахъ, лишенныхъ для меня всякой цѣнности, — и это мнѣ съ каждымъ днемъ становится труднѣе. Съ каждымъ днемъ ростетъ отдаленіе между мною и вашимъ міромъ: я уже съ трудомъ различаю, что̀ у васъ тамъ копошится, и скоро, можетъ быть, совсѣмъ перестану различать.

Я не служу и не хочу служить ничему изъ всего того, что вамъ дорого. У васъ тамъ есть свои идеалы: я ихъ очень цѣню, но въ рукахъ у васъ они смѣшны и безплодны; поэтому я издѣваюсь надъ ними и надъ вами и буду бороться съ ними и съ вами,

для торжества моей вѣры, всѣми путями и всѣми орудіями, во что бы то ни стало.

Я когда-то сильно чувствовалъ красоту свободнаго, не-рядового человѣка, «человѣка безъ ярлыка», человѣка безъ должности на землѣ, безпристрастнаго къ своимъ и чужимъ, идущаго путями собственной воли черезъ головы ближнихъ и дальнихъ. Я и теперь въ этомъ вижу красоту. Но за себя я отъ нея отказался. Въ моемъ народѣ былъ жестокій, но глубокій обычай: когда женщина отдавалась мужу, она срѣзала волосы. Какъ общій обрядъ, это дико. Но воистину бываетъ такая степень любви, когда хочется отдать все, даже свою красоту. Можетъ быть, и я бы могъ летать по вольной волѣ, звенѣть красивыми пѣснями и купаться въ недорогомъ трескѣ вашихъ рукоплесканій. Но не хочу. Я срѣзалъ волосы, потому что я люблю мою вѣру. Я люблю мою вѣру, въ ней я счастливъ, какъ вы никогда не были и не будете счастливы, и ничего мнѣ больше не нужно.

Поздравляйте другъ друга съ Новымъ годомъ, если вамъ это не надоѣло. Я не вижу для васъ разницы между вчерашнимъ и нынѣшнимъ днемъ и не имѣю для васъ ничего, ни добраго, ни худого слова.

Вѣна, 1 янв. 1908.

ИЗЪ УХАБА ВЪ УХАБЪ

17 октября 1910

Итакъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ мы съ вами — свободные граждане свободнаго государства. Пять лѣтъ — большой промежутокъ; за это время можно было накопить большой опытъ и многому научиться. Сегодня, по случаю годовщины, полезно будетъ оглянуться назадъ и подвести итогъ: чему же мы, собственно, научились и какой опытъ накопили.

Въ дни свободы, среди прочей «научной» фразеологіи, которая тогда была въ большомъ ходу, часто употреблялась формула «реальное соотношеніе силъ». — Государственный строй есть политическое выраженіе реальнаго соотношенія силъ въ обществѣ, — поучали мы другъ друга. Но мы не всегда ясно представляли себѣ, что такое «сила» въ общественномъ смыслѣ. Одни говорили, что настоящая «сила» — это сила экономическая; другіе настаивали, что въ конечномъ итогѣ «сила» сводится просто къ физическому перевѣсу одной массы надъ другою. Меньше всего считались тогда съ третьимъ видомъ «силы» — съ силою нравственной. Невѣсомые факторы были тогда вообще въ загонѣ. Въ глубинѣ души многіе, быть можетъ, попрежнему вѣрили въ дѣйствительность этой силы, но вслухъ признаться стыдились.

А между тѣмъ — только этою неосязаемой силой и обладало, въ сущности и «въ конечномъ итогѣ», россійское освободительное движеніе. Въ смыслѣ физической мощи, въ смыслѣ шансовъ на перевѣсъ при серьезномъ физическомъ столкновеніи, рессурсы этого движенія, даже въ моментъ наивысшаго подъема, были ничтожны. На сторонѣ его былъ энтузіазмъ и голыя руки, на противной сторонѣ всѣ фокусы новѣйшей воинской техники — какая же тутъ физическая мощь? Съ мощью экономической дѣло тоже не обстояло такъ благополучно и такъ просто, какъ мы тогда увѣряли другъ друга; но если даже вѣрить въ эту мощь непреложно, то и тогда нельзя забывать, что для забастовокъ, для неплатежа налоговъ и для всѣхъ прочихъ способовъ расшатыванія казны необходима, прежде всего, большая жертвоспособность. Эти методы борьбы бьютъ по борцу куда больнѣе, чѣмъ по его противнику; особенно тяжело то, что они обязательно требуютъ выдержки, продолжительности — иначе они лишены смысла. Гораздо легче повести массы на штурмъ, чѣмъ заставить ихъ продержаться недѣлю въ атмосферѣ «пассивнаго сопротивленія». Послѣднее предполагаетъ невѣроятное моральное напряженіе и идеальную дисциплину, т. е. опять таки сводится къ вопросу о размѣрахъ нравственной мощи, какой обладаетъ движеніе. Конечно, можно спорить о томъ, мыслимо ли вообще одержать побѣду, не имѣя за душою почти ничего, кромѣ нравственной силы. Лично я полагаю, что да, что бо̀льшая часть европейскихъ революцій служитъ тому доказательствомъ, а самое блестящее доказательство — 17 октября 1905 года: власть не была въ тотъ день ни побѣждена браунингами, ни разорена забастовкой, а просто сдалась подъ

нравственнымъ давленіемъ грандіознаго единодушія. Но вдаваться въ этотъ споръ мы не станемъ, а вопросъ нужно поставить такъ: мыслимо, немыслимо ли побѣдить нравственной силой, но во всякомъ случаѣ эта сила была если не единственнымъ, то главнымъ орудіемъ освободительнаго движенія, а потому беречь ее надо было какъ зѣницу ока. Только съ этой точки зрѣнія и можно критиковать тѣ или иныя выступленія общественныхъ силъ въ періодъ 1905—1907 года. Цѣлесообразно было то, что укрѣпляло и сплочивало нравственную силу массъ, нецѣлесообразно было то, что расшатывало эту силу, ослабляло скрѣпы, дезорганизовывало.

Что есть организація массъ? Въ данномъ случаѣ не надо понимать это слово въ грубомъ техническомъ смыслѣ, какъ нѣкое развѣтвленное сообщество съ комитетами и подкомитетами. Большія массы организованы, покуда у нихъ есть общій вождь, за которымъ онѣ идутъ.

Въ «Бѣсахъ» Достоевскаго одинъ крамольный человѣкъ мечтаетъ «пустить по Руси Ивана-Царевича». Иванъ-Царевичъ не долженъ быть обязательно личностью: эту роль съ успѣхомъ можетъ играть и коллективъ. Въ наши дни, когда, въ концѣ-концовъ, ни одного политическаго таланта не видать на поверхности, вообще рѣчь могла идти только о коллективномъ вождѣ. Для такого коллектива обстоятельства складывались очень благополучно, и жизнь ему сама уготовила благодарную почву. Послѣ 17 октября массы были упоены только что пережитымъ ощущеніемъ единодушія, видѣли въ манифестѣ реальный плодъ этого единодушія и ни о чемъ такъ не молились, какъ о томъ, чтобы кто-нибудь взялъ палку въ руки, объявилъ себя капраломъ и повелъ ихъ

дальше. Онѣ даже были нетребовательны, и капральскій чинъ можно было получить безъ всякаго предварительнаго экзамена, захватнымъ правомъ. Экзаменъ долженъ былъ наступить только потомъ, послѣ вступленія вождя въ его должность. Тогда ему ввѣрялся въ руки драгоцѣнный сосудъ народнаго единодушія, и надо было сберечь этотъ сосудъ, не пролить оттуда ни капли, какъ можно дольше выдержать наблюдателя подъ впечатлѣніемъ, что мы всѣ заодно и у насъ есть вождь. И такъ какъ вся «организація» заключалась въ наличности вождя, то особенно свято надо было этому вождю хранить свой собственный авторитетъ. А авторитетъ вождя сохраняется прежде всего тѣмъ, чтобы не требовать отъ воиновъ неисполнимаго и не вводить ихъ въ соблазнъ неповиновенія. Вождь, поэтому, долженъ обладать огромнымъ тактомъ, чутьемъ реальности, долженъ твердо знать на-ощупь, что исполнимо и что неисполнимо. Когда этого таланта нѣтъ, Иванъ-Царевичъ быстро теряетъ свое обаяніе и масса разбредается кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Послѣ 17 октября такъ оно и было. Одинъ за другимъ выступали вожди, привлекали и концентрировали на себѣ народную вѣру и сейчасъ же, словно бы врагъ ихъ нарочно толкалъ, сами себя роняли, сами подрывали свой авторитетъ — и всѣ, какъ нарочно, по одному и тому же методу: отдавая неисполнимые приказы. Ни одинъ изъ смѣнившихся Иванъ-Царевичей не оказался рожденнымъ для власти: у всѣхъ на высотѣ кружилась голова, всѣ пьянѣли и теряли мѣру реальности, всѣ преувеличивали свою власть и, призывая массу къ подвигамъ фактически невозможнымъ, пріучали ее къ неповиновенію и дезорганизаціи. А остальное додѣлала реакція...

Сейчасъ послѣ 17 октября вождемъ былъ, конечно, «пролетаріатъ». Слово это смутно и разно понималось: для однихъ это былъ петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, для другихъ старыя подпольныя партіи, но всѣ твердо и наизусть знали, что есть нѣкто коллективный, правящій освободительнымъ движеніемъ, воздавали этому существу самыя высокія почести и ничего такъ не желали, какъ повиноваться ему безропотно и идти, куда оно поведетъ. Надо было страшно дорожить этимъ настроеніемъ — особенно въ тотъ моментъ. Если вспомните, черезъ нѣсколько дней послѣ манифеста начались работы правительственной коммиссіи по пересмотру избирательнаго закона 6 августа. Въ самихъ «сферахъ» мысль о всеобщемъ голосованіи имѣла сторонниковъ, конечно, не за совѣсть, но за страхъ. Простѣйшій расчетъ требовалъ использовать это настроеніе, дать коммиссіи закончить свою «реформу» подъ давленіемъ этой напряженной атмосферы. Но оказалось, что этой простой вещи не знали или не вспомнили вожди пролетаріата. Съ помпой и трескомъ была провозглашена 2-я всероссійская забастовка и, конечно, сорвалась, потому что такія грандіозныя напряженія по два раза въ сезонъ не повторяются. Выстрѣлъ оказался холостымъ; легенда о великой власти «вождя» разсѣялась, и многіе, весьма многіе изъ тѣхъ, что сначала были очень перепуганы, оглянулись, переглянулись, вздохнули посвободнѣе и сказали другъ-другу: — ну, знаете, это, повидимому, все не такъ страшно. Моментально эта перемѣна настроенія отразилась на коммиссіи, перерабатывавшей избирательный законъ, и вмѣсто всеобщаго, равнаго и т. д. голосованія, или хоть чего-нибудь похожаго на это, мы получили приснопамятную избирательную

систему, которая до 3 іюня 1907 г. справедливо считалась худшей на землѣ.

Но съ этого только начались старанія вождя — самого себя развѣнчать. Продолженіемъ было московское возстаніе. Если еще держалась легенда о физической мощи и если была въ этой легендѣ хоть какая-нибудь политическая цѣнность, то еще одной иллюзіей стало меньше. Испугавшіеся еще больше пріободрились; но гораздо важнѣе было то, что вѣрующіе разочаровались, и авторитетъ вождя пошелъ еще больше на убыль. Однако, вождямъ и это показалось недостаточнымъ. Съ непростительнымъ отсутствіемъ чутья, объектомъ для новой, рѣшительной и послѣдней пробы силъ были намѣчены выборы въ первую Думу. За подписями и печатями самыхъ популярныхъ революціонныхъ фирмъ появился призывъ о бойкотѣ выборовъ, адресованный ко всѣмъ слоямъ и группамъ населенія. Населеніе отвѣтило на этотъ призывъ неожиданнымъ для такой малокультурной страны избирательнымъ усердіемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 97 проц. избирателей явилось на выборы, и это какъ разъ были такія мѣстности, которыя (напр., Вильна) считались главными цитаделями соціалъ-демократіи...

Къ этому времени общественное настроеніе было уже далеко не то, что полгода назадъ. Нѣсколько разочарованій, свалившихся на голову одно за другимъ, не прошли даромъ. Уже не было той свѣжей вѣры въ политическіе абсолюты, той способности къ энтузіазму. Но, всетаки, провалъ пролетарскаго руководительства никѣмъ еще не разсматривался, какъ провалъ всего движенія, и почва для новаго вождя еще имѣлась въ изобиліи. Люди еще кое во что

вѣрили и хотѣли вѣрить. Банкротство пролетарской диктатуры совпало съ созывомъ первой Думы, и на сцену стала ярко выдвигаться буржуазная оппозиція. Она дѣйствительно обладала блестящими личными силами, эрудиціей, общественнымъ вѣсомъ, связями, наконецъ, давно популярными именами. Быстро, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сконцентрировались на ней остатки народныхъ надеждъ, и опять стало назрѣвать нѣчто похожее на единодушіе, ощущеніе присутствія моральнаго центра, то, что католическій обычай выражаетъ въ формулѣ: habemus pontificem! И какъ только стало ощутительнымъ это настроеніе, сейчасъ же началась и дословно повторилась та же исторія, что съ первымъ вождемъ. Новый Иванъ-Царевичъ тоже далъ себя опьянить ощущеніемъ власти, тоже утратилъ чутье реальныхъ возможностей и тоже пошелъ на «пробу силъ», не выждавъ времени, не сосчитавъ рессурсовъ. Первая Дума для всѣхъ насъ есть прекраснѣйшее изъ воспоминаній политической весны; но когда апологеты увѣряютъ, что она всегда была строжайше-лойяльна и держалась въ точныхъ рамкахъ «конституціи», то съ этимъ трудно вполнѣ согласиться. По «конституціи» Думѣ не полагалось ни посылать слѣдователей въ Бѣлостокъ, ни обращаться къ населенію съ воззваніями по аграрному вопросу. Все это можно было дѣлать только идя на открытый разрывъ, присваивая законодательному учрежденію то, что нѣмецкіе юристы называютъ Kompetenz-Kompetenz и что принадлежитъ только собраніямъ учредительнаго характера. А идти на разрывъ слѣдуетъ только тогда, когда есть математическая увѣренность въ томъ, что за тобою большая сила, что за тебя заступятся. Въ томъ-то и заключается геній

вождя, чтобы знать, когда можно ссориться и когда нельзя. Первая Дума обнаружила много крупныхъ достоинствъ — только главнаго, что нужно для руководства массами, способности правильно подсчитать наличные рессурсы, у ея оппозиціоннаго большинства не оказалось... И когда ее разогнали, никто нигдѣ не шевельнулся. Этого было достаточно.

Но сама оппозиція нашла, что и этого недостаточно, и еще однимъ ловкимъ щелчкомъ окончательно сбила со своей головы ореолъ всенароднаго авторитета. Выборгское воззваніе можно высоко цѣнить съ точки зрѣнія гражданскаго мужества; но съ точки зрѣнія политической мудрости этотъ актъ, по своей вопіющей опрометчивости, можетъ стать рядомъ съ пролетарскими призывами къ бойкоту первой Думы. А можетъ быть — онъ ихъ даже оставляетъ далеко за собой. Ибо, въ концѣ-концовъ, бойкотъ выборовъ не связанъ ни съ какой опасностью, но неплатежъ налоговъ и невыдача рекрутъ, рекомендуемые выборгскимъ воззваніемъ, привели бы населеніе къ тяжелымъ экзекуціямъ. Выборгское воззваніе было призывомъ къ тяжкой, мучительной, опасной борьбѣ, которая должна была дорого, въ десятки тысячъ жизней, обойтись населенію. Такіе призывы можно бросать только навѣрняка. Крикнуть и остаться при одномъ эхо — значитъ срѣзаться, навѣки срѣзаться въ испытаніи на санъ вождя. Полный провалъ выборгскаго призыва окончательно доказалъ правительству, что прочнаго моральнаго авторитета въ странѣ уже нѣтъ, общество нравственно дезорганизовано, и можно хватать и искоренять поодиночкѣ. И, дѣйствительно, нравственная сила единодушія, дисциплина единаго авторитета, безъ которой немыслимо никакое боевое дви-

женіе, съ этого момента были окончательно подорваны и расшатаны. Судьба выборгскаго воззванія въ конецъ уничтожила вѣру, и съ этого дня начинается ростъ политическаго пессимизма и равнодушія.

Во всѣхъ этихъ ошибкахъ было много нравственной красоты, многія изъ нихъ освящены печатью истиннаго героизма. Но, преклоняясь предъ самоотверженіемъ, надо же когда-нибудь ощупать и взвѣсить и его практическую цѣнность. Съ этой точки зрѣнія приходится констатировать, что путь между 17 октября 1905 года и 12 іюля 1906 былъ сплошнымъ и непрерывнымъ рядомъ грубѣйшихъ политическихъ ошибокъ, скачковъ изъ ухаба въ ухабъ, что послѣдовательно выдвигавшіеся на сцену руководящіе органы движенія оказались безусловно неспособными къ политическому руководительству, лишенными должнаго чутья мѣры, должнаго пониманія дѣйствительныхъ силъ, и каждый мало-мальски крупный актъ ихъ дѣятельности подрывалъ ихъ собственный авторитетъ и вносилъ дезорганизацію и деморализацію въ ряды освободительнаго движенія.

Возникаетъ вопросъ: многому ли мы съ тѣхъ поръ научились? Что-то не видно. Правда, на «пробу силъ» никто больше не отваживается. Но зато мы какъ будто ударились въ другую крайность: все, что на насъ сыплется, пріемлемъ и стараемся приспособиться. Конечно, ноту мы все тянемъ оппозиціонную, но зато тянемъ ее на какихъ угодно подмосткахъ, куда поставятъ. Благодаря этому стирается единственное, чѣмъ еще можетъ быть богата безсильная оппозиція: гордая непримиримость, право сказать: «по своему не могу, но по вашему не желаю». Ярко сказалось это на отношеніи къ третьей Думѣ. Венгерцы. когда счи-

тали, что ихъ не имѣютъ права звать въ вѣнскій парламентъ, въ теченіе 20 лѣтъ не шли ни на какія уступки, не послали въ Вѣну ни одного депутата и предпочли терпѣть всѣ прелести бюрократическаго режима, лишь бы не поступиться принципомъ. Ибо имъ ясно было, что тутъ одно изъ двухъ: или Венгріей нельзя управлять изъ Австріи и тогда имъ нечего дѣлать въ Вѣнѣ; или надо ѣхать въ Вѣну законодательствовать для Венгріи и тогда признать, что столица Венгріи — Вѣна. Приблизительно въ аналогичномъ положеніи оказалась россійская оппозиція послѣ акта 3 іюня 1907 года. Тутъ тоже получилось одно изъ двухъ: или въ Россіи есть конституція, и тогда актъ 3-го іюня не имѣетъ законной силы; или конституціи нѣтъ, и за властью остается право въ нужные моменты дѣйствовать помимо основныхъ законовъ. Кто не хотѣлъ признать послѣдняго права, тому не слѣдовало идти въ эту Думу; принять участіе въ третьихъ выборахъ значило признать это право, санкціонировать этотъ прецедентъ. Мы теперь не станемъ разбирать по существу, слѣдовало или не слѣдовало идти въ третью Думу; важно то, что главныя партіи оппозиціи рѣшили идти; даже соціалисты, которые, словно крыловская разборчивая невѣста, въ свое время не хотѣли удостоить даже первую Думу, ринулись въ избирательную борьбу; и, конечно, меньшимъ группамъ, національнымъ партіямъ и т. п. осталось только послѣдовать примѣру большинства. Но въ результатѣ не могло не получиться для борцовъ оппозиціи ложное положеніе: настаивать на томъ, что «у насъ есть конституція», когда ихъ собственное присутствіе въ этой Думѣ есть санкція противнаго утвержденія. Продолжая нашу параллель — въ такомъ точно положеніи

оказались бы венгерцы, если бы они, засѣдая въ вѣнскомъ рейхстагѣ, нося званіе депутатовъ и участвуя въ законодательной работѣ, настаивали на томъ, что Венгрія никакихъ законовъ изъ Вѣны не приметъ. Венгерцы на это не пошли. Такъ поступали одно время и чехи; такъ поступаетъ теперь на нашихъ глазахъ другой небольшой, но высоко-культурный народъ — финляндцы...

Мы не то. Мы дошлелись до сегодняшняго дня, и вотъ, слава Богу, празднуемъ пятилѣтній юбилей. Никто изъ насъ ни во что не вѣритъ, никто ни на что не надѣется. Мечтать о новой «веснѣ» трудно — какъ-то не лѣзетъ въ голову, чтобы могъ дважды въ одно поколѣніе повториться тотъ наивный, юношескій энтузіазмъ, безъ котораго «весна» немыслима. Вспомните, вѣдь тогда мы еще не успѣли перессориться другъ съ другомъ, не знали другъ у друга изнанки, не видали еще, во что можетъ съ теченіемъ времени выродиться самый звучный общественный лозунгъ. Теперь мы пережили цѣлый потопъ дрязгъ, они уже для насъ заслонили все остальное, все главное и основное, и какъ насъ ни тормоши, а врядъ ли мы уже когда-нибудь бросимся въ объятія другъ другу. О внѣшнихъ условіяхъ, обо всемъ томъ комплексѣ постороннихъ явленій и событій, который сдѣлалъ возможнымъ наступленіе весны, и говорить нечего: эти вещи тоже два раза въ сезонъ не повторяются. Конечно, по мѣрѣ силъ надо тащиться дальше, двигать впередъ нашу хромую тѣлежку; и, всетаки, вѣру въ лучшее будущее никому не дано изъ себя выжить. Мы вѣримъ. Ибо это законъ природы: если зубъ гніетъ, то онъ рано или поздно, конечно, выкрошится. Но какъ бы до той поры не сгнило отъ него полъ-челюсти...

О „ЕВРЕЯХЪ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ“

Въ «Свободныхъ Мысляхъ» была помѣщена статья г. Чуковскаго о евреяхъ въ русской литературѣ; потомъ появилась на ту же тему статья г. Тана, больше похожая на лирическое письмо, чѣмъ на статью. Послѣднее обстоятельство даетъ и мнѣ поводъ высказаться по этому вопросу. Будь это споръ, я бы не принялъ участія въ немъ... Другое дѣло обмѣнъ личными настроеніями, по лирическому примѣру г. Тана, и я прошу позволенія послѣдовать этому примѣру.

Кое въ чемъ наши личныя настроенія сходны. Меня весьма тронуло, напримѣръ, что г. Танъ пишетъ всѣми буквами чернымъ на бѣломъ: «мы, евреи». Это нововведеніе; насколько знаю, это въ русской печати второй случай. Обыкновенно еврейскіе сотрудники русскихъ газетъ пишутъ о евреяхъ не «мы», а «они»; мѣстоименіе перваго лица приберегается для болѣе эффектныхъ случаевъ, напримѣръ: «мы, русскіе», или «нашъ братъ русакъ» (я самъ читалъ). Растрогало меня и то, что г. Танъ отказывается считаться съ пресловутымъ доводомъ, будто не слѣдуетъ «въ такое время» задѣвать «такой вопросъ». Мы съ г. Таномъ прекрасно знаемъ, что дѣло тутъ не въ задѣваніи

вопроса, а въ упоминовеніи лишній разъ слова «еврей», чего многіе терпѣть не могутъ; въ этомъ смыслѣ «такое время» было и годъ, и два, и пять лѣтъ, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Но вслухъ, конечно, приводятся самые благородные мотивы — что не надо, молъ, «играть въ руку». Выѣденнаго яйца не стоятъ эти благородные мотивы. Изъ-за нихъ не было еврейскому публицисту никакой возможности поговорить съ евреями, читающими по-русски, объ ихъ дѣлахъ или объ ихъ недостаткахъ — напримѣръ, о множествѣ рабскихъ привычекъ, развившихся въ нашей психологіи за время обрусѣнія нашей интеллигенціи. Эта интеллигенція не читала ни «Восхода», ни древнееврейскихъ и жаргонныхъ газетъ, а читала больше всего провинціальную прессу черты осѣдлости — которую кромѣ нея почти никто не читалъ, въ которой кромѣ нея почти никто не писалъ, и которая въ общемъ не печатала ни одного слова о еврейскихъ дѣлахъ. Порою хотѣлось рвать на себѣ волосы отъ бѣшенства, и знаете ли, теперь тоже нерѣдко хочется. Лучше бы тысячу разъ «сыграть на̀ руку» чернымъ людямъ, которые отъ этого не стали бы чернѣе, чѣмъ такъ наглухо запереть всѣ пути къ среднему еврейскому интеллигенту, чѣмъ такъ упорно пріучать его къ забвенію о себѣ самомъ и о долгѣ самокритики, чѣмъ такъ обидно воспитывать въ немъ унизительное невниманіе къ себѣ и своему дѣлу...

По существу предмета наши настроенія зато врядъ ли совпадаютъ. Обсуждать, хороши или плохи евреи въ чужихъ литературахъ, я не стану — это было бы уже споромъ, отъ котораго я отказался. Замѣчу только, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, чувствуетъ ли себя г. Танъ, какъ самъ утверждаетъ, неразрывно

привязаннымъ къ русской литературѣ, или не чувствуетъ. Г. Чуковскій отнюдь и не собирался оторвать его или другихъ отъ русской литературы; онъ только задалъ себѣ вопросъ, велика ли польза русской литературѣ отъ этихъ неразрывныхъ привязанностей, и пришелъ sine ira et studio къ печальнымъ выводамъ. Чтобы не прятать даже мимоходомъ своего мнѣнія, прибавлю, что я съ г. Чуковскимъ совершенно согласенъ; прошу г. Тана не принять это съ моей стороны за щелчокъ по его адресу — я его, г. Тана, кромѣ газетныхъ статей, право не читалъ и судить не могу; но вообще нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературѣ, а дадутъ ли много впредь — не вѣдаю. Однако не сомнѣваюсь, что противъ г. Чуковскаго былъ уже въ печати, какъ водится, выдвинутъ длинный списокъ «еврейскихъ замѣчательныхъ людей», блистательное доказательство нашихъ великихъ заслугъ передъ отечествомъ и человѣчествомъ. «Разсвѣтъ» остроумно замѣтилъ, что въ этихъ случаяхъ докапываются чуть ли не до дѣвицъ, окончившихъ гимназію съ золотою медалью. Таковыхъ, слава Богу, не мало, и честь Израиля нетрудно спасти, ибо мы люди маленькіе и малымъ довольны. Заграницей наши онѣмеченные или офранцуженные братья чувствуютъ себя на вершинахъ радости, когда кого-нибудь изъ нихъ въ кои вѣки примутъ въ высшемъ туземномъ обществѣ; они дѣлаютъ важныя лица и говорятъ многозначительно: ого! А у насъ однажды г. Горнфельдъ, я помню, печатно выразилъ свой восторгъ по поводу того, что «въ одномъ разсказѣ Елпатьевскаго больше интереса къ евреямъ, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ Успенскаго», — изъ чего явствуетъ прогрессъ гуманности и благого просвѣщенія. Послѣ

этого почему же не удовлетвориться гордымъ сознаніемъ, что нашего такого-то печатаютъ въ лучшихъ журналахъ — такъ сказать, принимаютъ въ высшемъ туземномъ обществѣ? При маломъ честолюбіи и на запяткахъ уютно...

Если г. Тану или другимъ уютно въ русской литературѣ, то вольному воля. Я, напримѣръ, не только не сталъ бы ихъ манить назадъ, но даже не выражу сомнѣнія, точно ли такъ имъ уютно, какъ они разсказываютъ. Напротивъ, признаю и не сомнѣваюсь. Но я это иначе объясняю, иначе освѣщаю. Г. Танъ объясняетъ свои родственныя чувства къ русской литературѣ, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣды его захватили жаргонъ проходя черезъ Ахенъ, а ему, г. Тану, какое дѣло до Ахена? Это резонъ, но я совѣтовалъ бы г. Тану употреблять его порѣже и съ осторожностью; ибо мы на своемъ пути прошли не только черезъ Ахенъ, но и черезъ Вильну, Кіевъ, Одессу, отчасти черезъ Петербургъ и Москву, и если мы начнемъ такъ небрежно отмахиваться отъ попутныхъ городовъ, то намъ съ г. Таномъ могутъ со стороны предъявить вопросъ: — Что это такое? Cuius regio, eius religio? Гдѣ переночевали, тамъ и присягнули, а выйдя вонъ — наплевали? Эхъ, вы, патріоты каждаго полустанка...

Я бы лично этого окрика не хотѣлъ, и потому предпочитаю не плевать на Ахенъ и не лобызать торцовъ Петербурга. Свои гражданскія обязанности несу тамъ, гдѣ я приписанъ и ѣмъ хлѣбъ, и несу ихъ корректно; въ сердце же къ себѣ я чужихъ людей не пускаю; въ томъ, какой я городъ люблю и къ какому городу равнодушенъ, никому давать отчета не желаю, и принципіально демонстрирую совершенно

одинаковое благорасположеніе къ Ахену и Москвѣ. Будь у меня всамдѣлишный свой городъ, я бы тогда сталъ говорить о любви; и это, быть можетъ, была бы такая любовь, какою сорокъ тысячъ людей на запяткахъ любить не въ силахъ. Но при нынѣшнемъ моемъ положеніи воздаю кесарево кесареви, а божіе держу про себя. Исповѣдую лойяльный космополитизмъ, и ни на сантиметръ больше.

Самый же вопросъ о жаргонѣ я беру не съ точки зрѣнія Ахена, да и вопросъ о томъ, въ какую литературу идти еврейскому писателю, беру не съ точки зрѣнія жаргона. Съ жаргономъ я считаюсь потому, что на немъ фактически говоритъ народъ, и, слѣдовательно, для того, чтобы работать въ народѣ и съ народомъ, надо работать и на жаргонѣ. Это ясно, какъ дважды два четыре, и совершенно при этомъ не важно, гдѣ, когда и изъ чьихъ рукъ мы подобрали это нарѣчіе. Но вопросомъ о языкѣ еще не рѣшается вопросъ о томъ, куда идти, въ какую литературу. Часть евреевъ (по переписи 1897 года три процента, теперь должно быть больше) выростаетъ, не владѣя жаргономъ, и нѣкоторымъ изъ этого числа очень трудно потомъ овладѣть. Это большая помѣха для работы въ еврейскомъ переулкѣ, это заставляетъ писать по-русски, но писать по-русски еще само по себѣ не значитъ уйти изъ еврейской литературы.

Въ наше сложное время «національность» литературнаго произведенія далеко еще не опредѣляется языкомъ, на которомъ оно написано. Это ясно въ особенности по отношенію къ публицистикѣ. «Разсвѣтъ» издается на русскомъ языкѣ, но вѣдь никто не отнесетъ его къ русской печати. Такъ же точно къ еврейской, а не къ русской литературѣ относятся наши

бытописатели О. Рабиновичъ и Бенъ-Ами, или поэтъ Фругъ, хотя ихъ произведенія написаны по-русски. Рѣшающимъ моментомъ является тутъ не языкъ, и съ другой стороны даже не происхожденіе автора, и даже не сюжетъ: рѣшающимъ моментомъ является *настроеніе* автора — *для кого* онъ пишетъ, *къ кому* обращается, *чьи* духовные запросы имѣетъ въ виду, создавая свое произведеніе. Шутникъ можетъ спросить, не относится ли въ такомъ случаѣ погромная прокламація «Къ жидамъ г. Гомеля» тоже въ вертоградъ еврейской литературы; но если не оперировать курьезами и брать вопросъ серьезно, то «національность» литературнаго произведенія въ такихъ спорныхъ случаяхъ устанавливается, такъ сказать, по адресату. Если пишете для евреевъ, то много ли, мало ли васъ прочтутъ, но вы остаетесь въ предѣлахъ или хоть на окраинахъ еврейской литературы. Можно поэтому не знать жаргона и всетаки не дезертировать, а служить, по мѣрѣ силъ и данныхъ, своему народу, говорить къ нему и писать для него. Дѣло тутъ не въ языкѣ, а въ охотѣ.

Я прекрасно понимаю, что нелегко требовать этой охоты отъ писателя, знающаго по-русски. Онъ можетъ писать для русской публики, это гораздо заманчивѣе — и аудиторія неизмѣримо больше, и жизнь шире, многообразнѣе, богаче. Искушеніе слишкомъ велико. Оторваться отъ этого простора и сосредоточить свои мысли на переживаніяхъ еврейства — это жертва, для нѣкоторыхъ и большая жертва. Изъ малороссовъ, одаренныхъ сценическимъ талантомъ, большинство пока уходитъ на великорусскіе подмостки, и причина та же: аудиторія шире и культурнѣе, репертуаръ лучше, общественное признаніе куда серьезнѣе... Одного за-

мѣтнаго столичнаго публициста недавно убѣдили стать во главѣ органа, посвященнаго еврейскимъ интересамъ; и онъ черезъ мѣсяцъ ухватился за первый поводъ и ушелъ, высказавшись такъ: — У меня все время было такое чувство, точно я изъ громаднаго зала попалъ въ чуланъ...

Не виню совершенно ни его, ни ему подобныхъ; но съ другой стороны нечѣмъ тутъ и гордиться. Человѣческая мысль очень лукава и умѣетъ раскрасить въ багрецъ и золото какой угодно поступокъ; и въ этихъ случаяхъ она подсказываетъ уходящимъ изъ чулана красивыя рѣчи о томъ, что широкое лучше узкаго, общечеловѣческое (русское называется общечеловѣческимъ) важнѣе національнаго, интересы ста милліоновъ съ лишнимъ важнѣе интересовъ пяти милліоновъ, и такъ далѣе. Но все это пустыя словеса передъ тѣмъ фактомъ, что нашъ народъ остается безъ интеллигенціи и некому направлять его жизнь. Оттого я сказалъ, что иначе все это освѣщаю, въ иную мѣру оцѣниваю, и могу вамъ назвать совершенно искренно, въ какую именно мѣру. Въ грошъ я это оцѣниваю, эти раззолоченные узоры на халатѣ дезертира, эти пошлости на тему объ узкомъ, широкомъ и общечеловѣческомъ, потому что это неправда. Если человѣкъ уходитъ изъ чулана въ большой залъ, значитъ онъ пошелъ по линіи своей выгоды, и больше ничего. Не поймите меня банально, я не говорю о денежной выгодѣ; но идти по линіи своей выгоды значитъ идти туда, гдѣ человѣку легче удовлетворить свои аппетиты и запросы, гдѣ атмосфера тоньше, среда культурнѣе, резонансъ шире, подмостки прочнѣе и вообще все пышнѣе и богаче. Только потому они и уходятъ, и ничего нѣтъ въ этомъ возвышеннаго, ибо

всякій средній человѣкъ предпочитаетъ Римъ деревнѣ и согласенъ даже быть въ Римѣ сто пятнадцатымъ, лишь бы ходить по мрамору, а не по деревенской улицѣ. Можетъ быть, въ томъ то и дѣло, что только средніе люди такъ разсуждаютъ, и потому Бяликъ и Перецъ у насъ, а въ русской литературѣ подвизается г. Танъ. и еще не помню кто; но оттого народу не легче, если у него остаются генералы и нѣтъ офицеровъ, и дезертирство остается дезертирствомъ. Я этимъ никого не ругаю, я человѣкъ трезвый и не вижу въ дезертирствѣ никакого позора, а простой благоразумный расчетъ: на этомъ посту мнѣ, интеллигенту, тяжело и тѣсно, а тамъ мнѣ будетъ легче и привольнѣе — вотъ я и переселяюсь. Вольному воля. Мало что въ чуланѣ осталась толпа безъ вождей и безъ помощи — вѣдь никто не обязанъ быть непремѣнно хорошимъ товарищемъ. Счастливой дороги. Но не рядите расчета въ принципіальныя тряпки, не ссылайтесь на возвышенныя соображенія, которыхъ не было и не могло быть у людей, что покинули насъ въ такой неслыханной безднѣ и перетанцовали на ту сторону къ богатому сосѣду. Насъ вы этими притчами не обманете: мы хорошо знаемъ, въ чемъ дѣло, знаемъ, что мы теперь культурно нищи, наша хата безотрадна, въ нашемъ переулкѣ душно, и нечѣмъ намъ наградить своего поэта; мы знаемъ себѣ цѣну... но и вамъ тоже!

Опять таки настаиваю на прежнемъ: мой набросокъ получилъ оттѣнокъ бесѣды съ г. Таномъ, и г. Танъ можетъ принять это все на свой счетъ, а мнѣ бы не хотѣлось. Ей-Богу, я въ точности не знаю, перекочевалъ ли онъ или нѣтъ, говорю не о немъ и вообще не о комъ-нибудь, а такъ. Обмѣ-

пиваюсь личными настроеніями. И разъ это личное настроеніе, то хочу вамъ указать еще одну его деталь: *нашу* окаменѣлую, сгущенную, холодно-бѣшеную рѣшимость удержаться на посту, откуда сбѣжали другіе, и служить еврейскому дѣлу чѣмъ удастся, головой и руками и зубами, правдой и неправдой, честью и местью, во что бы то ни стало. Вы ушли къ богатому сосѣду — мы повернемъ спину его красотѣ и ласкѣ; вы поклонились его цѣнностямъ и оставили въ запустѣніи нашу каплицу — мы стиснемъ зубы и крикнемъ всему міру въ лицо изъ глубины нашего сердца, что одинъ малышъ, болтающій по древнееврейски, намъ дороже всего того, чѣмъ живутъ ваши хозяева отъ Ахена до Москвы. Мы преувеличимъ свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянемъ струны до послѣдняго предѣла, потому что насъ мало и намъ надо работать каждому за десятерыхъ, потому что вы сбѣжали и за вами еще другіе сбѣгутъ по той же дорогѣ. Надо же кому-нибудь оставаться. Когда на той сторонѣ вы какъ-нибудь вспомните о покинутомъ родномъ переулкѣ, и на минуту, можетъ быть, слабая боль пройдетъ по вашему сердцу, — не безпокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за васъ.

1908.

ЧЕТЫРЕ СТАТЬИ О „ЧИРИКОВСКОМЪ ИНЦИДЕНТѢ“ *)

(1909).

I

ДЕЗЕРТИРЫ И ХОЗЯЕВА

Изъ всей обстановки любопытнаго случая, разыгравшагося на чтеніи новой драмы г. Шолома Аша, и изъ всѣхъ разговоровъ, которые затѣмъ послѣдовали, неопровержимо вытекаетъ одна непріятная правда: что г. Чириковъ высказалъ коллективныя мысли. Объ этихъ щекотливыхъ предметахъ наши сосѣди, повидимому, уже давно шушукаются. Мы найдемъ, конечно, утѣшителей, которые станутъ божиться, по обыкновенію, что г-да Чириковъ и Арабажинъ совершенно одиноки въ своемъ образѣ мыслей; при этомъ случаѣ, кстати, вспомнятъ, что г. Чириковъ не особенно талантливъ, и даже его пьесу

*) „Инцидентъ“, надѣлавшій въ свое время много шуму, заключался въ томъ, что два прогрессивныхъ писателя — г-да Чириковъ и Арабажинъ—высказали въ одномъ кружкѣ взгляды, которые потомъ были въ печати истолкованы какъ протестъ противъ наплыва евреевъ въ русскую литературу.

«Евреи» не пощадятъ, а г-на Арабажина, который мало извѣстенъ, и совсѣмъ низведутъ до нуля; и получится, какъ всегда, что только нули осмѣливаются ворчать противъ евреевъ, а «лучшая часть интеллигенціи неизмѣнно стоитъ за насъ». Что и требовалось доказать. Но непріятная правда всетаки въ томъ, что г. Чириковъ высказалъ общія мысли, и это въ его лицѣ русская интеллигенція начинаетъ показывать коготки. Насколько талантливъ г. Чириковъ, предоставляю судить тѣмъ счастливцамъ, которые читали этого писателя: я, кромѣ «Евреевъ», никакихъ плодовъ его пера не вкушалъ. Но если правду говорятъ что г. Чириковъ и по таланту, и по всѣмъ другимъ качествамъ посредственность, то тѣмъ характернѣе этотъ выпадъ. Тутъ передъ нами, очевидно, человѣкъ какъ всѣ, т. е. самый цѣнный типъ для изученія массовой психологіи: въ свое время, когда надвигалась весна и «всѣ» были добродушно настроены, онъ отъ чистаго сердца написалъ юдофильскую пьесу, а теперь, когда «всѣ» начали морщиться, онъ опять таки отъ чистаго сердца запротестовалъ противъ нашествія кашерныхъ блюдъ на столъ русской литературы. Тогда дѣйствовалъ безъ умысла и теперь инстинктивно отражаетъ свою среду. И столь же симптоматично выступленіе г. Арабажина. Большая публика, особенно еврейская, совсѣмъ его не знаетъ, и потому надо ей сказать, что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь ужасно заботятся, какъ бы не подмарать и не подмочить свою передовую репутацію. Въ этой заботѣ чуть ли не главный моментъ ихъ политической психологіи. Въ свое время г. Арабажинъ редактировалъ «Сѣверный Курьеръ», выступившій въ защиту евреевъ послѣ скан-

дала съ «Контрабандистами». Теперь онъ, хотя съ оговорками, осторожно, кончикомъ мизинца, поддержалъ г. Чирикова въ томъ смыслѣ, что вотъ, дѣйствительно, есть и такое мнѣніе, и хотя мое дѣло сторона, а вы, евреи, всетаки приутихните. «До сихъ поръ вы имѣли дѣло только съ отбросами общества, теперь будете имѣть дѣло съ настоящей русской интеллигенціей», предсказываетъ г. Арабажинъ. И будьте увѣрены — разъ г. Арабажинъ объ этомъ говоритъ, значитъ объ этомъ уже *можно* говорить: отлученіе отъ передового лагеря не послѣдуетъ. Люди этой категоріи выступаютъ только тогда, когда чувствуютъ за собою молчаливый мандатъ многихъ. Конечно, г-да Чириковъ и Арабажинъ люди не крупные, но вѣдь никогда первачи не бываютъ застрѣльщиками, и никогда не только генералы, но и вообще большіе люди не бѣгутъ передъ полкомъ, отправляющимся въ походъ. Впереди бѣжитъ, обыкновенно, городское отрочество и вообще элементы менѣе цѣнные и зато болѣе подвижные, а настоящая серьезная сила идетъ сзади, и, быть можетъ, не сейчасъ.

Въ данномъ случаѣ даже очень вѣроятно, что не сейчасъ. Политическій моментъ всетаки неудобенъ для открытаго разрыва между русской передовой интеллигенціей и евреями. Главные органы передовой печати постараются замять всю эту исторію (они упорно молчатъ о ней), а потомъ и въ еврейской средѣ подымутъ голосъ утѣшители, оправившіеся отъ ошеломленія, и запоютъ старую пѣсню, что все обстоитъ благополучно, — старую пѣсню, приниженную, льстивую, неискреннюю, — старую пѣсню, на которую не стоитъ отвѣчать, ибо авторы ея лгутъ и сами знаютъ, что лгутъ и что никто имъ не вѣритъ. А подъ шумокъ

этихъ успокоительныхъ завѣреній будетъ дѣлаться тихое, незамѣтное дѣло: всѣ тѣ отрасли русской умственной жизни, которыя теперь «заполнены» евреями, начнутъ потихоньку избавляться отъ этого услужливаго, дешеваго, но непопулярнаго элемента. Лозунгъ «judenrein!» проникнетъ понемногу и въ передовую прессу, и въ издательства, и въ передовой театръ; для этого совсѣмъ не потребуется, чтобы во главѣ учрежденій стали антисемиты — напротивъ, найдутся и еврейскіе редакторы или антрепренеры, даже некрещенные, которые, считаясь съ настроеніемъ потребителя, сами позаботятся объ уменьшеніи процента евреевъ. Создадутся вполнѣ приличныя литературныя общества, куда евреямъ будетъ затрудненъ доступъ, конечно въ самой благородной формѣ, безъ подчеркиваній, безъ явнаго антисемитизма. Вообще до антисемитизма, въ грубомъ смыслѣ этого слова, у передовой интеллигенціи дѣло еще не скоро дойдетъ, а просто захочется ей пока побыть наединѣ съ собою, безъ постояннаго еврейскаго свидѣтеля, который слишкомъ акклиматизировался, чувствуетъ себя черезчуръ по домашнему, во все вмѣшивается, всюду подаетъ голосъ...

Что этотъ процессъ вытѣсненія евреевъ изъ послѣднихъ убѣжищъ нѣкогда неудержимо начнется, можно предсказать безъ всякой робости. Лично я предсказываю это не только безъ всякой робости, но и безъ всякаго сожалѣнія. Реальной потери для еврейства тутъ не предвидится, кромѣ той, что нѣсколько сотъ душъ изъ еврейскаго умственнаго пролетаріата останутся безъ заработковъ. Но что значатъ нѣсколько сотъ душъ при нашей повальной нищетѣ? А больше ничего, кромѣ хлѣба для нѣсколькихъ сотъ душъ, эта еврейская

эмиграція въ русскую литературу, прессу и театръ намъ не давала. Популяризація нашихъ Игрековъ и Имяреколъ не принесла намъ никакой пользы, кромѣ развѣ той, что расшатала въ русской публикѣ предразсудокъ о поголовной талантливости евреевъ. Популяризація Шолома Аша привела только къ тому, что онъ (а за нимъ и другіе жаргонисты) сталъ писать не для *насъ*, а для *нихъ*. Да достаточно характеренъ и тотъ мелкій фактъ, что на первую читку новой пьесы г. Ш. Аша приглашаются рецензенты всѣхъ русскихъ газетъ и ни одной души отъ еврейскихъ изданій. Въ этомъ вся писательская психологія нашего поэта, пригрѣтаго на русскомъ рынкѣ. А меньше всего дала намъ эта эмиграція на русскій рынокъ въ смыслѣ политическомъ. Передовыя газеты, содержимыя на еврейскія деньги и переполненныя сотрудниками-евреями, до сихъ поръ, несмотря на всѣ наши вопли, игнорируютъ еврейскія нужды и молчатъ въ отвѣтъ на юдофобскую травлю. Очевидно, даже при обиліи евреевъ свято соблюдается принципъ — не портить русскихъ газетъ еврейскими темами, и сами еврейскіе сотрудники и редакторы ничего противъ этого правила не имѣютъ. Обидно, конечно, если въ награду за такое безкорыстное самозабвеніе имъ теперь начнутъ постепенно указывать на дверь. Но что теряетъ еврейство, если въ русской печати не будетъ этихъ людей, которые пальцемъ о палецъ не ударили въ его защиту въ эту эпоху неслыханной травли? Ничего не теряетъ, ни одного заступника, ни одного учителя.

Мы, настаивавшіе всегда на концентраціи національныхъ силъ, требовавшіе, чтобы каждая капля еврейскаго пота падала на *еврейскія* нивы, — мы только со стороны можемъ слѣдить за развитіемъ этого кон-

фликта между нашими дезертирами и ихъ хозяевами,— со стороны, какъ зрители, въ лучшемъ случаѣ безучастно, въ худшемъ случаѣ съ горькой усмѣшкой. Щелчокъ, полученный дезертирами, насъ не трогаетъ, и когда онъ разовьется даже въ цѣлый градъ заушеній,—а это будетъ,—намъ тоже останется только пожать плечами, ибо что еврейскому народу въ людяхъ, которыхъ высшая гордость была въ томъ, что они, за ничтожными исключеніями, махнули на него рукою?

Мы не видимъ повода горевать. Не видимъ и повода изумляться. Во всемъ этомъ нѣтъ для насъ ничего новаго. Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали имъ, что ничего добраго отсюда не выйдетъ ни для русской политики, ни для еврейства, и жизнь доказала нашу правоту. Теперь евреи ринулись дѣлать русскую литературу, прессу и театръ, и мы съ самаго начала съ математической точностью предсказывали и на этомъ поприщѣ крахъ. Онъ разыграется не въ одну недѣлю, годы потребуются для того, чтобы передовая русская интеллигенція окончательно отмахнулась отъ услугъ еврейскаго вѣрноподданнаго, и много за эти годы горечи наглотается послѣдній; мы напередъ знаемъ всѣ унизительныя мытарства, какія ждутъ его на этой наклонной плоскости, конецъ которой въ сорномъ ящикѣ, и по человѣчеству и по кровному братству больно намъ за него. Но не нуженъ онъ ни намъ, ни кому другому на свѣтѣ, вся его жизнь недоразумѣніе, вся его работа—пустое мѣсто, и на всѣ приключенія его трагикомедіи есть у насъ одинъ только отзывъ: туда и дорога.

II

АСЕМИТИЗМЪ

Нѣкоторые органы большой передовой прессы Петербурга рѣшили, очевидно, совсѣмъ замолчать случай съ г-дами Чириковымъ и Арабажинымъ. Это можно было предвидѣть заранѣе. Въ эпоху ассимиляціи нѣмецкихъ евреевъ кто-то пустилъ въ обращеніе слѣдующую формулу: лучшій способъ проявить юдофильство, это — не говорить ни слова ни о евреяхъ, ни объ ихъ противникахъ. Лучшій ли, не знаю, но, несомнѣнно, удобнѣйшій способъ. Въ нравы и традиціи русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, деканъ и образецъ русскаго прогрессизма. Эта газета выдвинулась въ эпоху самой отчаянной травли еврейскаго племени и стойко молчала въ теченіе 25 лѣтъ на сію щекотливую тему: не обмолвилась ни однимъ звукомъ ни о евреяхъ, ни объ ихъ литературныхъ гонителяхъ. Примѣръ не остался безъ подражателей, и съ тѣхъ поръ замалчиваніе считается высшимъ шикомъ прогрессивнаго юдофильства. Такой шикъ задаютъ теперь «Наша Газета» и «Рѣчь» по поводу чириковскаго приключенія. Какъ разъ въ тѣхъ кругахъ, которые весьма близки

обѣимъ редакціямъ, объ этомъ случаѣ говорятъ очень много, а обѣ газеты молчатъ и, несомнѣнно, думаютъ, что у нихъ это выходитъ очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчитъ нашими устами!

Съ послѣднимъ я вполнѣ согласенъ и даже попытаюсь разобраться въ таинственномъ содержаніи этого многозначительнаго безмолвія. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ молчитъ истина устами почтенныхъ органовъ? Что знаменуетъ ихъ нѣмота въ этомъ случаѣ?

Но тогда надо начать съ другой догадки: что знаменуетъ самый случай, каковъ его общественный смыслъ? Московскія газеты даютъ безхитростный и грубоватый отвѣтъ: культурный антисемитизмъ. Кто-то какъ-то предсказывалъ, что вмѣсто д-ра Дубровина возстанетъ у насъ когда-нибудь д-ръ Люэгеръ, и это будетъ куда пострашнѣе; и вотъ московскія газеты полагаютъ, что моментъ уже близокъ, и гг. Чириковъ и Арабажинъ возвѣстили скорое пришествіе новаго д-ра Дубровина, въ исправленномъ и очищенномъ изданіи.

Врядъ ли оно такъ. Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они увѣряютъ, что ничего антисемитскаго не было въ ихъ рѣчахъ, то они оба совершенно правы. Изъ-за того, что у насъ считается очень distingué помалкивать о евреяхъ, получилось самое нелѣпое слѣдствіе: можно попасть въ антисемиты за одно слово «еврей» или за самый невинный отзывъ о еврейскихъ особенностяхъ. Я помню, какъ одного очень милаго и справедливаго господина въ провинціи объявили юдофобомъ за то, что онъ прочелъ непочтительный докладъ о литературной величинѣ Надсона. Когда г. Чуковскій констатировалъ тотъ неопровержимый фактъ, что евреи, под-

визающіеся въ русской изящной литературѣ, ничего стоющаго ей не дали, очень недалеко было отъ того, чтобы и г. Чуковскаго ославили антисемитомъ. То же самое теперь съ г. Чириковымъ. Хороши или плохи русскія бытовыя пьесы послѣднихъ лѣтъ, я судить не берусь; но г. Чириковъ совершенно правъ, когда говоритъ, что глубоко прочувствовать ихъ можетъ только русскій, для котораго Вишневый Садъ есть реальное впечатлѣніе дѣтства, а не еврей. Если бы г. Чириковъ сказалъ: «а не полякъ», никто бы въ этомъ не увидѣлъ ничего похожаго на полонофобію. Только евреевъ превратили въ какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и отъ этого обычая теряютъ больше всего именно евреи, потому что, въ концѣ концовъ, создается такое впечатлѣніе, будто и самое имя «еврей» есть непечатное слово, которое надо порѣже произносить...

Кого особенно несправедливо обижаютъ, это г. Арабажина. Если оставить въ сторонѣ его выпады въ печати противъ сіонизма, которые не стоятъ вниманія прежде всего потому, что г. Арабажинъ въ этомъ вопросѣ не компетентенъ, то именно онъ ужъ совсѣмъ ничего грѣховнаго не сказалъ. Онъ и вообще (судя даже по тѣмъ пересказамъ, противъ которыхъ онъ печатно протестуетъ, и тѣмъ болѣе по его собственной передачѣ) не выразилъ въ этомъ спорѣ никакихъ собственныхъ взглядовъ. Онъ только констатировалъ, что настроеніе, звучавшее въ словахъ г. Чирикова, свойственно не одному лишь послѣднему, а имѣетъ или можетъ имѣть сторонниковъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и русскому театру. Г. Арабажинъ сдѣлалъ даже оговорку, что лично онъ этого настроенія не раздѣляетъ, но что оно всетаки

есть, и онъ считаетъ долгомъ обратить на это серьезное вниманіе товарищей-евреевъ. Можетъ быть, все это было высказано имъ и г. Чириковымъ въ болѣе мѣшковатой формѣ (нельзя же забывать, что споръ былъ въ частной товарищеской компаніи, гдѣ половина собравшихся другъ съ другомъ на ты), но по существу ничего антисемитскаго, реакціоннаго и по всѣмъ прочимъ статьямъ преступнаго эти нашумѣвшія рѣчи не содержали. Одно только въ нихъ было: *симптоматическое.*

Именно съ этимъ всего неохотнѣе согласятся юдофилы-замалчиватели. Съ ихъ точки зрѣнія ужъ лучше записать гг. Чирикова и Арабажина въ списокъ отлученныхъ отъ прогресса, чѣмъ признать, что въ рѣчахъ этихъ писателей звучалъ смягченный отголосокъ нѣкоего общаго настроенія, пробивающаго себѣ дорогу въ среднемъ кругу передовой русской интеллигенціи. Спорить тутъ невозможно, документальныхъ доказательствъ не добудешь — наличность такого настроенія можно установить пока только наощупь, и не всякій захочетъ признаться, что уловилъ въ другихъ или въ самомъ себѣ нѣчто подобное. Но если быть искреннимъ, то вѣдь ни для кого не тайна, что это такъ. Изо всѣхъ безчисленныхъ толковъ, вызванныхъ чириковскимъ инцидентомъ, явственно звучалъ одинъ общій мотивъ: «это» не новость, объ «этомъ» уже давно и много поговариваютъ. Есть, конечно, люди, которые въ такихъ случаяхъ нарочно затыкаютъ уши — и не только себѣ, но и другимъ, въ томъ числѣ и заинтересованной сторонѣ; и пойдетъ эта заинтересованная сторона довѣрчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающагося грома, и потомъ будетъ захвачена врасплохъ. Это считается шикомъ прогрессивнаго образа мыслей, и

ничего не подѣлаешь съ людьми, которымъ такая тактика по вкусу. Я и не намѣренъ ихъ переубѣждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А всетаки назрѣваетъ какое-то облачко и невнятно доносится далекій, еще слабый, но уже непривѣтливый гулъ...

Повторяю — то, что назрѣваетъ въ нѣкоторомъ слоѣ русской интеллигенціи, не есть еще антисемитизмъ. Антисемитизмъ очень крѣпкое слово, а крѣпкими словами зря не слѣдуетъ играть. Антисемитизмъ предполагаетъ активную вражду, наступательныя намѣренія. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь въ русской интеллигенціи, предсказать нелегко; но пока до нихъ еще, во всякомъ случаѣ, далеко. То, чѣмъ вѣетъ теперь, чѣмъ такъ сильно пахнуло изъ-за завѣсы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковымъ и Арабажинымъ, то не антисемитизмъ, а нѣчто отличное отъ него, хотя родственное, и, быть можетъ, служащее предтечей антисемитизму. — Это *асемитизмъ*. Въ Россіи это слово мало извѣстно, зато заграницей, гдѣ куда лучше знаютъ толкъ въ разныхъ оттѣнкахъ жидоморства, оно давно въ ходу. Это не борьба, не травля, не атака: это — безукоризненно корректное по формѣ желаніе обходиться въ своемъ кругу безъ нелюбимаго элемента. Въ разныхъ профессіональныхъ сферахъ оно разно проявляется. Въ сферѣ литературно-художественной, съ которой у насъ «началось», оно приняло бы форму такого разсужденія: я пишу свою драму для своихъ и имѣю право предпочитать, чтобы на сценѣ ее разыграли свои и критику писали свои. Этакъ мы лучше поймемъ другъ друга.

Если хотите, не вижу въ этомъ еще невнятномъ вѣяніи ничего новаго. Ново только, что объ этихъ

вещахъ начинаютъ говорить: прежде считалось, что «эти вещи» сами собою понятны, вслухъ о нихъ не болтали и просто осуществляли асемитизмъ на практикѣ. И не со вчерашняго дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилѣтнее величавое молчаніе «Русскихъ Вѣдомостей»? Что есть теперешнее молчаніе передовыхъ органовъ? Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ кишиневскаго погрома; за это время Россію наводнили книжками и листками, проповѣдующими племенную рѣзню, десятки уличныхъ газетъ разносятъ по всѣмъ угламъ зажженную паклю ненависти къ евреямъ; чуть ли не вся идеологія реакціоннаго движенія сводится къ этой ненависти, и, казалось бы, уже хоть потому, если не изъ рыцарской потребности заступиться за угнетеннаго, полагалось русской передовой печати бороться противъ этой пропаганды. Русская передовая печать ничего въ этомъ смыслѣ не сдѣлала. Да простится мнѣ рѣзкое слово: больше вбитыхъ гвоздей я нашелъ въ мертвыхъ глазницахъ одной изъ жертвъ погрома въ Бѣлостокѣ, чѣмъ статей объ этомъ погромѣ въ русской передовой печати. Были постановленія какихъ-то съѣздовъ, чтобы газеты энергично боролись съ юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобиліе сотрудниковъ-евреевъ: знаю по горькому опыту, что самое страстное желаніе поднять голосъ въ защиту своей народности разбивалось, за кулисами даже самыхъ смѣлыхъ и боевыхъ органовъ, обо что-то неуловимое и неосязаемое. Много интереснаго можно было бы разсказать на эту тему... Да къ чему? Кто этого не знаетъ? Теперь образовалось нѣсколько издательствъ для борьбы съ антисемитизмомъ; оставимъ въ сторонѣ вопросъ, много ли могутъ они сдѣлать; но любопытно то, что ихъ руко-

водители очень близко стоятъ къ вліятельной передовой печати и хорошо понимаютъ, что статья въ распространенной газетѣ гораздо полезнѣе брошюры, которая Богъ вѣсть еще попадетъ ли въ настоящія руки. И, однако, они вынуждены возиться съ этими брошюрами и не смѣютъ мечтать о борьбѣ съ пропагандой погрома черезъ оппозиціонную прессу. Почему?

Какъ-то я прямо задалъ этотъ вопросъ руководителямъ одной редакціи и выжалъ послѣ множества уклоненій такой отвѣтъ: насъ читаетъ интеллигенція, а она въ такихъ поученіяхъ не нуждается. Было это въ 1906 году. Хорошо. Но теперь у насъ 1909 г. Что-то новое начинаетъ прокрадываться въ русскую интеллигентскую психологію. Если и правда, что тогда русская интеллигенція была иммунизирована отъ юдофобскихъ предразсудковъ, то хватитъ ли у когонибудь отваги ручаться, что иммунитетъ сохранился и нынѣ?

О, да, очень многозначительно это безмолвіе. Совѣтую очень глубоко вдуматься въ него читателямъ обѣихъ національностей. Твердой рукою подписываюсь подъ словами г. Арабажина: здѣсь есть предостереженіе и вамъ, и намъ. Предостереженіе тѣмъ болѣе серьезное, что повѣтріе, первые симптомы котораго теперь насъ такъ переполошили, далеко не такая новость на нашей улицѣ, какъ это можетъ показаться наивному, — ибо зародыши той *асемитической* тенденціи, на которую такъ безхитростно вслухъ указали гг. Чириковъ и Арабажинъ, давно молчаливо таились во всей тактикѣ русской интеллигенціи по одному изъ самыхъ трагическихъ вопросовъ россійской жизни

III

МЕДВѢДЬ ИЗЪ БЕРЛОГИ

«Нынѣ отпущаеши», могутъ сказать г-да Чириковъ и Арабажинъ: подходитъ, кажется, моментъ, когда небо исполнитъ, наконецъ, завѣтное желаніе этихъ двухъ писателей — ихъ оставятъ въ покоѣ. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan — der Mohr kann gehen. Не потому, чтобы инцидентъ былъ исчерпанъ: напротивъ, инцидентъ только начинаетъ завариваться по настоящему, и, если не будетъ войны или чего-нибудь другого очень сенсаціоннаго, не скоро еще уляжется въ газетахъ эта любопытная исторія. Но дѣло въ томъ, что г-да Чириковъ, Арабажинъ, Ашъ, другой Ашъ и вообще всѣ участники той знаменитой бесѣды вдругъ отошли на второй планъ — ихъ заслонили болѣе крупныя фигуры. На сцену выступили г-да Струве и Милюковъ и, какъ свойственно крупнымъ фигурамъ, сразу взяли быка за рога и поставили точку на і. Пока перессорившіеся между собою совозлежатели мирной трапезы, отнынѣ безсмертной въ лѣтописяхъ еврейскаго дезертирства, обидчиво препирались на разныхъ языкахъ о томъ, какое кто слово сказалъ и какого не сказалъ, г-да Струве

и Милюковъ просто перешагнули черезъ это скаредное крохокопательство и перенесли вопросъ на единственно стоющую почву. Они поняли, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, проштрафился или не проштрафился тотъ или другой маленькій человѣкъ въ ночь на такое-то число въ частной квартирѣ такого-то, — а важно установить только одинъ моментъ: чтò тутъ было — случайная шальная пуля, залетѣвшая невѣдомо откуда, или первый, пусть и преждевременный, выстрѣлъ изъ сильнаго и уже недалекаго отъ перехода въ боевое настроеніе лагеря?

Мнѣніе по этому вопросу г. Струве — не новость. Въ разгарѣ выборовъ во вторую Думу онъ заявилъ одному интервьюеру, что настоящій антисемитизмъ — интеллигентскій — еще впереди. Было это напечатано въ газетѣ «Русь» и, конечно, не удостоилось ни перепечатки, ни комментарія въ другихъ передовыхъ органахъ. Теперь г. Струве иными словами повторяетъ ту же мысль. Скрывать русское «національное лицо» — «безнужно и безплодно, ибо его нельзя прикрыть». А въ чемъ оно состоитъ? Это — не раса, не цвѣтъ кожи и т. д., это есть «нѣчто гораздо болѣе несомнѣнное и въ то же время тонкое. Это — духовныя притяженія и отталкиванія... Они живутъ и трепещутъ въ душѣ». И въ томъ числѣ — «сила отталкиванія отъ еврейства въ самыхъ различныхъ слояхъ (!) русскаго населенія фактически очень велика». Конечно, въ области государственной съ этими «отталкиваніями» считаться не слѣдуетъ, т. е. равноправіе всетаки нужно дать. «Но *государственная* справедливость не требуетъ отъ насъ *національнаго* безразличія. Притяженія и отталкиванія принадлежатъ намъ, они наше собственное достояніе, въ ко-

торомъ мы вольны... И я не вижу ни малѣйшихъ основаній для того, чтобы отказываться отъ этого достоянія въ угоду кому-либо и чему-либо»... «Я полагаю, евреямъ полезно увидѣть открытое національное лицо той части русскаго, конституціонно и демократически настроеннаго общества, которая этимъ лицомъ обладаетъ и имъ дорожитъ. И, наоборотъ, для нихъ совсѣмъ не полезно предаваться иллюзіи, что такое лицо есть только у антисемитическаго изувѣрства». Все это напечатано въ газетѣ «Слово» отъ 10-го и 12-го марта и ни въ какихъ поясненіяхъ и подчеркиваніяхъ не нуждается. Но г. Милюковъ всетаки нашелъ, что масломъ каши не испортишь, и не то съ сокрушеніемъ, не то съ ироніей подливаетъ (въ «Рѣчи» отъ 11-го марта) свою толику масла: «Г-нъ Ж. можетъ торжествовать: онъ вымапилъ медвѣдя изъ берлоги... добился того, что молчаніе кончилось, и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенція старались скрыть отъ евреевъ, наконецъ обрисовалось въ своихъ настоящихъ размѣрахъ».

Впрочемъ, это еще сказано полуиронически, и въ концѣ статьи идутъ, конечно, завѣренія, что означенное настроеніе у русской интеллигенціи скоро пройдетъ. Но зато безо всякой ироніи и совершенно въ серьезъ дѣлается слѣдующее, вполнѣ новое и очень пикантное разоблаченіе: «Я тоже думаю, что старой русской интеллигенціи, святой и чистой въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, наступилъ конецъ въ Россіи съ началомъ новой политической жизни. Я тоже увѣренъ, что многія жизненныя утопіи, созданныя этой интеллигенціей на почвѣ той старой святости, скоро отомрутъ, чтобы уже не возрождаться

больше. Но я увѣренъ также и въ томъ, что наивный «асемитизмъ» и «антисемитизмъ», предъявляющій намъ свои національныя права на существованіе, есть тоже одинъ изъ послѣднихъ пережитковъ (!) нашей блаженной интеллигентской невинности». Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, ново. «Пережиткомъ» называется нѣчто такое, что уцѣлѣло со старыхъ временъ. Значитъ, и у старой русской интеллигенціи, святой и чистой и пр., тоже имѣлись антиеврейскія «отталкиванія»? Значитъ, медвѣдь-то давно сидѣлъ въ берлогѣ? Любопытно. Вслухъ еще въ этомъ никто не признавался, особенно никто столь авторитетный. А еще любопытнѣе то, что присутствіе медвѣдя въ берлогѣ не мѣшаетъ г. Милюкову аттестовать ту старую русскую интеллигенцію «святой и чистой», а «наивный асемитизмъ или антисемитизмъ» числится у него въ спискѣ настроеній, созданныхъ «на почвѣ той старой святости». Очень у г. Милюкова мягкое отношеніе къ медвѣдю въ берлогѣ. Это уже не въ первый разъ: мы еще помнимъ его надгробную статью о Іоллосѣ, въ которой даже вѣрноподданные евреи изъ «Свободы и Равенства» усмотрѣли неосторожное обращеніе со словомъ «жидъ». Очевидно, въ нѣкоторыхъ русскихъ интеллигентахъ еще весьма живы пережитки старой чистоты и святости...

Итакъ, медвѣдь выглянулъ изъ берлоги. Торжествуетъ ли г. Ж., это мы оставимъ въ сторонѣ. По моему, торжествовать ему нечего: къ статьѣ Струве сдѣлано примѣчаніе, что она была написана и сдана до появленія въ «Словѣ» другихъ статей на чириковскую тему. Никто медвѣдя нарочно не выманивалъ, а самъ онъ, повидимому, учуялъ въ воздухѣ нѣчто родное и по собственной иниціативѣ рѣшилъ

подать сочувственно голосъ. И эта собственная иниціатива — еще одинъ любопытный штрихъ для характеристики настроенія. И вызывать не надо — сами откликаются!

Послѣ этого блестящаго выхода первачей мы считаемъ окончательно выясненнымъ основной вопросъ, въ которомъ для насъ сосредоточенъ весь общественный смыслъ инцидента: вопросъ о симптоматичности. Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенныя завѣренія, что «ничего подобнаго нѣтъ». Г. Винаверъ въ той же «Рѣчи» отъ 13-го марта всетаки предлагаетъ и на будущее время еврейскія услуги, согрѣтыя взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ. Предоставляемъ г. Винаверу и прочимъ ласковымъ людямъ прожить маѳусаиловы годы въ этой курьезной позиціи, когда они, заглядывая пану въ очи, умильно говорятъ: «а всетаки вы насъ любите!» — а г-да Струве и Милюковъ отвѣчаютъ: — «Ммъ... не очень». — Для насъ споръ въ этой части исчерпанъ. Да въ сущности и для возражателей нашихъ, особенно изъ евреевъ, дѣло такъ же ясно, какъ и для насъ. Всѣ они про себя знаютъ и съ глазу на глазъ сознаются, что медвѣдь давно началъ ворочаться въ берлогѣ и, того и гляди, высунетъ морду. Лицемѣріемъ, неискренностью, малодушіемъ и искательствомъ пропитана ихъ ласковая декламація, и оттого она такъ непроходимо бездарна, и нѣтъ въ ней даже паѳоса умѣлой лжи. Люди сами себѣ не вѣрятъ и почти вслухъ говорятъ, что не вѣрятъ, и имъ никто не вѣритъ. Что же съ вами спорить? Ступайте себѣ съ миромъ дальше и повторяйте in's Blaue свои казенныя слова.

Гораздо искреннѣе тѣ публицисты изъ «Новой Руси» и «Нашей Газеты», которые простодушно спрашиваютъ: «своевременно ли? Не лучше ли раньше вмѣстѣ рѣшить общегосударственную задачу?» — Это мы понимаемъ. Это, по крайней мѣрѣ, практическая постановка вопроса. И нельзя не согласиться, что правда, дѣйствительно, несвоевременна — съ русской точки зрѣнія. Ибо одно изъ двухъ: разъ медвѣдь выглянулъ, надо или бороться съ нимъ, или признать его полноправнымъ гостемъ. Бороться? Это значило бы открыть свои газеты для систематической защиты еврейскаго равноправія, для систематическаго отпора на юдофобскую травлю. Мерси боку — только этого, въ самомъ дѣлѣ, и недоставало почтеннымъ газетамъ, на которыхъ и такъ стопудовымъ бременемъ тяготѣетъ подозрѣніе въ недостаточномъ «асемитизмѣ». А признать медвѣдя тоже неудобно. Гораздо удобнѣе было бы сохранить до поры до времени старую иллюзію, что въ «святомъ и чистомъ» климатѣ этой прекрасной страны зоологическій видъ ursus judaeophagus intellectualis вообще не водится...

Но это съ русской точки зрѣнія, да еще съ точки зрѣнія еврейской прислуги русскаго чертога. Мы благодаримъ за любезное приглашеніе идейно пріютиться въ той-же людской и чрезъ ея стекла выглядывать на Божій свѣтъ, благодаримъ за столь лестное мнѣніе о нашей готовности къ собачьему самозабвенію, — но честь эту рѣшительно отъ себя отклоняемъ. Мы прекрасно понимаемъ, что для васъ удобнѣе сохранить блаженное невѣдѣніе до дня, когда будетъ рѣшена общегосударственная задача, — потому что оно васъ ни къ чему не обязываетъ и сохраняетъ къ вашимъ услугамъ всю полноту усердія и расторопности вѣрноподданнаго Израиля;

а когда общегосударственная задача будетъ рѣшена, и медвѣдя, наконецъ, выпустятъ на волю, — тогда вы-то ровно ничего не потеряете. Но мы? Намъ тоже полезно не видѣть и не слышать? Намъ тоже полезно удариться въ славянофильство и грезить, что хорошо намъ знакомый зоологическій экземпляръ, вдоволь посвирѣпствовавшій въ самыхъ культурныхъ заграницахъ, — только здѣсь, только въ этой обѣтованной странѣ, только у этого богоизбраннаго русскаго народа почему-то не родится? Намъ тоже выгодно будетъ, если, одураченные этой грезой, мы довѣрчиво разоружимся, распустимъ свою моральную самооборону, заложимъ и перезаложимъ въ вашихъ ломбардахъ всѣ свои цѣнности, — и *тогда*, въ одинъ прекрасный день, вы съ душевнымъ прискорбіемъ объявите намъ, что медвѣдя не устерегли и онъ, къ глубокому вашему сожалѣнію, вырвался изъ берлоги? Нѣтъ, милостивые государи, не *тогда*, а *теперь* должны вы выложить на столъ все, что у васъ за душою; и кто бы ни выболталъ намъ эту правду, — ваши илоты, какъ это было до сихъ поръ, или ваши дураки, какъ это случилось недавно, или ваши разумники, какъ это происходитъ въ послѣднемъ фазисѣ, — мы ставимъ и будемъ ставить каждое лыко въ строку, и кричимъ глупому старому еврею, что зажмурилъ глаза и идетъ, улыбаясь до ушей, приложиться къ панской ручкѣ: — помни о берлогѣ!

Много характернаго проглянуло въ этой исторіи, но всего характернѣе этотъ резонъ о несвоевременности. Никогда еще эксплуатація народа народомъ не заявляла о себѣ съ такимъ невиннымъ цинизмомъ...

IV

РУССКАЯ ЛАСКА

> ...**Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей**...
>
> *Пушкинъ.*

И пошло! Въ учебникѣ сказано, что тихая стоячая вода можетъ остыть иногда ниже нуля, не замерзая; но достаточно бросить въ нее камень, чтобы она мгновенно покрылась льдомъ. Это часто наблюдается и въ дѣлахъ человѣческихъ. Теперь имѣемъ случай любоваться этимъ занимательнымъ явленіемъ природы по милости инцидента съ «національнымъ лицомъ». На дняхъ еще за стыдъ и срамъ считалось русскому интеллигенту выговорить этакое слово безъ презрительной гримасы, а теперь даже такая заскорузлая, стерилизованная невинность, какъ «Наша Газета», черезъ номеръ усердно склоняетъ и спрягаетъ «національныя» словеса. И оказывается, что они, видите ли, всегда дорожили національными моментами, всегда понимали, что правильное національное чувство есть вещь безупречно-прогрессивная, и чуть ли не за то, главнымъ образомъ, и сердчали на русское начальство, что оно унижаетъ національное величіе! Поистинѣ трогательное открытіе. Кто подозрѣвалъ о

присутствія такой контрабанды подъ спудомъ, а особенно въ «Нашей Газетѣ», въ этомъ классическомъ образчикѣ русско-интеллигентской передовитости, въ этомъ безполомъ органѣ строго выдержаннаго направленчества безъ направленія, въ этомъ щепетильно отгороженномъ и чистенько подметенномъ пустомъ мѣстѣ, на которомъ группа тщательно подобранныхъ безцвѣтностей, не моргая, при всемъ честномъ народѣ смотритъ себѣ въ пупъ? Такая была идеальная тихая и стоячая вода, но видно крѣпко прохватило ее окружающей температурой; попалъ въ нее камень, да еще брошенный неумной и, можетъ быть, нетрезвой рукою, — и пошло!

Многихъ изъ насъ это ошеломило — потому что мы плохіе наблюдатели. Конечно, тотъ тонкій слой, который носитъ имя передовой русской интеллигенціи и задаетъ искони тонъ въ печати, до послѣдняго времени просто не интересовался своей великорусской національностью, какъ здоровый человѣкъ не интересуется своимъ здоровьемъ, особенно когда у него другихъ хлопотъ полонъ ротъ, хата не топлена и сквозь крышу небо плачетъ. Сытый кашей каши не проситъ, особенно когда у самого сапоги просятъ каши. Но мы, по еврейской нашей склонности подчеркивать и размалевывать, а еще больше по надобности оправдать ассимиляцію, прицѣпили къ этой особенности русскаго интеллигента безконечный хвостъ распространительныхъ толкованій. Изъ настроенія, обусловленнаго только національной сытостью великоросса, мы сдѣлали чуть ли не элементарную черту его характера; мы шумѣли на разные лады, что именно русскіе, не въ примѣръ нѣмцу и всякому другому бусурману, органически на «это» не способны, что

имъ отъ-роду присуще нѣкое вселенское начало и отмѣнно теплыя чувства по всѣмъ направленіямъ, безъ различія вѣры и племени. И, какъ всегда, мы самихъ себя гипнотизировали своимъ шумомъ и побѣдоносно пролетали мимо самыхъ яркихъ фактовъ, не удостаивая на нихъ оглянуться. Даже мимо погромовъ попробовали сгоряча проскакать безъ оглядки, сваливъ всю бѣду на подстрекателей сверху и «отбросы общества» снизу, какъ будто оглушительный успѣхъ подстрекателей самъ по себѣ не характеренъ для данной среды, или какъ будто отбросы не характерны для выдѣляющаго ихъ организма. Но былъ еще фактъ, мимо котораго мы пробѣжали съ зажмуренными глазами; и даже не мимо него, а насквозь, проникая внутрь и ничего не замѣчая, глядя и не видя, смакуя и не чувствуя дегтя, анализируя тонкости и не натыкаясь на оглоблю. Этотъ фактъ — русская литература, та самая, что со временъ еще Радищева славила свободу и милость къ падшимъ призывала, та самая, что такъ сильно проникнута идеями подвига и служенія; та самая, которая устами своихъ лучшихъ ни одного добраго слова не сказала о племенахъ, угнетенныхъ подъ русскою державой, и руками своихъ первыхъ пальцемъ о палецъ не ударила въ ихъ защиту; та самая, которая зато руками своихъ лучшихъ и устами своихъ первыхъ щедро обдѣлила ударами и обидами всѣ народы отъ Амура до Днѣпра, и насъ больше и горше всѣхъ.

На дняхъ праздновали юбилей Гоголя, и немало евреевъ использовали, конечно, этотъ случай лишній разъ «поплясать на чужой свадьбѣ». Должно быть, въ нѣкоторыхъ еврейскихъ училищахъ черты устроили и еще устроятъ послѣ каникулъ гоголевскія торже-

ства, учитель русскаго языка скажетъ прочувствованное слово, учитель физики покажетъ въ волшебномъ фонарѣ картинки изъ «Тараса Бульбы», а потомъ ученики или ученицы, картавя, пропоютъ передъ бюстомъ: «Николаю Васильевичу сла-а-ва». И девяти десятымъ изъ устроителей и участниковъ не придетъ въ голову задуматься, какова съ нравственной точки зрѣнія цѣнность этого обряда цѣлованія ладони, которой отпечатокъ горитъ на еврейской щекѣ; не придетъ въ голову, какой посѣвъ компромиса, безхарактерности, самоуниженія забрасывается въ сознаніе отрочества этимъ хоровымъ поклономъ въ ноги единственному изъ первоклассныхъ художниковъ міра, воспѣвшему, въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣми красками своей палитры, всѣми звуками своей гаммы и со всѣмъ подъемомъ увлеченной своей души воспѣвшему еврейскій погромъ.

Стоило бы, можетъ быть, въ честь юбилея тутъ переписать слишкомъ забытыя нѣсколько страницъ изъ того же «Тараса Бульбы». Ничего подобнаго по жестокости не знаетъ ни одна изъ большихъ литературъ. Это даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствіемъ казацкой расправѣ надъ жидами: это хуже, это какое-то беззаботное, ясное веселье, не омраченное даже полумыслью о томъ, что смѣшныя дрыгающія въ воздухѣ ноги — ноги живыхъ людей, какое-то изумительно-цѣльное, неразложимое презрѣніе къ низшей расѣ, не снисходящее до вражды. Стоило бы процитировать, да не хочется. Все равно, кому нужно усердствовать, тѣхъ не остановишь. Нѣтъ такой хитрой преграды, чтобы подъ нею не проползъ кабцанъ, которому дали входной билетъ погрѣться у людей на солнышкѣ. И не хочется еще потому,

что нѣтъ никакой причины останавливаться на одномъ Гоголѣ, дѣлать выписки изъ него и не дѣлать выписокъ изъ его братьевъ по этой великодушной литературѣ. Чѣмъ онъ хуже ихъ, и чѣмъ они лучше?

Веселая картина получится, если взять и на память, не выискивая, не докапываясь, просто, какъ говорятъ репортеры, au hazard подсчитать ласку, что мы видѣли въ разныя времена отъ разныхъ великановъ русскаго художества. Для Пушкина понятіе еврей тѣсно связано съ понятіемъ шпіонъ (это въ замѣткѣ о встрѣчѣ съ Кюхельбекеромъ). Въ «Скупомъ рыцарѣ» выведенъ еврей ростовщикъ, расписанный всѣми красками низости, еврей, подстрекающій сына отравить папашу — а ядъ купить у другого еврейчика, аптекаря Товія. У Некрасова «жиды» на биржѣ уговариваютъ проворовавшагося русскаго купца: «намъ вы продайте паи, деньги пошлите въ Америку», а самъ пусть бѣжитъ въ Англію:

„На катерѣ —
Къ насей финансовой матери,
И поживайте, какъ *царрь!*"
Такъ говорили жиды —
Слогъ я исправилъ для ясности...

У Тургенева есть разсказъ «Жидъ», неправдоподобный до наивности; читая, видишь ясно, что авторъ нигдѣ ничего подобнаго не подсмотрѣлъ и не могъ подсмотрѣть, а выдумалъ, какъ выдумывалъ сказки о призракахъ, — и *что* выдумалъ, и съ какимъ чувствомъ нарисовалъ и раскрасилъ! Старый жидъ, конечно, шпіонъ, а кромѣ того продаетъ еще офицерамъ свою дочку. Зато дочь, конечно, красавица. Это понятно. Нельзя же совсѣмъ обездолить несчаст-

ное племя. Надо жъ ему хоть товаръ оставить, которымъ онъ могъ бы торговать.

По Достоевскому — отъ жидовъ придетъ гибель Россіи. Это, казалось бы, давало жидамъ извѣстное право на вниманіе; однако, ни одного цѣльнаго еврейскаго образа у Достоевскаго нѣтъ, насколько сейчасъ могу припомнить. Но если правда, что битый радъ, когда бьютъ и сосѣда, то мы можемъ утѣшиться, припоминая польскіе типы Достоевскаго, особенно въ «Карамазовыхъ» и въ «Игрокѣ». «Полячокъ» — это обязательно нѣчто подлое, льстивое, трусливое, вмѣстѣ съ тѣмъ спѣсивое и наглое; и даже тѣ затаенныя въ польской душѣ надежды, къ которымъ самый заклятый врагъ долженъ отнестись съ уваженіемъ, о которыхъ самъ Бюловъ, защищая враждебный полякамъ законъ, говорилъ недавно въ рейхстагѣ съ шапкою въ рукахъ, — коробитъ и вспомнить, какой желчной слюною облиты эти надежды разгромленнаго народа у тонкаго, многострадальнаго автора «Карамазовыхъ».

Чеховъ? Еврейскіе критики ужасно любятъ цитировать изъ «Моей жизни» мимоходомъ оброненную фразу, что библіотека провинціальнаго городишки пустовала бы, если бы не дѣвушки «и молодые евреи». Это глубоко трогаетъ еврейскихъ критиковъ, это имъ очень льститъ, они въ этомъ видятъ явную агитацію за безпроцентное допущеніе евреевъ къ образованію. Добрый мы народъ, и самая добрая наша черта, это — что и малымъ довольны... По существу же былъ Чеховъ наблюдатель, не вѣдавшій ни жалости, ни гнѣва, и не любившій ничего, кромѣ увядающей красоты «вишневаго сада»; поэтому еврейскія фигуры, изрѣдка попадающіяся въ «Степи», «Перекати-полѣ»,

«Ивановѣ», написаны съ обычнымъ для этого художника правдивымъ безразличіемъ. И съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ нарисовалъ Чеховъ своего Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ, составляющихъ фондъ русской интеллигенціи, и съ такимъ же правдивымъ безразличіемъ засвидѣтельствовалъ, что Ивановъ, когда въ дурномъ настроеніи, вполнѣ способенъ обругать свою крещеную жену жидовкой. Но Чеховъ самъ былъ во многихъ отношеніяхъ Ивановымъ, русскимъ интеллигентомъ до мозга костей, и случилось и ему однажды выругаться по адресу жидовки. Тогда онъ написалъ свою «Тину». Это анекдотъ еще болѣе нелѣпый и неправдоподобный, чѣмъ тургеневскій «Жидъ», настолько пошлый по сюжету, что и двухъ строкъ не хочется посвятить его передачѣ. Гдѣ это Чехову приснилось? Зачѣмъ это написалось? — Такъ. Прорвало Иванова, одного изъ несчетныхъ Ивановыхъ земли русской.

Кого еще назвать? Лѣскова? Н. Вагнера (Котъ-Мурлыка)? Изъ однихъ именъ можно было бы составить длинное стихотвореніе, какъ у того французскаго поэта:

Jeannette, Nine,
Alice, Aline,
Léda, Julie —
Et j'en oublie...

Ничего въ противовѣсъ этому списку не можетъ назвать русская литература. Никогда ни одинъ изъ ея крупныхъ художниковъ не поднялъ голоса въ защиту правды, растоптанной на нашей спинѣ. Даже въ публицистикѣ не на что указать, кромѣ одной статейки Щедрина и одной статейки Чичерина. Въ беллетри-

стикѣ нечѣмъ похвастать, кромѣ сладенькаго, нестерпимо-бездарнаго мачтетовскаго «Жида», да еще гдѣ-то за порогомъ художества красуется шедевръ г. Чирикова. Тѣ изъ насъ, которые малымъ довольны, восторгаются еще «Суднымъ днемъ» Короленко, ибо тамъ доказано, что иной хохлацкій шинкарь еще прижимистѣе шинкаря-еврея. Лестно. Если за это полагается мерси, то у Лѣскова есть гораздо болѣе обстоятельные разсказы на тему о томъ, что хотя жидъ и мошенникъ, но румынъ еще того хуже, а русскій помѣщикъ, купецъ и мужичокъ тоже не промахъ по части вороватости... Но ничего настоящаго, ничего такого, что если не по силѣ, то хоть по настроенію, по проникновенію въ еврейскую душу могло бы стать рядомъ съ «Натаномъ Мудрымъ» или съ Шейлокомъ, русская литература не дала. Да и зачѣмъ такіе высокіе образцы: рядомъ у поляковъ есть Элиза Ожешко, есть знаменитый Янкель изъ «Пана Тадеуша», написанный Мицкевичемъ въ то самое время, когда Пушкинъ малевалъ своего жида Соломона изъ «Скупого рыцаря»...

Не сомнѣваюсь: какъ всегда, найдется гдѣ-нибудь газетный пошлякъ, который во всемъ этомъ увидитъ ненависть къ русской литературѣ. Если это случится, я возражать не буду — надоѣло спорить съ пошляками, возиться съ людьми внутренно недобросовѣстными, которые давно сами знаютъ о своемъ банкротствѣ и еще всетаки зазываютъ бѣдную публику съ ея нищенскими сбереженіями къ своему подгнившему прилавку. Между прочимъ, русскую литературу я очень цѣню, включая и этого самаго Гоголя, потому что литература должна быть прежде всего талантлива, и русская литература — далеко не въ примѣръ инымъ прочимъ отраслямъ русской національ-

ной жизнедѣятельности — этому условію удовлетворяетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо помнить, что философію народа, его настоящую, коренную философію выражаютъ не философы и публицисты, а художники, и въ данномъ вопросѣ характеръ этой философіи для всякаго, кто не слѣпъ и не глухъ, ясенъ безъ малѣйшей двусмысленности. Можетъ быть мало на свѣтѣ народовъ, въ душѣ которыхъ таятся такіе глубокіе зародыши національной исключительности. Мы проглядѣли, что родоначальная страница русской классической драмы — «Горе отъ ума» — насквозь пропитана обостреннымъ націоналистическимъ чувствомъ, до краевъ полна протестомъ во имя національной самобытности, выходками противъ французско-нижегородской ассимиляціи, проповѣдью «премудраго незнанья иноземцевъ». Мы проглядѣли, что Пушкинъ въ разгарѣ таланта написалъ потрясающее по энергіи и силѣ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», гдѣ трепещетъ подлинный нервъ того настроенія, которое въ Англіи теперь называютъ джингоизмомъ. Мы проглядѣли, что въ пресловутомъ, и насъ захватившемъ культѣ «святой и чистой» русской интеллигенціи, которая де лучше всѣхъ заграничныхъ и супротивъ которой нѣмцы и французы просто мѣщане, — что во всемъ этомъ славословіи о себѣ самихъ, рѣшительно вздорномъ и курьезномъ, гулко звучала нота національнаго самообожанія. И когда началось освободительное движеніе и со всѣхъ трибунъ понеслась декламація о томъ, что «мы» обгонимъ Европу, что Франція реакціонна, Америка буржуазна, Англія аристократична, а вотъ именно «мы», во всеоружіи нашей неграмотности, призваны утереть имъ носъ и показать настоящее политическое зодчество, — наша близо-

рукость и тутъ оплошала, мы и тутъ не поняли, что предъ нами взрывъ непомѣрно вздутаго національнаго самолюбія, туманящій глаза, мѣшающій школьникамъ учиться уму-разуму у Европы, у Америки, у Австраліи, у Японіи, у всѣхъ, потому что всѣ ихъ обогнали.

Я говорю только о зародышахъ. Они еще надолго останутся зародышами. Несмотря на всѣ призывы Струве, великорусскому національзму еще некуда и не во что развиваться, кромѣ какъ по черносотенной тропинкѣ, по которой серьезная часть интеллигенціи, должно быть, не пойдетъ. Въ національномъ смыслѣ у великоросса ни въ чемъ нѣтъ недостатка, а напротивъ — въ колоссальныхъ доходахъ, которые приноситъ ему его національная культура, большую роль играютъ инородческія подати, особенно еврейская. Кто сочтетъ, въ какой мѣрѣ хотя бы нынѣшнія модныя книгоиздательства обязаны своимъ ростомъ руссифицированному инородческому потребителю, и въ первую очередь еврею? Русскому національзму не за что бороться — никто русскаго поля не занялъ, а напротивъ: русская культура, безсознательно опираясь на казенное насиліе, расположилась на чужихъ поляхъ и пьетъ ихъ матеріальные и нравственные соки. Для развитія зародышей нѣтъ еще почвы, и она явится только въ тотъ моментъ, когда среди народностей Россіи подымется національное движеніе въ серьезъ, и борьба противъ руссификаціи проявится не на словахъ, какъ теперь, а въ фактическомъ разрывѣ съ великорусскою культурой. Мы тогда увидимъ, кто наши могучіе сосѣди и есть ли у нихъ національная струнка, и тогда, можетъ быть, лучше поймемъ нѣкоторыя забытыя страницы изъ Некрасова, Пушкина и Гоголя.

HOMO HOMINI LUPUS

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ изъ Америки о послѣднемъ избіеніи негровъ. Любопытная подробность, на которую у насъ обратили, кажется, мало вниманія: произошло это событіе 4-го іюля н. с., то-есть въ «самый большой праздникъ Соединенныхъ Штатовъ, — день объявленія независимости». На этотъ день было назначено состязаніе въ боксѣ между двумя великими чемпіонами — Джонсономъ и Джеффри. Корреспондентъ разсказываетъ, что публичный боксъ запрещенъ по всей С. Америкѣ, кромѣ штата Невады; поэтому поединокъ происходилъ въ одномъ изъ городовъ этого штата, но оттуда были «проведены спеціальныя телеграфныя проволоки въ главнѣйшіе города» и «туда ото всѣхъ газетъ посланы спеціальные корреспонденты». На всемъ пространствѣ Штатовъ передъ редакціями большихъ газетъ стояли толпы народа, и горластые редакціонные джентльмены выкрикивали ежеминутно послѣднюю новость: «Джеффри получилъ страшный ударъ въ подбородокъ. — Джеффри упалъ за арену». И вотъ, когда оказалось, что побѣдителемъ остался негръ Джонсонъ, а бѣлый Джеффри признанъ побѣжденнымъ, бѣлая толпа, словно но уго-

вору, во множествѣ городовъ устроила неграмъ погромы.

Къ такимъ непріятностямъ негры давно привыкли, но обыкновенно обстановка событія другая. Обыкновенно — эти вещи происходятъ только на югѣ; на этотъ разъ приняли участіе въ избіеніяхъ негровъ и города сѣвера. Обыкновенно — поводомъ является слухъ, будто мѣстный негръ «опять» покушался изнасиловать бѣлую дѣвушку: собирается многотысячная толпа, виновнаго негра ищутъ, дабы линчевать его черезъ повѣшеніе или сожженіе живьемъ, а попутно прикончать палками или изъ браунинговъ еще десятокъ черныхъ, за то, что попались на дорогѣ. Но на сей разъ этого повода не было. Просто два широкоплечихъ идіота подрались на кулачки, по взаимному соглашенію, съ позволенія мѣстнаго начальства и подъ контролемъ знатоковъ этого тонкаго искусства. И такъ какъ побѣдителемъ оказался негръ и можно было опасаться, что другіе негры въ странѣ зазнаются, бѣлые граждане великой республики не стерпѣли и низложили гордыню эфіоповъ. Для этого на негровъ набрасывались въ пропорціи 50 на одного, проламывали головы, топтали каблуками, истязали даже черныхъ женщинъ и дѣтей: «Въ однихъ восточныхъ штатахъ», пишетъ корреспондентъ, «много негровъ растерзано толпой; сотни ранены и изувѣчены. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ антагонизмъ между расами гораздо сильнѣе, число изувѣченныхъ, навѣрное, нужно считать тысячами».

Каковъ же фонъ, на которомъ возможны такія вспышки? Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ свободнѣйшей изъ республикъ, въ странѣ, которая своимъ политическимъ существованіемъ обязана возстанію, де-

сять милліоновъ гражданъ живутъ въ самомъ черномъ безправіи только за то, что у нихъ кожа другого цвѣта. Когда-то они были рабами; потомъ сѣверные штаты потребовали отмѣны рабства и пошли войной противъ юга, стоявшаго за сохраненіе исконнаго порядка. Въ то время образъ дѣйствій сѣверныхъ штатовъ объясняли высокими гуманитарными побужденіями, но теперь даже въ учебникахъ признано, что въ основѣ рыцарственнаго заступничества сѣверянъ за черное племя лежали простые карманные интересы. Въ сѣверныхъ штатахъ, около 1860 года, уже широко развивалась крупная индустрія, которая, какъ всюду, видѣла въ рабствѣ одну изъ главныхъ помѣхъ на пути своего роста. Южные штаты, напротивъ, существовали экстенсивнымъ земледѣліемъ и дорожили институтомъ рабства. Война сѣвера и юга кончилась побѣдой сѣверянъ. Негры были признаны свободными и равноправными гражданами великой республики.

Съ тѣхъ поръ ушло около полувѣка, и не только негръ, но и бѣлый американецъ засмѣется вамъ въ лицо, если вы въ серьезъ примете это равноправіе. Нигдѣ въ культурномъ мірѣ, если даже включить въ это гибкое понятіе Россію и Румынію, нѣтъ подобнаго неравенства. Прежде всего, это неравенство безвыходное. Россійскій еврей, если не въ мочь терпѣть, всетаки можетъ выкреститься. Американскіе негры уже давно христіане, и дальше идти некуда. Расы не смоешь. Смѣшанные браки тоже не помогаютъ: если прадѣдъ былъ негромъ, если у правнука осталась хоть подозрительная черточка въ рисункѣ губъ, въ завиткахъ волосъ, или (почти неискоренимая) темная полоска у корня ногтей, — онъ для своихъ

согражданъ негръ и дѣлитъ общую негритянскую судьбу. Его не пускаютъ ни въ театры, ни въ отели, ни въ поѣзда, ни въ школу. Для него отводятся особые вагоны на желѣзной дорогѣ и особые закуты въ трамваѣ; училища для негритянскихъ дѣтей строятся отдѣльно отъ «бѣлыхъ» школъ, строятся на скупые гроши и содержатся тѣсно и грязно.. Политическія права черннаго гражданина, «свободнаго и равноправнаго», сведены на нѣтъ. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ негры живутъ массами и могли бы серьезно вліять на исходъ выборовъ, дѣйствуетъ цѣлая система фальсификацій и выкрутасовъ для уничтоженія негритянскихъ голосовъ. Эта система установлена разъ навсегда, примѣняется открыто на глазахъ у всего міра, президентъ и конгрессъ о ней знаютъ, и никому даже въ голову не приходитъ пожать плечами, до того это стало въ порядкѣ вещей. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы черные люди рѣшали политическую судьбу своей родины наравнѣ съ бѣлыми людьми. Равенство равенствомъ, но, тѣмъ не менѣе...

Въ оправданіе свое бѣлые американцы приводятъ много доводовъ, которымъ грошъ цѣна. Они говорятъ: зачѣмъ негру, напримѣръ, учиться? Это раса неспособная къ духовному творчеству, не давшая міру еще ни одного генія. Тѣ, которые такъ говорятъ, сами знаютъ, что школы нужны не для высиживанія геніевъ, а для грамотности, для повышенія общаго умственнаго уровня массъ; а между тѣмъ установлено, что негры очень способны, понятливы и одарены хорошей памятью. Есть у нихъ очень приличные писатели, проповѣдники, профессора; на «бѣлый» вкусъ они, конечно, не геніальны, но сами негры ими до-

вольны, а это главное. Нельзя обязать одно племя непремѣнно нравиться другому. Какихъ такихъ геніевъ дали міру болгары или турки? И еще спорный вопросъ, дала ли міру хоть одного настоящаго генія сама великая союзная республика. Знаютъ это и американцы, знаютъ, что «негеніальность» расы не есть доводъ въ пользу безправія, и всетаки пользуются этимъ доводомъ. Говорятъ они также — въ оправданіе общаго соціальнаго бойкота, которому подвергнуты негры во всей странѣ — что здѣсь дѣйствуетъ нѣкая сверхъ-сознательная сила, нѣчто стихійное, вродѣ «національныхъ отталкиваній» г-на Струве, отчего они, бѣлые люди, физически не въ состояніи вынести близость негра. Но и это завѣдомая неправда. Проф. Мюнстербергъ, написавшій интересную книгу объ американцахъ, удостовѣряетъ, что любой бѣлый, даже изъ самыхъ завзятыхъ южанъ, охотно предоставляетъ своихъ дѣтей черной нянькѣ и съ полнымъ аппетитомъ обѣдаетъ въ ресторанѣ, когда эта нянька сидитъ тутъ же рядомъ и суетъ своему питомцу куски въ ротъ. Но если такая же негритянка войдетъ и сядетъ въ противоположномъ углу за столъ, какъ равная, бѣлый подыметъ скандалъ, соберетъ толпу, ресторанъ объявятъ подъ бойкотомъ и побьютъ въ немъ стекла, а нахальную черную женщину поколотятъ. Здѣсь не физическое отталкиваніе, здѣсь убѣжденное непризнаніе человѣка въ человѣческомъ существѣ другой расы. Въ одномъ русскомъ журналѣ недавно цитировалась такая фраза бѣлаго южанина (привожу на память): «Мы, въ сущности, любимъ негра, но какого? Такого, который знаетъ свой шестокъ, не лѣзетъ ни въ школу, ни въ театръ». А такъ какъ негръ наивенъ и всетаки принимаетъ свое полувѣковое ра-

венство въ серьезъ, и всетаки напираетъ на двери школы и театра, и всетаки хочетъ голосовать, и притомъ еще плодится и размножается куда успѣшнѣе бѣлаго, то у бѣлаго человѣка презрѣніе все чаще смѣшивается съ тревогой. Въ результатѣ — нечеловѣческое, скотское озлобленіе, которое прорывается въ буквально ежегодныхъ погромахъ. Не проходитъ лѣта, чтобы гдѣ-нибудь на югѣ не повторилась та же исторія: молодой негръ позволитъ себѣ съ бѣлой кухаркой вольную шутку руками, какія сплошь и рядомъ себѣ разрѣшаютъ бѣлые джентльмены, та огрызнется, ея бѣлый женихъ подыметъ вопль о покушеніи на изнасилованіе, въ пять минутъ собирается грандіозная толпа, и начинается охота на черныхъ людей. Картины линчеванія, которыми это заканчивается, отвратительнѣе всякаго кошмара. Люди, бѣлые люди, граждане республики, не пьяные, грамотные, часто прошедшіе не одну только начальную школу, люди въ пиджакахъ и чистомъ крахмальномъ бѣльѣ работаютъ локтями, чтобы тоже добраться до негра и тоже ударить его палкой; люди дерутся за честь быть палачомъ, подержаться за кончикъ веревки; иногда, въ очень глухихъ мѣстахъ, еще вспоминаютъ древній обычай — окунуть негра въ деготь и потомъ вывалять въ распоротой перинѣ, а уже въ этомъ видѣ поджечь. Полиція бездѣйствуетъ, коммиссаръ, къ которому прибѣгаютъ молить о заступничествѣ, пожимаетъ плечами и говоритъ: — Ничего не могу подѣлать. — Знакомая картина, если только не хуже...

Издали обѣтованная земля кажется краше, чѣмъ на дѣлѣ. Мы, у которыхъ не только демократической, но и вообще никакой конституціи нѣтъ, мы естественно склонны вѣрить, что въ демократизаціи государствен-

наго устройства заключается панацея противъ многихъ общественныхъ золъ. Когда-то люди были еще глупѣе и думали, будто свобода лѣчитъ — даже отъ бѣдности; однако, съ тѣхъ поръ соціалисты успѣли намъ втолковать, что голодные останутся голодными даже при всеобщемъ избирательномъ правѣ. Но въ одно старая вѣра сохранилась: что расовые, національные или религіозные предразсудки поддерживаются исключительно абсолютизмомъ, демократія же ихъ не знаетъ и знать не хочетъ. Какъ разъ соціалисты разныхъ наименованій особенно старались до недавняго времени вбить въ головы эту неправду. Ибо это неправда, наглая и вопіющая. Демократія сама по себѣ очень хорошая вещь, мы ея всѣ желаемъ и добиваемся, но не надо облыжно сулить то, чего не будетъ. Расовые предразсудки коренятся именно и главнымъ образомъ въ массахъ. Допущеніе этихъ массъ ко власти далеко не всегда улучшаетъ положеніе угнетенныхъ племенъ. Что пользы евреямъ отъ того, что въ Румыніи конституція? Что выиграли тѣ же евреи отъ того, что въ Финляндіи введена самая демократическая въ мірѣ избирательная система? Негритянскій вопросъ въ Сѣверной Америкѣ ярко иллюстрируетъ печальную картину. Здѣсь, на фонѣ почти идеальнаго демократизма, полной свободы, широкаго самоуправленія — расовая ненависть дѣйствуетъ въ самыхъ чудовищныхъ формахъ и въ самомъ безпримѣсномъ, очищенномъ видѣ. Въ Россіи или въ Румыніи пускаются по крайней мѣрѣ въ ходъ, для оправданія аналогичныхъ явленій, доводы экономическаго или политическаго свойства: такая-то народность якобы революціонна или якобы эксплоатируетъ «коренную» бѣдноту. Въ Америкѣ никто даже не пытается сочинить что-либо ".

добное: негры политически кротки, какъ ягнята, и занимаются почти поголовно ремеслами или низшими видами наемнаго труда. Во Франціи или въ нѣмецкой Австріи, чтобы оправдать антисемитизмъ, ссылаются на громадныя богатства Ротшильдовъ или такъ называемыхъ вѣнскихъ Quai-Juden; въ Америкѣ среди негровъ нѣтъ ни одного крупнаго состоянія. Здѣсь на лицо простая, голая, ничѣмъ неприкрытая антипатія расы къ расѣ, безъ всякаго повода или предлога, такъ, здорово живешь. За то, что Джонсонъ повалилъ Джеффри. Это въ свободнѣйшей странѣ, среди населенія, почти поголовно грамотнаго, и въ другихъ случаяхъ — напримѣръ, въ обращеніи съ бѣлой женщиной или съ бѣлымъ ребенкомъ — рыцарски-корректнаго; это въ странѣ, гдѣ ни полиція, ни судъ не боятся никакого давленія сверху. Въ такой странѣ и въ такой средѣ расовая ненависть не разъ и не два, а изъ года въ годъ выливается въ такія формы, которыя соперничаютъ не только съ кишиневской или бакинской рѣзнею, но прямо съ подвигами курдовъ въ армянскихъ вилайетахъ Турціи. Видно, противъ этой болѣзни не помогаютъ ни всеобщее голосованіе, ни всеобщее обученіе.

Но есть нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ демократія и даже чѣмъ поголовная грамотность: это — опытъ собственныхъ страданій. Принято вѣрить, что тотъ, кто самъ долго страдалъ подъ гнетомъ сильнѣйшаго, не станетъ угнетать еще слабѣйшихъ. Мы часто строимъ самыя розовыя надежды именно на томъ, что такой-то народъ самъ много вытерпѣлъ — «значитъ», онъ будетъ сочувствовать и понимать, ему совѣсть не позволитъ обидѣть слабаго тою же обидой, подъ которою недавно кряхтѣлъ самъ. Но и это, на повѣрку, одни

словеса. Въ Германіи еще не вымерло поколѣніе, въ памяти котораго живы тѣ времена, когда единой Германіи не было, а нѣмецкій народъ былъ раздробленъ на мелкіе огрызки. Это поколѣніе выносило въ груди мечту объединенія, подготовило почву упорнымъ трудомъ и осуществило свой идеалъ героическимъ усиліемъ. И то же самое поколѣніе, черезъ самый короткій промежутокъ, начало походъ противъ познанскихъ поляковъ. Польша раздроблена, какъ была недавно раздроблена Германія, но строители единой Германіи сочли бы глупымъ сентиментализмомъ считаться съ этимъ совпаденіемъ. Тотъ же германскій патріотъ, который въ 1860 г. плакалъ слезами сердца, когда дѣти въ сельской школѣ пѣли пѣсню о единой Германіи, — черезъ 40 лѣтъ изъ собственныхъ рукъ поролъ польскихъ мальчиковъ, не желавшихъ учиться закону Божію на нѣмецкомъ языкѣ. Это только въ Ветхомъ Завѣтѣ написано: «Не притѣсняй инородца, ибо и ты былъ инородцемъ въ землѣ Египетской». Въ теперешней морали этому слюнявому гуманизму нѣтъ больше мѣста.

Люди идутъ еще дальше. Не только память о прошлыхъ страданіяхъ не помѣха, чтобы въ свой чередъ бить другихъ по тому же мѣсту, по которому самъ былъ нещадно битъ наканунѣ. Бываетъ и хуже. Бываетъ, что народъ, и понынѣ страдающій, понынѣ угнетенный, понынѣ взывающій къ небу во имя справедливости, въ то же самое время изловчается душить слабѣйшую группу. Посмотрите на тѣхъ же поляковъ въ Галиціи, гдѣ они хоть немного чувствуютъ себя хозяевами. Что тамъ только не продѣлывается надъ русинами! Русины издаютъ въ Вѣнѣ спеціальный журналъ на нѣмецкомъ языкѣ — «Ukrainische

Rundschau» — содержаніе котораго на три четверти сводится къ перечисленію гадостей, которыя продѣлываются въ краѣ польской администраціей. Каждая рѣчь русинскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ полна тѣхъ же горькихъ жалобъ, украинская печать Лемберга только о томъ и кричитъ. По австрійской конституціи всѣ народности равноправны; между тѣмъ русины почти изгнаны изъ администраціи и суда, русинскіе чиновники насчитываются единицами на государственной и областной службѣ даже въ Восточной Галиціи, гдѣ русинское населеніе въ громадномъ большинствѣ; элементарныхъ школъ мало, среднихъ школъ почти совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ львиная доля областного школьнаго бюджета тратится на польскія гимназіи и на субсидированіе польскихъ начальныхъ школъ; на судѣ, если процессъ хоть издали похожъ на столкновеніе между русиномъ и полякомъ, первому никогда не добиться правды; полиція позволяетъ себѣ надъ русинскими мужиками самыя безобразныя насилія — то жандармъ подстрѣлитъ наповалъ мужика за ловлю рыбы въ непоказанномъ мѣстѣ, то цѣлое «стадо» русинъ, изъ за ссоры съ полякомъ-помѣщикомъ, связавъ руки за спиною, гонятъ пѣшкомъ дальше 50 верстъ въ уѣздный городъ, подталкивая прикладами, а за мужьями бѣгутъ бабы съ дѣтьми и воютъ, такъ что, по свидѣтельскимъ показаніямъ, «за 2 километра слышно было». На выборахъ въ рейхсратъ продѣлываются неслыханныя мошенничества и насилія: то группу русинъ-избирателей, пришедшихъ пѣшкомъ изъ деревни, просто не пустятъ въ городъ, то выкрадутъ или подмѣнятъ нѣсколько сотъ бюллетеней. Это не секретъ, весь рейхсратъ и вся Австрія знаетъ, что такое галиційскіе выборы,

самое слово «Galizische Wahlen» пріобрѣло въ общемъ сознаніи особый смыслъ. Во всей Австріи кипитъ борьба націй, но нигдѣ она не доводитъ людей до такого озлобленія: вѣдь не даромъ въ одной только Галиціи, изо всѣхъ австрійскихъ провинцій, оказался возможнымъ террористическій актъ (убійство русиномъ Сичинскимъ поляка-намѣстника) и, что особенно характерно, убійца встрѣтилъ нескрываемое сочувствіе со стороны всего русинскаго общества. Таковы результаты хозяйничанья угнетенной народности въ краѣ, гдѣ ей дано хоть очасти хозяйничать.

Въ другихъ формахъ, но по существу то же продѣлывается въ Галиціи и надъ евреями. На судѣ еврею, особенно бѣдному, немыслимо добиться правды противъ поляка, а бываютъ зато и такіе случаи, что судья-полякъ, въ разгарѣ засѣданія, обругаетъ еврея-свидѣтеля Іудой или въ этомъ родѣ (въ наказаніе потомъ такого судью переводятъ на лучшее мѣсто). Въ политическомъ смыслѣ поляки откровенно смотрятъ на евреевъ какъ на матеріалъ для эксплуатаціи въ цѣляхъ упроченія своей власти надъ краемъ. Еврейская національность не признается, при переписи евреевъ записываютъ «поляками» и такимъ образомъ создается въ Галиціи «польское большинство». На самомъ дѣлѣ число поляковъ и русинъ въ краѣ одинаково, а изъ 800.000 евреевъ по крайней мѣрѣ 90 % носятъ пейсы, говорятъ на жаргонѣ и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по польски. Еврейскій національзмъ преслѣдуется всѣми средствами. Были случаи исключенія учениковъ изъ гимназіи «за сіонизмъ». Въ Галиціи за послѣднія десять лѣтъ открылось множество частныхъ школъ для распространенія древне-еврейскаго языка: нѣтъ мытарствъ, кото-

рымъ бы не подвергались эти школы, особенно подъ видомъ посѣщеній санитарной коммисіи, которая въ 75 случаяхъ на сто «приходитъ въ ужасъ» отъ антигигіенической обстановки, гдѣ чахнутъ эти бѣдныя, милыя еврейскія дѣтки, и школу прикрываютъ. Особенной же ненавистью пользуется жаргонъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Лембергѣ совѣтъ адвокатскаго сословія подвергъ дисциплинарной карѣ одного молодого адвоката за то, что онъ публично произнесъ рѣчь на жаргонѣ. Не за содержаніе, а за жаргонъ! Въ этой ненависти къ еврейскому національному достоянію объединяются всѣ польскія партіи, отъ клерикаловъ до соціалъ-демократовъ. Не только сіонизмъ, не только соціалисты Поалэ-Ціонъ, но и такъ называемая «еврейская соціалистическая партія», соотвѣтствующая нашему Бунду и признающая евреевъ за особую національность, бойкотируется и преслѣдуется польскими соціалъ-демократами. Когда въ 1906 году депутатъ Штраукеръ впервые заговорилъ съ трибуны рейхсрата о евреяхъ, какъ націи, рѣзче и грубѣе всѣхъ издѣвался надъ нимъ вождь польскихъ соціалъ-демократовъ, Дашинскій. Двойная иллюстрація къ нашей темѣ: членъ угнетеннаго класса угнетенной націи, самъ завзятый націоналистъ, не хочетъ признать права на національную жизнь за другой народностью, еще болѣе угнетенной.

Впрочемъ, за самыми яркими иллюстраціями нѣтъ нужды отправляться заграницу: ихъ сколько угодно въ русской Польшѣ. Тяжело и неловко объ этомъ говорить: въ передовой печати грустное положеніе Царства Польскаго всегда отмѣчается съ глубокимъ сочувствіемъ, и не принято нарушать общій тонъ упоминаніемъ про оборотную сторону польской медали.

Но вѣдь и на оборотной сторонѣ копошатся живые люди съ реальными страданіями, и въ сущности нѣтъ никакой причины замалчивать некрасивую правду...

Вотъ еще примѣръ, о которомъ тоже больно говорить. Въ Лондонѣ былъ недавно «конгрессъ угнетенныхъ націй». Представительница Финляндіи произнесла рѣчь, въ которой прозвучали покаянныя нотки. «И мы во многомъ были грѣшны», сказала она, «мы, живя подъ дамокловымъ мечемъ, сами угнетали другую націю — евреевъ. Пора было насъ встряхнуть. Но встряска эта оказалась слишкомъ ужъ сильной...» Да, слишкомъ сильной, и хочется вѣрить, что черная туча надъ Финляндіей всетаки пролетитъ и разсѣется безъ слѣда. Но что правда, то правда: о такомъ гнетѣ надъ евреями, какой существуетъ въ Финляндіи, даже Россія и Румынія не знаютъ. Евреямъ разрѣшено жить только въ трехъ городахъ (въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ и Або); за чертой города имъ воспрещено даже временное пребываніе, и первый встрѣчный финнъ, увидавъ еврея за городомъ, имѣетъ право арестовать преступника и представить въ участокъ. Большая часть промысловъ евреямъ недоступны. Браки между евреями обставлены стѣснительными и унизительными формальностями. Убой скота по еврейскому обряду воспрещенъ. Постройка синагогъ крайне затруднена. Поселеніе новыхъ евреевъ въ краѣ не допускается, незаконно проникшіе энергично выселяются мѣрами полиціи (даже теперь, въ моментъ глубокаго національнаго траура Финляндіи). Политическихъ правъ евреи лишены абсолютно, новый избирательный законъ, прославленный своей идеальной демократичностью, предоставляющій избирательныя права женщинамъ, оставилъ евреевъ за порогомъ. Тоже

демократія, тоже высокая культурность, тоже сами знают, что такое угнетеніе и страданіе, а всетаки...

Мудръ былъ философъ, который сказалъ: homo homini lupus. Человѣкъ для человѣка хуже волка, и долго еще мы этого ничѣмъ не передѣлаемъ, ни государственной реформой, ни культурой, ни горькими уроками жизни. Глупъ тотъ, кто вѣритъ сосѣду, хотя бы самому доброму, самому ласковому. Глупъ, кто полагается на справедливость: она существуетъ только для тѣхъ, которые способны кулакомъ и упорствомъ ея добиться. Когда слышишь упреки за проповѣдь обособленія, недовѣрія и прочихъ терпкихъ вещей, иногда хочется отвѣтить: Да, виновенъ. Проповѣдую и буду проповѣдывать, потому что въ обособленіи, въ недовѣріи, въ вѣчномъ «настороже», въ вѣчной дубинкѣ за пазухой — единственное средство еще кое какъ удержаться на ногахъ въ этой волчьей свалкѣ.

1910.

НЕ ВѢРЮ

Отвѣчая на статью «Homo homini lupus», одинъ почтенный публицистъ не отрицаетъ того, что человѣкъ человѣку волкъ и хуже волка, но всетаки думаетъ, что эта бѣда — отъ несовершенства политическаго и соціальнаго строя. Демократія, а въ особенности тотъ грядущій порядокъ, носителемъ котораго является рабочій классъ, все это измѣнятъ и исправятъ; «тогда» и слабымъ народностямъ хорошо будетъ житься за пазухой у сильныхъ. Я, по мнѣнію уважаемаго оппонента, неправъ, когда обвиняю и демократію въ прикосновенности къ «волчьей свалкѣ»: развѣ, говоритъ онъ, Галиція — демократія? развѣ тамъ фактическая власть въ рукахъ народа? А потому надо вѣрить въ свѣтлое будущее. Демократія, а за нею нѣчто еще лучшее, вступятъ нѣкогда въ свои права, и будетъ хорошо. Какъ у Некрасова: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ».

Долженъ признаться, что я въ барина не вѣрю. Конечно, только въ данномъ отношеніи, въ смыслѣ вѣрнаго лекарства противъ племенного гнета. Этотъ пробѣлъ въ цѣлебныхъ свойствахъ демократіи нисколько не умаляетъ ея цѣнности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вѣдь кромѣ національныхъ или расо-

выхъ меньшинствъ, которыя боятся **чужого** гнета, есть на свѣтѣ, слава Богу, и большинства, которымъ **чужой** гнетъ не грозитъ, а грозитъ только «свой», единокровный гнетъ абсолютизма или олигархіи. Для нихъ демократія означаетъ болѣе или менѣе полное освобожденіе отъ политическаго гнета. И такъ какъ на свѣтѣ число людей, принадлежащихъ къ мажоритарнымъ націямъ, несравненно больше числа людей, принадлежащихъ къ націямъ миноритарнымъ, то прежде всего надо по справедливости считаться съ интересами первыхъ.

Что касается до вторыхъ, то и для нихъ переходъ страны къ демократическому строю представляетъ, хотя не всегда и не во всемъ, облегченіе. Облегченіе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что открывается большая, чѣмъ прежде, возможность протестовать, организовываться, бороться. Но чтобы демократія сама по себѣ была гарантіей противъ гнета одной націи надъ другою — въ это я не вѣрю. Демократія есть наисовершеннѣйшая организація политическаго выраженія народной воли; поэтому всѣ народные предразсудки тоже наисовершеннѣйшимъ образомъ выражаются въ дѣйствіяхъ именно подъ эгидой демократическаго строя. А чтобы предразсудки сами собой испарялись отъ демократической благодати, этого, надѣюсь, никто не скажетъ.

Отличнымъ примѣромъ являются Соединенные Штаты. Мой оппонентъ правъ, что Галиція не демократія; но Соединенные Штаты Сѣверной Америки — демократія въ самомъ обширномъ смыслѣ, хотя и своеобразно сложившаяся. Правда, избирательныя права еще только въ немногихъ штатахъ распространены на оба пола, и это, конечно, недочетъ; но, за этимъ

исключеніемъ, механика демократіи на лицо. Всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе; президентъ избирается не парламентомъ, какъ во Франціи, а всенародной подачей голосовъ, и его право veto въ законодательныхъ вопросахъ ограничено; главныя должностныя лица, держащія въ рукахъ узлы мѣстной администраціи, тоже избираются; мѣстное самоуправленіе доведено до nec plus ultra; свобода слова, собраній, союзовъ абсолютная. А всетаки негровъ линчуютъ и громятъ ни за что, ни про что, и всетаки въ южныхъ штатахъ они лишены избирательныхъ правъ за цвѣтъ кожи.

Галиція, конечно, не демократія. Но какъ отнестись къ теперешнимъ депутатамъ отъ польскаго населенія Галиціи? Вѣдь они избраны всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Что ни говорите, это есть демократическое представительство, выраженіе народной воли по очень усовершенствованной системѣ. Знаменитыя избирательныя фальсификаціи, о которыхъ я уже говорилъ, примѣняются въ Галиціи главнымъ образомъ противъ русинъ и евреевъ, значительно рѣже противъ польскихъ избирателей. Между тѣмъ мой оппонентъ хорошо знаетъ, что польское коло въ вѣнскомъ рейхсратѣ всетаки представляетъ изъ себя реакціонную силу, идущую почти во всемъ рука объ руку съ христіанскими соціалистами. Какъ ни мудри, приходится заключить, что таково или приблизительно таково, въ общемъ, коллективное настроеніе польскаго населенія Галиціи.

То же самое приходится сказать и о нѣмцахъ Австріи. Въ нѣмецкихъ округахъ всеобщее избирательное право проведено съ особою тщательностью, такъ какъ самые округа у нѣмцевъ меньше, чѣмъ у остальныхъ національностей. Объ избирательныхъ фальси-

фикаціяхъ или насиліяхъ ничего не слышно. А въ результатѣ — кромѣ соціалистовъ, почти всѣ нѣмецкіе депутаты принадлежатъ къ антисемитическимъ фракціямъ. Изъ нихъ самая большая — христіанскіе соціалисты. Остальныя именуются либеральными и, дѣйствительно, всегда рѣзко выступаютъ противъ клерикальныхъ поползновеній. Но когда онѣ объединились въ общій союзъ, то при этомъ было соблюдено одно важное условіе: евреи Офнеръ и Куранда не были приняты въ члены союза, хотя оба бѣдняги и считаютъ себя нѣмцами перваго сорта. Такъ и слоняются теперь по кулуарамъ эти два тевтонца іудейскаго вѣроисповѣданія, въ качествѣ «дикихъ», не находя себѣ пріюта. А когда въ 1908 г. одинъ патеръ изъ партіи Люэгера внесъ резолюцію о введеніи процентной нормы для евреевъ въ австрійскихъ школахъ, большинство нѣмецкихъ депутатовъ, избранныхъ отъ культурнаго нѣмецкаго народа всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, голосовало за. Если бы завтра Австрія стала демократической республикой, то всѣ эти нѣмцы, поляки и пр. избирали бы не только депутатовъ, но и губернаторовъ съ исправниками. Рѣшительно не вижу, почему ихніе исправники были бы тогда лучше ихнихъ депутатовъ.

Конечно, «тамъ, за далью непогоды», за горизонтомъ демократіи, намъ рисуютъ царство будущаго соціалистическаго строя. Я считаю обобществленіе орудій производства и неизбѣжнымъ, и желательнымъ результатомъ соціальнаго процесса и признаю, что носителемъ этого переворота является рабочій классъ; слѣдовательно, съ этой стороны тоже не принадлежу къ особенно закоснѣлымъ еретикамъ. Но гадать о деталяхъ будущаго строя всетаки рано. Одно можно

сказать съ увѣренностью: національныя различія тогда не только не исчезнуть, но еще ярче выразятся благодаря полной свободѣ развитія національныхъ культуръ и, въ особенности, благодаря подъему массъ, которыя являются главными носительницами фактической національной самобытности. Къ этому взгляду приходятъ въ послѣднее время всѣ тѣ соціалъ-демократы, которые не кругомъ невѣжественны въ національномъ вопросѣ: этотъ взглядъ проводится въ обширномъ трудѣ О. Бауэра «Соціалъ-демократія и національный вопросъ», и даже Каутскій не такъ уже далекъ отъ него, какъ десять лѣтъ тому назадъ. Но предсказывать съ точностью до одной десятой, какъ тогда будутъ настроены національныя большинства по отношенію къ живущимъ среди нихъ инородцамъ, будутъ ли нѣмцы любить евреевъ и освободятся ли американцы отъ своей животной антипатіи къ неграмъ, — это было бы шарлатанствомъ: и правнукамъ нашимъ отъ сегодняшняго дня черезъ сто лѣтъ всѣ эти вопросы врядъ ли уже будутъ ясны. Пока же можно съ увѣренностью говорить только объ одномъ: свободенъ или несвободенъ отъ національныхъ предразсудковъ самъ носитель будущаго строя, пролетаріатъ? Тутъ я вынужденъ опять отвѣтить, что и въ этого барина не вѣрю.

Не надо пересаливать. Изъ того, что рабочій есть носитель будущаго, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы рабочій представлялъ собою нравственное совершенство уже въ настоящемъ. Пролетаріатъ есть классъ неимущій, и въ качествѣ таковаго неизбѣжно несетъ на себѣ пока всѣ печальные слѣды бѣдности, невѣжества и предразсудковъ. Въ томъ числѣ и расовыхъ. Международная солидарность пролетаріата озна-

чаетъ, въ первую очередь, то, что рабочіе одной страны дѣйствительно заинтересованы въ благосостояніи рабочихъ другой страны — иначе послѣдніе, не находя заработка на мѣстѣ, начнуть эмигрировать и сбивать заработную плату у первыхъ. И, дѣйствительно, какъ только дѣло доходитъ до иммиграціи, международная солидарность пролетаріата стушевывается, и остается голая борьба рабочихъ одной націи противъ рабочихъ другой націи за кусокъ хлѣба.

Въ малыхъ размѣрахъ эту племенную борьбу между рабочими можно было наблюдать, напримѣръ, еще недавно въ Бѣлостокѣ. Трудно сосчитать, сколько тамъ было столкновеній между христіанскими и еврейскими ткачами на той почвѣ, что христіанскіе рабочіе не признавали за евреями права работать на механическихъ станкахъ. При ручномъ станкѣ — пусть будетъ и еврей; но какъ только фабрика (даже еврейская) вводитъ машинные станки, мѣсто должно перейти къ русскому или поляку. Въ изданіяхъ Бунда сколько угодно матеріала по исторіи этой борьбы. Христіанскіе рабочіе до того упорно стояли за свою «монополію», что возникала опасность физическихъ столкновеній. Наконецъ, въ послѣднее время установили modus vivendi въ видѣ процентной нормы: евреевъ должно быть не больше 50 процентовъ — это на еврейскихъ-же фабрикахъ! Чтобы оцѣнить справедливость этого процента, надо принять во вниманіе, что въ Бѣлостокѣ евреи составляютъ значительное большинство населенія и что на христіанскія фабрики ихъ совсѣмъ не принимаютъ. Въ нѣсколько большихъ размѣрахъ то же самое происходило въ концѣ 90-хъ годовъ на французско-бельгійской границѣ, гдѣ французскіе сельско-хозяйственные рабочіе силой противились допущенію

къ работамъ партіи бельгійцевъ, пришедшихъ изъ-за заставы. Но во весь ростъ вырисовывается эта эгоистическая политика пролетаріата въ той же Сѣверной Америкѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ крупная промышленность достигла наивысшей степени развитія, а сосредоточенныя въ ней рабочія массы — наивысшей степени вліянія. Кто не знаетъ, что всѣ драконовскія мѣры Соединенныхъ Штатовъ противъ иммиграціи диктуются этимъ вліяніемъ? Для капиталистовъ Сѣверной Америки иммиграція, чѣмъ ея больше, тѣмъ выгоднѣе, потому что она понижаетъ заработную плату. Двери закрываются только въ интересахъ «коренного» пролетаріата, для огражденія его отъ конкурренціи и подъ прямымъ давленіемъ могущественныхъ и богатыхъ профессіональныхъ союзовъ. Профессіональные союзы и не стѣсняются этого, и не скрываютъ. Ихъ позиція въ вопросѣ о въѣздѣ китайскихъ рабочихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго по ясности: не впускать, и баста. Въ прошломъ году объѣзжалъ Европу делегатъ, посланный этими союзами для изученія вопроса объ эмиграціи; въ своихъ сношеніяхъ съ рабочими секретаріатами и комитетами этотъ делегатъ совершенно недвусмысленно настаивалъ на томъ, что американскій пролетаріатъ вынужденъ занять позицію противъ наплыва заморскихъ братьевъ. Въ результатѣ, когда изъ нью-іоркскаго или гальвестонскаго порта, точь въ точь какъ изъ Волочиска, выпроваживаютъ назадъ пріѣзжаго еврея, то за этимъ актомъ обороны стоитъ американскій пролетарій, одобряетъ и не стѣсняется.

Тѣ же профессіональные союзы въ штатахъ Юга энергично поддержали всѣ мѣры, отнявшія у негровъ избирательныя права. А негры юга — типично-проле-

тарское населеніе. Среди нихъ процентъ и промышленныхъ, и особенно сельско-хозяйственныхъ рабочихъ значительно выше, чѣмъ у бѣлыхъ, а предпринимателей почти нѣтъ. Но кожа у нихъ черная, и южно-американскій бѣлый пролетаріатъ голосовалъ за то, чтобы черныхъ его товарищей лишили избирательныхъ правъ.

Правда, огромное большинство американскихъ рабочихъ еще не озарено благодатью соціалистической вѣры. Но вѣдь классовая психологія пролетаріата зиждется на его объективной соціальной функціи и вытекающихъ изъ нея реальныхъ интересахъ, а не на той или иной субъективно-воспринятой идеологіи. И въ смыслѣ классовой солидарности американскіе рабочіе дадутъ кому угодно сто очковъ впередъ: первое доказательство тому — монументальная сила ихъ профессіональныхъ союзовъ, импозантность ихъ рѣдкихъ, но грандіозныхъ забастовокъ. Но классовая солидарность превращается въ свою противоположность, какъ только на сцену слишкомъ густо напираетъ голодный заграничный пролетаріатъ; и классовая солидарность молчитъ, когда подымаетъ свой голосъ нелѣпѣйшій, отвратительнѣйшій изъ расовыхъ предразсудковъ.

Но и озаренные благодатью тоже еще не такъ прочны въ этомъ смыслѣ, какъ хочется вѣрить моему оппоненту. Въ упомянутой книгѣ Бауэра немного приподнята завѣса надъ національными треніями внутри австрійской соціалъ-демократіи, даже послѣ того, какъ брюннскій партейтагъ установилъ вѣчный миръ и ладъ. Между чешскими и нѣмецкими соціалъ-демократами доходило на выборахъ до голосованія за разныхъ кандидатовъ, чехи за чеха и нѣмцы за нѣмца, въ одномъ и томъ же округѣ, не взирая на буржуазную опасность.

Но особенно характерно, конечно, отношеніе къ евреямъ. Ужъ оставимъ то, что вѣнская «Arbeiter-Zeitung», органъ крещеныхъ евреевъ Виктора Адлера и Аустерлица, сплошь и рядомъ отпускаетъ, особенно въ полемикѣ противъ «Neue Freie Presse», юдофобскія шуточки, которыхъ въ Россіи не разрѣшила бы себѣ ни одна приличная газета. Не будемъ останавливаться на такихъ пустякахъ, какъ стиль оффиціальнаго органа партіи, и вглядимся въ принципіальное отношеніе. О Дашинскомъ, лидерѣ польскихъ соціалистовъ, я уже упоминалъ. Для него мысль о томъ, что еврей хочетъ обучаться въ своей школѣ на своемъ языкѣ и объясняться съ судьей на жаргонѣ, такъ же точно, какъ полякъ объясняется по-польски и русинъ по-русински, — и смѣшна, и возмутительна. Онъ это не разъ, и въ самой хлесткой формѣ, высказывалъ и съ трибуны парламента, и въ народныхъ собраніяхъ. Для Отто Бауэра, главнаго теоретика австрійской соціалъ-демократіи по національному вопросу, всѣ національности хороши, всѣ самобытныя культуры подлежатъ самой тщательной поддержкѣ и охранѣ — кромѣ еврейской. Онъ не отрицаетъ, что евреи пока еще нація; но ей слѣдуетъ исчезнуть. Почему? На это у Бауэра простой отвѣтъ, замѣчательный по искренности и цинизму: евреи не должны забывать, что христіанское общество сильно пропитано антисемитизмомъ, что отъ этого настроенія далеко не свободенъ даже христіанскій пролетаріатъ (sic), что всякія специфическія еврейскія особенности, вродѣ акцента, вызываютъ у христіанскихъ сосѣдей отталкиваніе, а потому евреямъ надо изо всѣхъ силъ ассимилироваться, лучше всего — посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Иными словами: антисемитизмъ санкціонируется, и евреямъ рекомен-

дуется не бороться съ нимъ, а, напротивъ, подладиться подъ вкусъ антисемитовъ. Книга эта издана серьезными, правовѣрными марксистами и считается, наряду съ сочиненіями Шпрингера, библіей австрійскихъ соціалъ-демократовъ по національному вопросу.

На фонѣ этого теоретическаго отношенія разыгрываются иногда во станѣ австрійской соціалъ-демократіи и совсѣмъ знакомыя сцены, напоминающія не столько о космополитической солидарности рабочаго класса, сколько о практикѣ дворянскихъ клубовъ, куда не пускаютъ евреевъ. Такая сцена вышла недавно на первомайскомъ праздникѣ въ Вѣнѣ. Въ праздникѣ осмѣлилась принять участіе группа еврейскихъ рабочихъ и подмастерьевъ изъ партіи Поалэ-Ціонъ. Они прошли по городу со своими красными знаменами, на знаменахъ были еврейскія надписи, и пѣли они еврейскія пѣсни; они думали, что это не грѣхъ, разъ у нѣмцевъ нѣмецкія и у чеховъ чешскія надписи и пѣсни. Но когда они явились въ общій Lokal въ Пратерѣ, то къ нимъ подошелъ одинъ изъ редакторовъ «Arbeiter-Zeitung», онъ же распорядитель праздника, и приказалъ или не пѣть еврейскихъ пѣсенъ (hebräische Weisen), или убираться. «Иначе — прибавилъ — я не ручаюсь...» Тѣ ушли. Потомъ говорили изъ разныхъ источниковъ, будто сами рабочіе тутъ не при чемъ, а все сдѣлалъ распорядитель по собственному вдохновенію. Можетъ быть. Но вѣдь онъ то ужъ навѣрное пропитанъ соціалистическою благодатью...

Нѣтъ, не вѣрю ни въ какого барина, ни въ завтрашняго, ни въ послѣзавтрашняго. А въ дубинку за пазухой вѣрю, ибо вижу отъ нея барыши въ сосѣдскихъ карманахъ.

1910.

ПРАВО И СИЛА

Теперь стало обычнымъ вопросомъ: вы за турокъ или за итальянцевъ? Большинство прогрессивно-мыслящихъ людей за турокъ. Это ясно и изъ разговоровъ и изъ печати — почти всей европейской и даже американской печати. Образъ дѣйствій итальянцевъ въ этой войнѣ съ самаго начала произвелъ на культурный міръ отталкивающее впечатлѣніе. Не въ первый разъ европейская держава захватываетъ чужую землю, но обыкновенно этому предшествовала извѣстная подготовка атмосферы: устраивались нарочно столкновенія консуловъ съ мѣстными властями, инсценировались оскорбленія иностраннаго знамени со стороны туземцевъ, наконецъ даже провоцировался маленькій погромъ иностранно-подданныхъ, причёмъ изъ одного побитаго телеграфныя агенства дѣлали сто убитыхъ, пресса заинтересованной державы подымала крикъ, парижская печать, взявъ обильный бакшишъ, присоединялась къ негодующему хору, посланники другихъ державъ начинали приставать къ варварскому монарху съ «представленіями» и т. д.; черезъ годъ или два создавалось такое настроеніе, что серьезныя газеты или министры крупныхъ государствъ уже

могли его определять сакраментальными словами: «вопросъ объ отношеніяхъ варварской страны имярекъ къ державѣ имярекъ превратился въ кошмаръ, нависшій надъ всей Европой». Только послѣ этого производилась державой имярекъ экспропріація варварскаго царства имярекъ, и Европа тогда облегченно вздыхала: кошмаръ разсѣялся. И тогда уже никто, кромѣ отъявленныхъ враговъ, не осмѣливался пикнуть о поруганной справедливости, о жестокостяхъ, разстрѣлахъ женщинъ и тому подобной дребедени. Великое дѣло на землѣ этикетъ!

Итальянцы страшно сглупили: они не соблюли общепринятаго церемоніала деннаго грабежа, и за то ихъ теперь ругаютъ на всѣхъ перекресткахъ, раздуваютъ ихъ невинныя карательныя мѣропріятія до размѣра «звѣрствъ» и злорадствуютъ по поводу встрѣченныхъ ими затрудненій. Въ то же время Франція благородно и деликатно беретъ съ Германіи честное слово, что ей, Франціи, будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій въ Марокко; всѣ понимаютъ, что̀ это значитъ — свобода дѣйствій въ Марокко, — но всѣ рукоплещутъ Франціи, потому что она подготовила атмосферу. Въ то же время Англія благородно и деликатно уговаривается съ другой державой разобрать по частямъ Персію, участвуетъ въ мѣропріятіяхъ, цѣлью которыхъ является поддержать въ Персіи безпорядокъ, потомъ ссылается на то, что безпорядокъ въ Персіи грозитъ британскимъ интересамъ, и такимъ образомъ подготовляетъ атмосферу, шито-крыто, деликатно и благородно, а ея пресса говоритъ объ итальянскомъ налетѣ на Триполи съ возмущенной брезгливостью. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, какая мерзость: держава съ 30 милліонами жителей наки-

дывается на беззащитную область, гдѣ едва милліонъ населенія! 30 противъ одного! То ли дѣло была война между Англіей, во владѣніяхъ которой живетъ нѣсколько сотъ милліоновъ подданныхъ, — и бурами, которыхъ было въ Трансваалѣ вмѣстѣ съ Оранжевой республикой около трехсотъ тысячъ душъ. Глупые невоспитанные итальянцы! Вахлаки, не знающіе европейскихъ манеръ!

Меня теперь тоже часто спрашиваютъ: вы за турокъ или за итальянцевъ? Пожимаю плечами и не знаю, что отвѣтить. Мы до сихъ поръ наивны, до сихъ поръ остались провинціалами въ политикѣ. При чемъ тутъ сочувствіе или несочувствіе? Какъ, по какому признаку можно установить, чья сторона больше достойна сочувствія? Развѣ на міровой аренѣ рѣшаются вопросы права, справедливости? Попробуйте сказать итальянцу, что «право» на сторонѣ турокъ, — онъ расхохочется вамъ въ лицо. — «А сама Турція, — спроситъ онъ, — какъ овладѣла Триполисомъ? благодаря праву? А гдѣ было право, когда турки взяли Константинополь, и Фатихъ въѣхалъ на конѣ по трупамъ въ Айя-Софію? Вообще, кто и гдѣ на всей политической картѣ владѣетъ чѣмъ-либо «по праву»? Турція держитъ Критъ грубою силой, угрозой раздавить Элладу, если аѳинское правительство провозгласитъ аннексію острова, а между тѣмъ все населеніе Крита уже столько лѣтъ умоляетъ о возсоединеніи съ Греціей и столько крови пролило за этотъ идеалъ. И однако Турція кричитъ о своемъ правѣ на Критъ, о своемъ правѣ владѣть островомъ, который не хочетъ турецкаго владычества. Откуда, спрашивается, взялось это право? За ласку, что ли, предался во время оно Критъ въ руки мусульманъ? Турки взяли его силой, какъ мы хотимъ

взять Триполи, и держать его силой, какъ мы будемъ держать Триполи. А все прочее болтовня». Такъ скажетъ вамъ итальянецъ, и вы ничего не можете ему возразить.

Европа, кромѣ того, оскорблена въ своихъ лучшихъ чувствахъ еще и тѣмъ, что итальянцы такъ хитро выбрали моментъ, когда турки еще не въ состояніи воевать на морѣ. Какъ это стыдно — нападать на беззащитныхъ! У Европы очень рыцарственные вкусы: ни дать, ни взять престарѣлая кокотка, вспоминающая былыя времена, когда изящные кавалеры вызывали другъ друга на дуэль въ изящныхъ выраженіяхъ съ элегантными жестами. Въ наше время пора было бы смотрѣть на эти вопросы болѣе трезво. Одно изъ двухъ: или не надо грабить, или надо грабить въ самый удобный моментъ. Даже съ точки зрѣнія гуманности (если на минуту допустить, что въ подобныхъ вопросахъ умѣстна такая точка зрѣнія) гораздо лучше, что война произошла теперь, потому что она скорѣе кончится, будетъ меньше убитыхъ и утонувшихъ, и меньше народныхъ денегъ съ обѣихъ сторонъ канетъ на дно морское.

Тоже вотъ очень волнуютъ добрую Европу итальянскія жестокости въ Триполи. Надо полагать, что въ этихъ свѣдѣніяхъ много вранья; но, съ другой стороны, и то надо полагать, что итальянцы маху не дали и хорошенько потѣшили зудившія руки. Не отставать же имъ въ этомъ отношеніи отъ остальной Европы! Что продѣлывали бельгійцы въ Конго, нѣмцы въ Камерунѣ, англичане въ Индіи? Кто изъ васъ, добрые люди, не вырѣзывалъ въ свое время ремней изъ спины цвѣтного человѣка, кто не разстрѣливалъ ихъ десятками во время своего завтрака, — не то для

острастки, не то ради развлеченія? Во время возстанія сипаевъ въ Индіи примѣнялась пытка «китти», заключавшаяся въ томъ, что женщинамъ сдавливали грудь въ деревянныхъ тискахъ; другая пытка состояла въ томъ, что внутрь женскихъ органовъ впускали большого жука мѣстной породы, замѣчательной огромными клешнями. Но то было полвѣка назадъ, а нѣмецкіе аристократы и бельгійскіе цивилизаторы только недавно прославились такими же точно подвигами въ Камерунѣ и Конго. Нечего ужъ и говорить о томъ, какъ «работали» бандиты Джавидъ-паша и Торгутъ-паша въ Албаніи: туркамъ простительно, они непросвѣщенные, итальянцы на ихъ примѣръ ссылаться не станутъ... ибо и кромѣ турокъ есть имъ на кого въ Европѣ сослаться.

Особенно трогательно извѣстіе, что сѣверо-американское общественное мнѣніе страшно негодуетъ на итальянцевъ. Есть даже слухъ, будто между Соединенными Штатами и Портой ведутся переговоры, въ результатѣ которыхъ американская эскадра ударитъ на итальянскую. Это трогательно. Янки — это, дѣйствительно, какъ разъ die rechte Instanz, чтобы судить о попранномъ правѣ. Кубу они забрали, очевидно, по праву, Филиппины проглотили тоже на основаніи права, а теперь находятъ, что итальянцы не имѣютъ права отнимать Триполи у бѣдныхъ туземцевъ. Бѣдные туземцы! Подумаешь, вся исторія Соединенныхъ Штатовъ не есть одинъ сплошной безжалостный грабежъ такихъ же туземцевъ — краснокожихъ...

Кстати, на этой исторіи любопытно остановиться. Я уже разъ писалъ объ отношеніи янки къ неграмъ; но негры, всетаки, не чета арабамъ Триполи, негры — не аборигены Америки, и не у нихъ отнята терри-

торія, на которой теперь хозяйничають янки. Стоитъ поразмыслить надъ тѣмъ, какъ отозвалось это вторженіе бѣлой расы на аборигенахъ Сѣверной Америки. Мы про нихъ знаемъ по Куперу и Майнъ-Риду, но есть и другіе литературные источники. Въ самой Америкѣ и на другихъ языкахъ есть цѣлая библіотека сочиненій, посвященныхъ тѣмъ мерзостямъ, что творила и продолжаетъ творить бѣлая раса надъ исконными хозяевами материка. Характерно и выразительно заглавіе одной изъ этихъ книгъ: «A Ceintury of Dishonour» («Позорное столѣтіе»). Рѣчь идетъ не о какомъ-нибудь стародавнемъ столѣтіи, рѣчь идетъ о XIX-мъ вѣкѣ, о вѣкѣ Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта, о вѣкѣ Эдгара Поэ, Бретъ-Гарта, Готорна, Марка Твэна, Бичеръ-Стоу, Эдиссона... «Позорное столѣтіе»!

Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ этого столѣтія. Въ 1869 г. коммиссія, учрежденная президентомъ Грантомъ, писала слѣдующее: «Исторія отношеній между нашимъ правительствомъ и индѣйцами есть позорный рядъ нарушенныхъ договоровъ и неисполненныхъ обѣщаній; исторія отношеній между индѣйцами и бѣлымъ пограничнымъ населеніемъ представляетъ собою, **какъ правило**, отвратительную цѣпь насилій, убійствъ, грабежей и неправды съ нашей стороны — и, **какъ исключеніе**, дикіе взрывы отпора со стороны краснокожихъ». Эта характеристика совершенно справедлива. Правительство Штатовъ издавна трактовало краснокожія племена, какъ особыя, почти независимыя націи, и вступало съ ними на бумагѣ въ формальные договоры; потомъ договоры нарушались, обѣщанія игнорировались, и воцарялось наглое, неприкрытое насиліе. Эта система примѣнялась до послѣднихъ десятилѣтій «по-

зорнаго столѣтія», и еще не доказано, что ее перестали примѣнять теперь. Еще въ 60-хъ годахъ было вычислено, что Штаты истратили на «индѣйскія войны», т. е. попросту на истребленіе краснокожихъ пятьсотъ милліоновъ долларовъ; въ то же самое время — съ 1776 по 1869 годъ — было заключено между правительствомъ и краснокожими 360 договоровъ, которые торжественно вносились въ книгу законовъ республики и никогда не соблюдались. По договору отводилась данному племени особая «резервація», правительство брало на себя обязанность доставлять краснокожимъ всѣ средства къ жизни, а зато индѣйцамъ было запрещено отлучаться изъ «резерваціи»; но правительственные агенты расхищали суммы, предназначавшіяся для краснокожихъ, кормили ихъ гнилью, а то и просто по мѣсяцамъ морили голодомъ. Въ результатѣ туземцы начинали волноваться — а тогда къ нимъ посылали усмирителей. И какихъ усмирителей! Коммиссія президента Гранта изображаетъ ихъ такими красками. Гдѣ-то бродячіе индѣйцы украли нѣсколько лошадей, подстрѣлили нѣсколькихъ бѣлыхъ и скрылись въ неизвѣстномъ направленіи. Былъ немедленно организованъ отрядъ — шайка изъ восьмисотъ «рудокоповъ, игроковъ и авантюристовъ»; во главѣ отряда поставили полковника Чивингтона — онъ же проповѣдникъ методистской церкви — и послали «усмирять». Отрядъ дошелъ до поселеній совершенно мирнаго племени Чейеннэ, съ которымъ всего нѣсколько дней назадъ агентъ Штатовъ, майоръ Уинкупъ, заключилъ договоръ о вѣчномъ союзѣ и мирѣ. Чейеннэ дружелюбно приняли бѣлое войско, тѣ тоже притворились друзьями, а потомъ окружили селеніе и вырѣзали 170 душъ, въ томъ числѣ женщинъ и

дѣтей. Трупы индѣйцевъ были скальпированы и притомъ изуродованы такъ мерзко, что коммисія, по англо-саксонской стыдливости, не рѣшилась точно описать. И такъ бывало сплошь и рядомъ, на каждомъ шагу. Племя Чейеннэ поплатилось за то, что бродяги, не принадлежавшіе къ этому племени, кого-то обокрали и убили. Случались и другіе поводы. Въ 1876 г. племя сѣверныхъ сіуксовъ получило по договору территорію въ Черныхъ Горахъ и поселилось тамъ. Вдругъ, на несчастье краснокожихъ, въ этой мѣстности оказалось золото — и сіуксовъ выгнали. Они возмутились, вождь ихъ, Ситингъ-Буль, нанесъ американскому генералу Кестеру тяжелое пораженіе при рѣкѣ Little Big Horn, но, понятно, въ концѣ концовъ, сіуксы были раздавлены и уничтожены... Одна изъ возмутительнѣйшихъ страницъ этой исторіи грабежа — эпизодъ съ племенемъ Чироки, обитавшимъ въ Георгіи, Сѣверной Каролинѣ и Теннеси. Племя это обладало прекрасной плодородной территоріей и стояло на высокомъ культурномъ уровнѣ. Разводили маисъ, табакъ, хлопокъ, пшеницу, производили разнаго рода ткани; было среди нихъ много ремесленниковъ, и вся торговля края была въ ихъ рукахъ. По всѣмъ главнымъ рѣкамъ области сновали ихъ торговыя лодки. Бѣлыхъ они съ самаго начала приняли очень дружелюбно, дали имъ всѣ права, кромѣ права занимать должности. Чироки приняли христіанство, изобрѣли шрифтъ для своего языка, стали учить своихъ дѣтей по-англійски. У нихъ было республиканское правленіе съ очень подробно разработанной конституціей. Въ ихъ столицѣ Echota была газета, и съ негритянскими своими рабами они обращались лучше бѣлыхъ рабовладѣльцевъ. Но ихъ земля слишкомъ понравилась бѣлымъ,

и въ Вашингтонъ посыпались требованія о выселеніи Чироки изъ родныхъ мѣстъ. Было это въ первой четверти «позорнаго столѣтія», республика была еще молода и, по молодости лѣтъ, сентиментальна; поэтому нашлось нѣсколько бѣлыхъ интеллигентовъ, которые вступились за Чироки, организовали петиціи въ ихъ защиту и т. д. Ничто не помогло. Въ 1835 г. ихъ подъ пушками заставили подписать договоръ о выселеніи. Они подписали, но не двинулись съ мѣста. Тогда опять было двинуто войско подъ предводительствомъ ген. Скотта... Теперь осколки племени Чироки прозябають гдѣ-то на краю свѣта, въ знаменитой «территоріи краснокожихъ», куда янки заперли аборигеновъ захваченной страны; но и въ этомъ застѣнкѣ они до сихъ поръ сохранили остатки своей когда-то цвѣтущей культуры. Одинъ изъ крупныхъ дѣятелей того времени сказалъ: «Никакіе лавры наши на поляхъ битвы не закроютъ этого грязнаго пятна на нашемъ гербѣ. Какими бы подвигами впослѣдствіи мы ни вздумали гордиться, намъ закроютъ уста однимъ напоминаніемъ: remember the Cherokee Nation (помни о племени Чироки)!». Но почтенный дѣятель ошибся: его соотечественники послѣ того много разъ еще затмили это черное дѣло другими черными дѣлами. Достаточно напомнить, что въ 60-хъ годахъ парламентъ территоріи Idaho назначилъ по 100 долларовъ за скальпъ «козла» (это означаетъ взрослаго индѣйца мужского пола), по 50 за женскій и по 10 за скальпъ ребенка моложе 10 лѣтъ. Въ 1862 г. губернаторъ Аризоны издалъ приказъ истребить всѣхъ мужчинъ племени апачей, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство. Около того же времени въ печати заинтересованныхъ штатовъ серьезно дебатировался вопросъ: не

развить ли среди краснокожихъ искусственно эпидемію оспы? Указывалось въ числѣ преимуществъ этой болѣзни на то, что бѣлые, въ виду прививки, невоспріимчивы къ ней, и, такимъ образомъ, можно будетъ извести всѣхъ краснокожихъ безъ опасенія заразить порядочныхъ людей. Впрочемъ, на этотъ экспериментъ не рѣшились и остались при старыхъ методахъ, развѣ съ легкими усовершенствованіями: напримѣръ, въ войнѣ съ племенемъ Семиноки пущены были въ ходъ со стороны бѣлыхъ кубинскія собаки-ищейки. Иногда, однако, примѣнялись и болѣе культурныя средства: колоссальныя территоріи, величиною съ доброе европейское королевство, «покупались» у краснокожихъ чуть не по гривеннику за квадратную версту. Это продѣлали, между прочимъ, съ племенемъ делаваровъ. Делавары ушли далеко на западъ, въ Канзасъ, обжились тамъ, обстроились, имѣли скотъ, достатокъ и школы. Началась война Сѣвера и Юга. Незлопамятные делавары стали на сторону Сѣвера — противъ рабовладѣльческихъ штатовъ — и поставили въ правительственныя войска нѣсколько сотъ волонтеровъ, которые съ честью и славой прослужили три года, защищая единство республики. А когда они вернулись домой, то застали свои гнѣзда разоренными — землю и скотъ забрали бѣлые, и въ Вашингтонѣ не хотѣли слушать никакихъ жалобъ. Такъ и пропали делавары безъ слѣда въ «территоріи краснокожихъ». Другое племя — Малая Черепаха въ штатѣ Ohio — одержавъ побѣду въ сраженіи при Сентъ-Клерѣ, гдѣ пали 600 бѣлыхъ солдатъ, набило всѣмъ шести ста павшимъ рты землею, не умѣя иначе выразить передъ Богомъ и людьми свой протестъ противъ земельной алчности бѣлаго грабителя... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Все

это съ успѣхомъ продолжалось, какъ я сказалъ, до послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка. Еще въ декабрѣ 1890 г., судя по отчету Bureau of Ethnology, основанному на оффиціальныхъ донесеніяхъ, американское войско, «оперируя» противъ другой вѣтви сіуксовъ, перестрѣляло 150 душъ женщинъ и дѣтей во время бѣгства...

Самое же удивительное то, что всѣ эти подвиги сходятъ съ рукъ, и никто про нихъ даже не вспоминаетъ. Попытайтесь попрекнуть янки — онъ даже спорить съ вами не станетъ. Онъ самъ все это знаетъ и признаетъ. Нѣкій американскій генералъ Крукъ сказалъ: «Хуже всего въ этихъ операціяхъ то, что приходится воевать противъ людей, на сторонѣ которыхъ право». Эта искренняя фраза не помѣшала генералу Круку «оперировать» противъ краснокожихъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Сентименты сентиментами, а дѣло дѣломъ. Янки, вмѣсто отвѣта на упрекъ, просто укажетъ вамъ на грандіозный расцвѣтъ своего отечества, на сорокаэтажные дома, на чудовищныя фабрики, на благосостояніе рабочаго люда, на кварталы, гдѣ находятъ убѣжище и заработокъ сотни тысячъ изгнанниковъ, отвергнутыхъ Европой, на свои прекрасныя школы и на Эдгара Поэ, и на Эдиссона, и на культурное фермерство Калифорніи, и на многое другое, и лаконически прибавитъ: если бы мы не забрали силой эту землю, на ней бы росъ понынѣ степной ковыль. И ему тоже вы ничего не можете возразить, потому что весь міръ такъ смотритъ на эти вопросы. Міръ считаетъ, что цивилизація все равно какъ деньги: non olet. Міръ считается съ результатами и не помнитъ и не желаетъ помнить о средствахъ. Если черезъ 30 лѣтъ въ Триполи будутъ же-

лѣзныя дороги, электричество и гигіеническія тюрьмы для одиночнаго заключенія согласно послѣднему слову итальянской карательной науки, то вся Европа признаетъ, что Италія совершила великую цивилизаторскую миссію, отвоевала для культуры клокъ земли, который въ рукахъ Турціи, вѣроятно, продолжалъ бы заростать чертополохомъ. И никто тогда не вспомнитъ ни того, что Италія улучила для своего налета такой неблагородный моментъ, когда бѣдные турки не имѣютъ еще броненосцевъ, — ни того, что она разстрѣливала арабовъ. Non olet! Что же и гдѣ же послѣ этого право или криво, при чемъ тутъ сочувствіе или несочувствіе, какъ тутъ можно быть «за» сихъ или «противъ» оныхъ, когда передъ нами просто великая всемірная волчья свалка, гдѣ нѣтъ правыхъ и нѣтъ виноватыхъ, а есть нагая борьба алчностей и насилій, мерзкая, безсовѣстная борьба, изъ которой однако родится все то, чѣмъ мы духовно живемъ и дышемъ и что зовемъ культурой...

Конечно, при этомъ всякій старается спасти аппарансы. Вотъ и итальянцы распускаютъ слухъ о томъ, что имъ нужна земля — некуда, молъ, дѣть своихъ эмигрантовъ. Но при этомъ они сами прекрасно знаютъ, что Триполи для такой цѣли не годится. Итальянская эмиграція, дѣйствительно огромная, состоитъ изъ двухъ элементовъ: изъ временныхъ и вѣчныхъ эмигрантовъ. Первые покидаютъ родину на время, чтобы заработать деньги и вернуться; для нихъ эмиграція — отхожій промыселъ. Вторые уѣзжаютъ навѣки; это настоящіе переселенцы. Первая категорія имѣетъ огромное экономическое и культурное значеніе для Италіи: эти «американцы», народъ трезвый и бережливый, ежегодно пересылаютъ на родину сотни

милліоновъ, и это, между прочимъ, одна изъ серьезныхъ причинъ нынѣшняго финансоваго благополучія Италіи. Съ другой стороны, «американцы» во время своихъ путешествій набираются ума-разума и, по возвращеніи, образуютъ самый культурный элементъ итальянской деревни. Почти всюду теперь во главѣ сельскихъ кассъ и потребительныхъ союзовъ стоятъ бывшіе «американцы». Совершенно ясно, что отъ всѣхъ этихъ преимуществъ Италія не захочетъ и не можетъ отказаться: недаромъ говорятъ, что въ ея вывозѣ главную роль теперь играетъ этотъ своеобразный одушевленный товаръ — рабочія руки. Этотъ товаръ можно сбывать только въ очень богатыхъ странахъ, какъ Соединенные Штаты, Аргентина, Бразилія; въ пустынномъ Триполи для этой категоріи эмигрантовъ нѣтъ и еще 50 лѣтъ не будетъ мѣста и заработка. Остается вторая категорія — переселенцы, уѣзжающіе навсегда. Конечно, было бы выгоднѣе для Италіи направлять эти массы въ свою собственную колонію, а не въ чужія страны. Но вѣдь это есть вопросъ о массовой земледѣльческой колонизаціи, т. е. вообще одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, какіе знаетъ соціальная политика. Эту проблему не только разрѣшить, но и поставить еще не удалось въ самой Италіи: Калабрія, Апулія, Сицилія изобилуютъ пустырями, откуда населеніе тысячами бѣжитъ въ Америку. Почему же удастся заселить пустыри Триполитаніи, гдѣ прежде всего нѣтъ воды? За 20 лѣтъ напряженной работы и грандіозныхъ затратъ Италія не поселитъ въ Триполи столько колонистовъ, сколько ихъ добровольно теперь за одинъ годъ осѣдаетъ по разнымъ угламъ южно-американскихъ llanos. И все это въ Италіи знаютъ очень хорошо, потому что много

писали, много думали объ этихъ вопросахъ. Но вѣдь нужно какъ-нибудь спасти аппарансы, вотъ и ссылаются на крайнюю нужду въ землѣ...

Откровенно говоря, я не знаю, къ чему такая щепетильность на этой прекрасной планетѣ. Зачѣмъ аппарансы? Гораздо проще указать на сосѣдей, на Англію, которая забрала Египетъ, Аденъ, Перимъ, Кипръ, на Францію, которая проглотила Алжиръ, Тунисъ и Марокко, на Австро-Венгрію, которая съѣла Боснію, и т. д. и т. д., — и отвѣтить итальянской поговоркой: — Così fan tutti. Всѣ такъ дѣлаютъ. Если мы будемъ только глядѣть, какъ другіе грабятъ, а сами не вмѣшаемся, то черезъ десять лѣтъ та же самая пресса будетъ насъ же называть дураками, державы перестанутъ съ нами считаться, сосѣди начнутъ повышать тонъ въ разговорахъ съ нами, и все жирное, что есть и что будетъ на свѣтѣ, попадетъ къ другимъ, а мы останемся съ пустыми руками; весь міръ будетъ насъ игнорировать, и ни одна собака не вспомнитъ о благородствѣ, которое мы проявили, не забравъ куска, что такъ плохо лежалъ. Благодаримъ покорно за такую перспективу. Не мы сочинили этотъ міръ, не наша обязанность его передѣлывать и не намъ отступать передъ тѣмъ, что уже сто разъ освятили своимъ авторитетомъ культурнѣйшія націи Европы. Триполи мы заберемъ, и баста. А общественное мнѣніе, пресса и прочіе носители этическихъ началъ? Они перебѣсятся, и еще придутъ насъ поздравить.

Лестно и весело жить въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

1911.

ПОЛЯКИ И ЕВРЕИ

Телеграмма гласитъ: «Ограниченія правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ приняты 11-ю голосами противъ 10-ти, причемъ поляки воздержались отъ участія въ баллотировкѣ». Въ думской комиссіи, разсматривающей законопроектъ о введеніи городового положенія въ Польшѣ, участвуютъ два польскихъ депутата: Грабскій и Монтвиллъ. Если бы эти двое голосовали за равноправіе евреевъ, оно прошло бы въ комиссіи большинствомъ 12 голосовъ противъ 11. Польскіе депутаты заранѣе подсчитали это соотношеніе — и отошли въ сторону, чтобы не мѣшать «москалямъ» въ расправѣ надъ польскимъ еврействомъ...

Въ Варшавѣ есть одинъ истинно-польскій «израэлитъ» д-ръ Нуссбаумъ. Еврейскіе ассимиляторы въ Польшѣ примыкаютъ, обыкновенно, или къ прогрессивно-демократической партіи, или къ соціалистамъ. Г. Нуссбаума эти партіи не удовлетворяютъ въ смыслѣ ихъ polskości: онъ предпочелъ имъ, съ мѣста въ карьеръ, народово-демократическій лагерь. На этомъ поприщѣ онъ теперь и подвизается. И вотъ недавно, когда въ «Рѣчи» появилась негодующая статья по поводу рѣшенія одной вліятельной польской органи-

заціи голосовать за ограниченіе еврейскихъ правъ въ мѣстномъ самоуправленіи, г. Нуссбаумъ выступилъ съ открытымъ письмомъ противъ «Рѣчи». Письмо это было построено на двухъ мотивахъ: во-первыхъ, не мѣшайтесь вы, москали, въ нашу внутреннюю борьбу; во-вторыхъ, если «Рѣчь» такъ твердо стоитъ за еврейскія права, то у нея достаточно хлопотъ по этому дѣлу въ остальной Россіи, и незачѣмъ искать ихъ въ Польшѣ.

О первомъ мотивѣ будетъ рѣчь дальше, а теперь о второмъ. Этотъ доводъ часто приходится слышать: — Отчего вы всѣ такъ сердиты на польскій антисемитизмъ и такъ молчаливо проходите мимо союзническаго и оффиціальнаго антисемитизма? Не потому ли, что поляки сами слабы, сами угнетены, и на нихъ легче сорвать досаду? — Было бы нетрудно отвѣтить на этотъ упрекъ отводомъ, доказавъ документально, что мои единомышленники не проходятъ молчаливо ни мимо союзническаго, ни мимо казеннаго антисемитизма. Но въ данномъ случаѣ гораздо лучше будетъ прямо поднять перчатку и сказать: да, это правда, мы считаемъ необходимымъ въ этотъ моментъ направить всѣ силы на борьбу именно съ польскимъ антисемитизмомъ, и на это есть у насъ большія и серьезныя принципіальныя причины.

Первая изъ нихъ та, что въ Польшѣ антисемитское движеніе носитъ особенный характеръ. Съ антисемитами въ остальной Россіи, какъ ни велика ихъ фактическая власть, нельзя считаться идейно. Можно протестовать, негодовать, изыскивать способы борьбы и отпора, но сражаться противъ этихъ элементовъ идейнымъ оружіемъ нѣтъ никакого смысла. — Совершенно другое дѣло въ Польшѣ. Тамъ активная юдофобія

идетъ изъ самой гущи мѣстнаго интеллигентнаго общества; крестовый походъ противъ жаргона ведется съ наибольшей горячностью именно «прогрессивными демократами»; во главѣ послѣдней антисемитской атаки становится извѣстный писатель Андрей Нѣмоевскій, непримиримый поборникъ и застрѣльщикъ польскаго свободомыслія; да и самъ Дмовскій далеко не реакціонеръ, и руководимое имъ коло во второй Думѣ горячо настаивало на своемъ правѣ числиться «лѣвѣе к.-д.». Тутъ есть съ кѣмъ спорить, не унижая себя.

Вторая причина та, что польскій антисемитизмъ (какъ и финнскій) для евреевъ оскорбительнѣе и, въ идейномъ смыслѣ, вреднѣе всякаго другого — именно потому, что субъектомъ его является нація, сама жалующаяся на угнетеніе. Поляки сами взываютъ къ справедливости, сами оперируютъ ею, какъ главнымъ своимъ моральнымъ орудіемъ, сами связываютъ свою эмансипацію съ ея торжествомъ. И если при этомъ они отказываютъ въ справедливости евреямъ, то вѣдь это значитъ провозгласить предъ цѣлымъ міромъ, что про евреевъ не только человѣческій, но и божескій законъ не писанъ. Евреи всюду угнетены хуже поляковъ, они тоже вѣрятъ въ конечное торжество правды, и, если не дано имъ стоять въ ряду счастливыхъ народовъ, они хотятъ, по крайней мѣрѣ, числиться въ категоріи тѣхъ, которые дожидаются тріумфа справедливости, записаны въ ея очередь, имѣютъ право на долю ея даровъ. Антисемитизмъ поляковъ вычеркиваетъ евреевъ и изъ этой категоріи, выталкиваетъ и изъ этой очереди, прокламируетъ новое, величайшее изъ ограниченій: что и справедливость не для нихъ!

Вотъ почему нельзя молчать. Можно, отчаявшись, стиснуть зубы и молча страдать подъ гнетомъ мини-

стерскихъ циркуляровъ и черносотенныхъ резнинъ, но пропустить безъ отпора — и позволю себѣ сказать, жестокаго отпора — это послѣднее надругательство, надругательство угнетеннаго, было бы со стороны евреевъ равносильно отреченію даже отъ права на будущее. На это они не пойдутъ, и отвѣтятъ полякамъ болью за боль.

На-дняхъ я прочелъ въ одной газетѣ утѣшительное сообщеніе, что, конечно, не весь польскій народъ юдофобствуетъ, а лишь извѣстная его часть и т. д. Ахъ, уважаемый коллега, вы, можетъ быть, и правы, но давно надоѣло это утѣшеніе, ибо грошъ ему цѣна. Евреевъ всегда увѣряютъ, что «лучшіе» за нихъ, и только «худшіе» противъ нихъ; но бѣда та, что «худшіе» всегда оказываются въ подавляющемъ большинствѣ. Что намъ до ихъ качества? Жить и считаться приходится не съ качествомъ, а съ количествомъ. Если бы и оказалось правдой, что въ Польшѣ есть какіе-то (пока еще не разысканные) общественные элементы, готовые заступиться за евреевъ, то что изъ того, когда они сами безсильны? Гдѣ вліяніе этихъ элементовъ, гдѣ ихъ мощь, отчего они такъ безслѣдно провалились на всѣхъ выборахъ, отчего никто во всей Польшѣ (кромѣ евреевъ) даже не выдвинулъ ихъ кандидатуръ? Или прикажете утѣшиться тѣмъ, что «пролетаріатъ за насъ», онъ «не допуститъ»? Да, ради Бога, перестанемъ разъ навсегда втирать очки другъ другу обѣщаніемъ пролетарской подмоги. Сила пролетаріата въ далекомъ будущемъ; покамѣстъ онъ еще самъ себѣ помочь не въ состояніи, не то что рѣшать запутаннѣйшія проблемы исторіи...

Выбросимъ, наконецъ, за окно этотъ старый хламъ платоническихъ утѣшеній и взглянемъ правдѣ въ глаза.

Когда говорятъ, что «цѣлый народъ» охваченъ такимъ-то настроенiемъ, это не значитъ, конечно, что нѣтъ исключенiй: это значитъ, что настроенiемъ захвачены руководящiе, влiятельные круги, и только съ ними и можно считаться, ибо они въ данную минуту представляютъ народъ, «политическую нацiю». Это мы теперь и видимъ въ Польшѣ.

Было бы несправедливостью зачислить кого-либо изъ моихъ единомышленниковъ въ вульгарные полонофобы; въ особенности протестовалъ бы противъ такой аттестацiи пишущiй эти строки. Смѣю назвать себя горячимъ поклонникомъ польскаго народнаго характера, польской культурности, польской литературы; сознаю и уважаю высокiй трагизмъ польской исторiи, роль «Винкельрида среди нацiй», сыгранную Польшей въ эпоху великой французской революцiи. Больше скажу: мы всецѣло понимаемъ и болѣзненную для поляковъ сторону теперешней польско-еврейской вражды. Ясно помню то впечатлѣнiе тяжелаго удара, какое произвелъ на виленскихъ поляковъ исходъ тамошнихъ выборовъ въ первую Думу. У нихъ были исторически-культурныя притязанiя на старую Вильну, они считали ее въ сферѣ своего влiянiя, они видѣли въ ней арену своего соперничества съ русской культурой — и вдругъ оказалось, что городъ численно въ рукахъ не у поляковъ и не у русскихъ, а у третьей группы, и депутатомъ отъ Вильны прошелъ Шмарья Хаимовичъ Левинъ, членъ сiонистскаго комитета и проповѣдникъ мѣстной синагоги Тагарасъ-Койдешъ. Помню, какъ глубоко огорчены были тогда виленскiе поляки, и, не сочувствуя, понимаю это разочарованiе. Тѣмъ болѣе понятно то, что происходитъ теперь въ Польшѣ. Это уже не борьба за Литву, гдѣ поляки, въ концѣ кон-

цовъ, даже въ Гродненской губерніи составляютъ всего 10 проц. населенія. Польское общество ошеломлено появленіемъ новой силы внутри самой Польши. Евреи составляютъ до 15 проц. населенія Ц. Польскаго; при этомъ, такъ какъ они сосредоточены главнымъ образомъ въ городахъ, ихъ отношеніе къ городскому населенію колеблется между 20% и 85%, а въ среднемъ недалеко отъ 40 проц. При этомъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ городовъ они составляютъ абсолютное, въ другихъ (даже въ Лодзи) относительное большинство. Имъ принадлежитъ до 40% городской земельной собственности. Это все не со вчерашняго дня, приблизительно то же отношеніе было и въ 1857 г., но прежде какъ-то не принято было въ Польшѣ считаться съ еврействомъ, какъ съ политическимъ факторомъ. Принималось за достовѣрное, что евреи только временно евреи и сами ни о чемъ другомъ не мечтаютъ, какъ только о превращеніи въ поляковъ. Тонкій слой ассимиляторовъ, единственный посредникъ между польскимъ обществомъ и еврейской массой, поддерживалъ въ полякахъ эту увѣренность. Но мало-по-малу эта картина рѣзко измѣнилась. Оказалось, что ассимиляторы давно совершенно отрѣзаны отъ еврейской массы, и вліяніе на нее перешло къ элементамъ, выдвинувшимъ лозунгъ самостоятельной еврейской политики. Передъ глазами польскаго общества возникъ цѣлый рядъ симптомовъ этого новаго настроенія. Прежде всего — варшавская жаргонная пресса, общій тиражъ которой побѣдоносно соперничаетъ съ тиражемъ польской. Поляки увидѣли въ этомъ, и совершенно справедливо, первый шагъ къ культурному самоудовлетворенію помимо польскихъ источниковъ. Многому научили поляковъ и выборы въ Госуд. Думу: они уви-

дѣли, что еврейское населеніе (даже ассимиляторы), не подчиняясь настроеніямъ, господствующимъ въ польской средѣ, намѣчаетъ для себя собственные политическіе пути. Собственно исходнымъ пунктомъ теперешняго антагонизма надо считать выборы въ первую Думу. Черезъ годъ послѣ того состоялись парламентскіе выборы въ Галиціи, обнаружившіе, на фонѣ всеобщаго голосованія, ту же тенденцію, но съ еще большей яркостью: 30 тысячъ еврейскихъ голосовъ были поданы за еврейскихъ націоналистовъ. Это произвело впечатлѣніе и въ Царствѣ Польскомъ. И вотъ, сначала Дмовскій, а за нимъ теперь Нѣмоевскій вынуждены были заявить ассимиляторамъ: вы оказались банкротами, миѳъ о «полякахъ моисеева закона» такъ и остался миѳомъ, привести къ намъ еврейскую массу вы не въ состояніи, и эта масса недвусмысленно провозглашаетъ нѣчто для насъ неожиданное и неслыханное: будто въ Польшѣ отнынѣ двѣ націи!

Повторяю, намъ вполнѣ понятно, какъ тяжело на первыхъ порахъ такое открытіе, особенно потому, что горечь въ данномъ случаѣ осложняется болѣзненной національной чувствительностью поляковъ. Но, въ сущности и въ корнѣ своемъ, это — лишь варіація того чувства, которое овладѣло европейскимъ феодаломъ, когда онъ увидѣлъ, что на сцену выступилъ новый соискатель власти — буржуазія. Это чувство вообще свойственно всѣмъ власть имущимъ или на нее претендующимъ, когда неожиданно является новый претендентъ. Это чувство само по себѣ не лишено красоты и трагизма, и можно очень красиво описать, какъ это больно и горько, когда въ старое заповѣдное дворянское гнѣздо, въ вишневый садъ, вторгается чумазый разночинецъ. Но когда изъ поэзіи это чувство пере-

носится въ политику, получается просто гадость. Больно было и нѣмцамъ Австріи видѣть, какъ въ имперіи, созданной ихъ руками, рушится единовластіе нѣмецкой культуры, такой возвышенной, такой богатой, и на ея мѣстѣ водружается мужицкая чешская рѣчь. И самимъ полякамъ не впервой переживать разочарованія этого рода. Полвѣка тому назадъ польскіе политики въ Галиціи еще увѣряли, что русинъ въ дѣйствительности не существуетъ, а ихъ просто изобрѣлъ намѣстникъ графъ Стадіонъ въ пику полякамъ; и, дѣйствительно, для многихъ поляковъ тогда притязаніе русинъ на самостоятельное національное значеніе было неожиданностью. Но съ такими неожиданностями и разочарованіями приходится рано или поздно примириться, какъ примиряются, въ концѣ концовъ, чиновники съ необходимостью народнаго представительства, аристократы съ неизбѣжностью всеобщаго избирательнаго права. Только это — если стоять на почвѣ политической порядочности — только это и остается полякамъ: примириться. Противъ факта ничего нельзя подѣлать: да, въ Польшѣ двѣ націи, и города Польши, т. е. очаги и вмѣстилища мѣстной культуры, принадлежатъ обѣимъ націямъ поровну. Одни будутъ этимъ огорчены, зато другіе обрадованы: однимъ покажется, что это новый чумазый лѣзетъ въ вишневый садъ, зато другіе увидятъ въ этомъ торжество принциповъ демократіи, равноцѣнности человѣческихъ породъ. Каждый ощущаетъ по своему, но дѣло не въ чувствахъ, а въ фактѣ. Польша есть страна поляковъ и евреевъ. Это фактъ, и фактомъ останется.

Ничего нельзя имѣть противъ того, что польскіе націоналисты скорбятъ по поводу этого факта. Скорбь

естественна, и можно было бы надѣяться, что, перестроивъ отношенія сожительства на новыхъ началахъ, народности нашли бы сносный modus vivendi. Но совершенно другимъ должно быть наше отношеніе къ тому бунту противъ факта, который теперь съ разныхъ сторонъ поднятъ въ Польшѣ, и особенно къ той неразборчивости въ средствахъ, какая при этомъ проявляется. Во время выборовъ печатались летучіе листки: «Rodacy! Если отъ Варшавы пройдетъ еврей, поклянемся ничего не покупать у евреевъ!» Отъ Варшавы прошли юдофобы, но тѣмъ не менѣе проповѣдь экономическаго бойкота евреевъ безчинствуетъ по всему краю, разоряя сотни еврейскихъ семействъ. Г. Нѣмоевскій идетъ дальше и прямо грозитъ погромомъ. Народовые демократы идутъ еще дальше. Погромъ — это, всетаки, самопомощь, — а польское коло, отбросивъ церемоніи, зоветъ на помощь самого москаля, въ лицѣ реакціоннаго большинства Гос. Думы. Одна надежда на васъ, отцы родные, октябристы и союзники, поддержите да не выдайте: не давайте евреямъ избирательнаго равноправія въ польскихъ городахъ. Помогите, братья-славяне Бобринскій и Пуришкевичъ, согнуть польскаго еврея тоже въ бараній рогъ...

Это уже не чувство, которое можно уважать: это уже борьба, борьба, не стѣсняющаяся скверныхъ средствъ, борьба съ помощью угрозъ, подвоховъ и подножекъ. И евреевъ эта борьба ставитъ предъ необходимостью перенести вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ на другую почву и показать, что они еще тоже не сгнили.

Г. Нуссбаумъ находитъ, что «Рѣчь» не смѣетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши. Мнѣніе это очень характерно для той психологіи, яркимъ образ-

цомъ которой является этотъ распространенный въ Польшѣ типъ вѣрнаго панскаго Мошки, готоваго ко всяческимъ услугамъ. Во весь ростъ обрисовалъ его когда-то Шевченко, четырьмя строчками:

Передъ паномъ Хвёдоромъ
Ходыть Мошко ходоромъ —
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Хведиркомъ...

Повторяю, для психолога это выступленіе вѣрнаго Мошки — кладъ. Но политически предъявленный имъ отводъ — нелѣпость. Теперь всюду признано, что судьба національныхъ меньшинствъ не можетъ быть всецѣло предоставлена произволу мѣстнаго большинства: права меньшинства должны гарантироваться и охраняться самимъ государствомъ, и если государство еще не доросло до этой высоты, то долгъ охраны меньшинствъ падаетъ на всероссійское общественное мнѣніе. Въ эпоху второй Думы, когда коло внесло законопроектъ объ автономіи края, гдѣ ничего не говорилось о всеобщемъ избирательномъ правѣ, прогрессисты въ Варшавѣ, помню, печатно настаивали, чтобы Дума сама вставила принципъ всеобщаго голосованія, ибо-де на польскій сеймъ нельзя положиться — тамъ будутъ верховодить народовцы, а они способны на всякіе сюрпризы въ этомъ отношеніи. Т. е., иными словами, тогда прогрессисты звали москаля на помощь противъ народовцевъ. Теперь народовцы зовутъ москаля на помощь противъ евреевъ. Словомъ, польскія партіи сами далеко не такъ щепетильны по части «чужого вмѣшательства» и, когда имъ это выгодно, апеллируютъ въ Петербургъ — не только къ общественному

мнѣнію, но и къ властямъ предержащимъ. Остается и евреямъ апеллировать — конечно, не къ властямъ, а къ другой силѣ, съ которой полякамъ слѣдуетъ очень и очень серьезно считаться: къ передовому общественному мнѣнію Россіи и Европы.

Я выше употребилъ слово «жестокій отпоръ». Здѣсь его надо повторить и подчеркнуть. Конечно, я далекъ — очень далекъ! — отъ переоцѣнки еврейскихъ силъ. Но зато въ Польшѣ, кажется, никогда не отучатся отъ опасной привычки переоцѣнивать польскія силы. Полвѣка тому назадъ австрійскій писатель Фишгофъ далъ польскимъ политикамъ краткую характеристику, которая, кажется, недалека отъ истины: «Это — величайшіе сангвиники Европы; имъ всегда кажется, что и Европа, и они сами вотъ-вотъ наканунѣ великихъ событій». Это, повидимому, у нѣкоторыхъ неизлѣчимо. Вотъ и теперь г. Дмовскій печатно заявилъ, что нечего обращать вниманіе на голоса русской передовой печати. Г-ну Дмовскому, очевидно, кажется, что онъ уже «наканунѣ», и что можно уже плюнуть въ колодезь. Это большая ошибка, и какъ бы не пришлось горько за нее каяться. Русская Польша далеко еще не «наканунѣ» своего свѣтлаго дня, и не будетъ ей свѣтлаго дня, пока не разсвѣтетъ одновременно и равномѣрно надъ всей Россіей, пока не останется побѣда за тѣми, въ чей колодезь совѣтуетъ плевать г. Дмовскій. Ой, не торопитесь, панове, не плюйте въ колодцы, ни въ россійскіе, ни въ европейскіе! Еще тысячу разъ вы испытаете на собственныхъ горемычныхъ плечахъ, что *единственная* ваша поддержка и опора — въ общественномъ мнѣніи, что только оно, въ концѣ концовъ, способно принести вамъ лучшіе дни, и что лучше вамъ перенести еще три разгрома, чѣмъ по-

терять *эту* позицію — этотъ ореолъ благороднаго мученичества въ глазахъ передового міра. Ибо, если ее потеряете — потеряете высшее и важнѣйшее: надежду!

На эту почву отнынѣ переносится вопросъ о польско-еврейскихъ отношеніяхъ. Ужъ не взаправду ли повѣрили польскіе лидеры, что ихъ дѣло въ шляпѣ, что Польшѣ отнынѣ безразличенъ голосъ общественнаго мнѣнія? Или не стоитъ на очереди въ Познани экспропріація польскихъ земель, въ Россіи выдѣленіе Холмщины? Или въ самомъ дѣлѣ въ Варшавѣ хотятъ добиться, чтобы какъ разъ въ этотъ моментъ польское имя стало притчей во языцѣхъ, синонимомъ насильничества, нетерпимости и гнета, и чтобы тысячеголосое эхо, въ отвѣтъ на стоны изъ Познани и Холма, грянуло: Подѣломъ?

Выше я оговорился, что апелляція со стороны евреевъ мыслима только по адресу общественнаго мнѣнія, а не по адресу властей передержащихъ. Это, при теперешней конъюнктурѣ, ясно само собою. Но, если не измѣнится нынѣшній курсъ польскаго общества, кто знаетъ, чѣмъ еще это все можетъ кончиться. Конечно, смѣшно было бы давать польскому еврейству издали какіе-нибудь совѣты и еще смѣшнѣе брать на себя, сидя вдали, неприсвоенную роль истолкователя его намѣреній. Но, наблюдая со стороны, нельзя не видѣть, что польскіе шовинисты ведутъ опасную игру, создавая себѣ въ краѣ такого вліятельнаго врага, ставя половину городского населенія Польши, населенія исконнаго, умнаго, энергичнаго, предпріимчиваго, экономически вліятельнаго — въ безвыходное положеніе, когда неоткуда ждать помощи, кромѣ какъ извнѣ. Русскій націонализмъ не всегда будетъ олицетворяться черною сотней, съ ея грубыми

топорными пріемами порабощенія. Еще можетъ народиться новое поколѣніе русскихъ политиковъ, болѣе тонкое и хитрое, вооруженное не кулакомъ, а смекалкой и расчетомъ, и люди этого поколѣнія могутъ еще обратить серьезное вниманіе на то, что въ Польшѣ есть полтора милліона обиженныхъ и раздраженныхъ людей, на которыхъ, при умѣломъ использованіи, можно опереться въ интересахъ государственной централизаціи. Такъ давно дѣйствуютъ мадьяры съ евреями Трансильваніи — да и въ Польшѣ многіе, хотя больше молчаливо, уже предвидятъ возможность такой комбинаціи. Подумываютъ о ней, какъ видно изъ послѣднихъ фактовъ, уже и нѣкоторые думскіе руссификаторы. Я лично хочу надѣяться, что польское еврейство, если даже представится искушеніе, на такую комбинацію не пойдетъ. Но слаба человѣческая натура предъ искушеніемъ, и разумнѣе, гораздо разумнѣе поступаетъ тотъ, кто не провоцируетъ отпора и не создаетъ себѣ враговъ подъ бокомъ и въ собственномъ домѣ.

Хорошее дѣло — миръ между народами, и слѣдовало бы публицистамъ проповѣдывать миръ, а не борьбу. Но это хорошо до тѣхъ поръ, пока нѣтъ на сценѣ явнаго желанія сѣсть ближнему верхомъ на шею. Мода возить сосѣда на своей шеѣ, глотать затрещины, ходить ходоромъ передъ паномъ Хведоромъ — тоже прошла. Сѣющіе вѣтеръ пожнутъ бурю.

1910.

КУРІИ

Законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, очевидно, пройдетъ, и намъ, безпомощнымъ зрителямъ, остается только одно: констатировать факты и подсчитывать разбитую посуду. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ подсчетъ надо сдѣлать возможно аккуратнѣе. Если не можемъ ничего исправить, будемъ хоть знать, въ чемъ характерныя особенности создающагося положенія и какъ ихъ слѣдуетъ оцѣнить. Кто знаетъ, авось когда-нибудь это пригодится.

Законопроектъ о городскомъ самоуправленіи для Польши въ общемъ либеральнѣе того городового положенія, подъ которымъ кряхтитъ нынѣ остальная муниципальная Россія; достаточно указать, что квартиронаниматели будутъ тоже допущены къ выборамъ. Административный надзоръ, правда, доведенъ до чрезмѣрности, но вѣдь и въ остальной Россіи онъ окружаетъ и пропитываетъ всю муниципальную сферу. Въ общемъ можно было бы считать этотъ законопроектъ, на нашъ теперешній скромный аршинъ, нѣкоторымъ шагомъ впередъ, если бы не его сложныя ухищренія въ области національнаго вопроса. Какъ извѣстно, по законопроекту избиратели раздѣляются на три куріи:

русскую, еврейскую и «всѣхъ остальныхъ», т. е. польскую. Еврейская курія избираетъ одну десятую часть гласныхъ, а въ городахъ, гдѣ еврейское населеніе въ большинствѣ, одну пятую; остальное число гласныхъ распредѣляется между русской и польской куріями пропорціонально, причемъ, однако, русская курія имѣетъ право, по крайней мѣрѣ, на одного гласнаго, если только въ ея составѣ наберется хоть пять душъ избирателей. Такимъ образомъ, городъ, гдѣ имѣется, допустимъ, 40 тысячъ евреевъ, 10 тысячъ поляковъ и пять русскихъ чиновничьихъ семействъ, получитъ думу такого состава: 1 русскій гласный, 14 евреевъ и 55 поляковъ. Городъ же, гдѣ имѣется, допустимъ, 25 тысячъ евреевъ, 25 тысячъ поляковъ и тысяча русскихъ, получитъ такую думу: 2 или 3 русскихъ гласныхъ, 60 или 61 полякъ и всего 7 евреевъ. Эти махинаціи и составляютъ отрицательную особенность законопроекта. Если бы то же самое ввели въ остальной Россіи, оно бы не вызвало особенныхъ протестовъ даже со стороны евреевъ. Здѣсь евреи теперь совершенно отстранены отъ муниципальныхъ выборовъ, такъ что и такое процентное допущеніе было бы шагомъ впередъ. Въ Польшѣ это — шагъ назадъ, потому что тамъ до сихъ поръ не дѣйствовали еврейскія ограниченія. Создается прецедентъ, сразу низводящій евреевъ и тамъ до ранга низшихъ, безправныхъ гражданъ. Съ другой стороны, искусственно усиливается вліяніе русскаго меньшинства — элемента пришлаго, чиновничьяго, чуждаго и часто враждебнаго краю.

Все это вызываетъ естественный отпоръ со стороны прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. И совершенно справедливо. Но у насъ, къ сожалѣнію, принято выражаться неточно, и потому всякій, кто хо-

четъ однимъ словомъ охватить непріятныя стороны этого законопроекта, говоритъ: вводятся національныя куріи. Выходитъ, будто все зло въ самомъ принципѣ національныхъ курій. Такъ ли это на дѣлѣ — еще вопросъ, который стоитъ внимательно обсудить.

Авторъ этихъ строкъ тоже не сторонникъ и не поклонникъ національныхъ курій; почему — о томъ будетъ сказано въ концѣ. Но, чтобы судить о преимуществахъ и недостаткахъ этого института, надо взять его самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ, отбросивъ на минуту тѣ несправедливыя и неблаговидныя цѣли, для которыхъ онъ пущенъ въ ходъ въ Россіи. Въ чистомъ видѣ система національныхъ курій есть одинъ изъ способовъ обезпечить меньшинству пропорціональное представительство. Въ Россіи эту систему использовали для того, чтобы создать непропорціональное представительство. Это очень нехорошо, но вѣдь виноватъ въ этомъ не самый принципъ національныхъ курій, — виновато извращеніе принципа. Чтобы судить о самой системѣ, надо отвлечься отъ этихъ извращеній и не переносить ихъ одіумъ на самый принципъ. Чтобы судить о принципѣ, надо взять его тамъ, гдѣ онъ проведенъ въ чистомъ видѣ, т. е., гдѣ каждая курія получаетъ столько мандатовъ, сколько ей слѣдуетъ по справедливости.

Первый такой опытъ сдѣланъ былъ въ австрійской провинціи Моравіи въ 1905 году и явился результатомъ соглашенія обѣихъ мѣстныхъ народностей — чеховъ и нѣмцевъ. Первые составляютъ 75 проц. населенія края, а вторые — 25. По вычисленіямъ Held'a, 90 процентовъ общинъ Моравіи имѣютъ однородный составъ населенія (чисто чешскій или чисто нѣмец-

кій) и только въ 10% общинъ населеніе перемѣшано; но зато часто въ одинъ и тотъ же избирательный округъ входятъ разнородныя общины; кромѣ того, во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ населеніе сильно смѣшано, причемъ большинство въ нихъ—нѣмцы. Все это вело съ давнихъ временъ къ національнымъ треніямъ на выборахъ. Нѣмцы старались провести нѣмца, чехи — чеха. Избиратели смотрѣли сквозь пальцы на политическія качества кандидата, лишь бы провести «своего». Каждая избирательная кампанія, безразлично, были ли то выборы въ областной сеймъ или въ рейхсратъ, наполняла атмосферу чадомъ націоналистическихъ страстей. Еще съ 1896 г. начались переговоры о томъ, какъ бы полюбовно размежеваться, обезпечить за каждой народностью разъ навсегда причитающееся ей число мандатовъ, чтобы прекратилась національная грызня на выборахъ. Въ 1905 г. реформа была принята, сначала только для сеймовыхъ выборовъ. Въ каждомъ округѣ отдѣльно избираютъ чехи и отдѣльно нѣмцы. Избиратели вносятся въ отдѣльные списки, причемъ каждый вправѣ требовать, если произошла ошибка, чтобы его вычеркнули изъ чужого національнаго списка и перенесли въ списокъ той народности, къ которой онъ самъ себя причисляетъ. Число мандатовъ распредѣлено между обѣими куріями разъ навсегда по соглашенію обѣихъ сторонъ, такъ что справедливое представительство обезпечено. Теперь нѣмцы не должны при каждыхъ выборахъ бояться, что въ сеймѣ окажется однимъ нѣмцемъ меньше, и чехамъ не приходится дрожать за каждый свой мандатъ отъ смѣшаннаго округа. Всѣ избиратели знаютъ, что получатъ свое; поэтому они могутъ, наконецъ, болѣе спокойно и трезво оцѣнивать своихъ

кандидатовъ съ точки зрѣнія дѣловой и нравственной. Въ 1906 г. та же система проведена была въ Моравіи и для выборовъ въ рейхсратъ. У насъ часто говорятъ, что національныя куріи только раздуваютъ националистическія страсти. Да: такія куріи, какія выдумалъ Столыпинъ. Но вотъ, что пишутъ люди, знакомые съ положеніемъ вещей, о результатахъ національныхъ курій въ Моравіи. Членъ моравскаго сейма Альфредъ Фишель, въ статьѣ, написанной для русскаго изданія «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ», говоритъ о куріяхъ: «Нововведеніе, которое не только сыграло большую службу въ дѣлѣ установленія національнаго мира въ Моравіи, но и обѣщаетъ послужить поучительнымъ примѣромъ для другихъ провинцій»... «Въ общемъ, въ Моравіи все же создана основа для мирнаго сожительства обѣихъ національностей». А. фонъ-Скене («Der nationale Ausgleich in Mähren», 1910) констатируетъ: «Введеніе отдѣльныхъ избирательныхъ списковъ по національностямъ навсегда устранило прежнюю жестокую національную борьбу чеховъ и нѣмцевъ на выборахъ въ представительныя учрежденія». Заслуга не малая.

Въ 1909 году была введена та же система для сеймовыхъ выборовъ въ Буковинѣ, а затѣмъ въ Босніи-Герцеговинѣ. Любопытно при этомъ, что Буковина съ ея пятью народностями (41 проц. русинъ, 31,6 проц. румынъ, 13,3 проц. евреевъ, 9 проц. нѣмцевъ и 3,7 проц. поляковъ) была всегда самой спокойной и мирной изъ областей Австріи въ національномъ отношеніи; такимъ образомъ, сеймъ, вводя — съ согласія всѣхъ фракцій — реформу избирательнаго права съ националь-

ными куріями, руководствовался исключительно желаніемъ обезпечить миръ и на будущія времена.

Это все заставляетъ предположить, что самъ по себѣ принципъ національныхъ курій, если его не извращать и не употреблять во зло, далеко еще не такъ ужасенъ. Россійскія передовыя партіи тоже не всегда такъ рѣзко отрицательно высказывались объ этомъ принципѣ. Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла подъ редакціей В. М. Гессена брошюра «Автономія, федерація и національный вопросъ»; тамъ сказано: «Вполнѣ справедливое представительство могутъ создать только пропорціональные выборы... При пропорціональной системѣ каждая національность выбираетъ **отдѣльно** отъ другихъ, по своему списку» (стр. 33). Авторъ ошибся: подъ техническимъ терминомъ «пропорціональной системы» понимается нѣчто другое; то, о чемъ онъ говоритъ, носитъ названіе національныхъ курій или (въ Австріи) національнаго кадастра; и къ этой то системѣ «выборовъ по отдѣльному списку» авторъ и кадетскій редакторъ относились, повидимому, вполнѣ благожелательно. Заграницей же къ національнымъ куріямъ совершенно благосклонно относятся и политики «лѣвѣе к.-д.». Шпрингеръ въ своей книгѣ «Grundlagen und Entwicklungsziele der öst.-ung. Monarchie», предлагая реформу управленія, настаиваетъ на слѣдующемъ: «Уставъ объ округахъ долженъ ввести обязательную національную метрикацію и выборы по національнымъ избирательнымъ корпусамъ во всѣхъ смѣшанныхъ общинахъ, участкахъ и округахъ» (стр. 242). А Рудольфъ Шпрингеръ, иначе Карлъ Реннеръ, — видный соціалъ-демократъ.

Почтенный М. М. Ковалевскій помѣстилъ въ мар-

товской книжкѣ «Вѣстника Европы» (1911) статью, гдѣ настаивалъ, что все это, можетъ быть, хорошо для законодательныхъ корпусовъ, какъ рейхсратъ или сеймы, но не годится для органовъ мѣстнаго самоуправленія. Во-первыхъ, можно еще поспорить о томъ, дѣйствительно ли сеймы австрійскихъ провинцій, по объему своихъ функцій, заслуживаютъ въ серьезъ титула законодательныхъ корпусовъ. Можетъ быть, правильнѣе было бы сказать, что «автономія» австрійскихъ земель больше похожа на простое самоуправленіе, только облеченное въ громкія слова; по крайней мѣрѣ, всѣ австрійскіе автономисты на это жалуются. Но дѣло не въ томъ. Гораздо важнѣе выяснить, дѣйствительно ли мѣстное самоуправленіе не нуждается въ такой системѣ, которая обезпечивала бы національностямъ справедливое представительство въ земскихъ или городскихъ органахъ и въ то же время устраняла бы національную борьбу на выборахъ. Утверждать, что въ такой системѣ нѣтъ надобности, можно было бы только тогда, если бы доказать, что въ мѣстномъ самоуправленіи националистическіе моменты не могутъ играть никакой роли. М. М. Ковалевскій и пытался это доказать въ одной изъ своихъ рѣчей въ Гос. Совѣтѣ, но это и было слабѣйшимъ мѣстомъ въ его сильной и убѣдительной рѣчи. Напротивъ, именно дѣла мѣстнаго хозяйства и представляютъ главный объектъ національной борьбы. Это — важнѣйшая изъ тѣхъ костей, за которыя грызутся иноплеменные сосѣдъ съ сосѣдомъ. Прежде всего, вѣдѣнію мѣстныхъ органовъ подлежатъ просвѣтительныя учрежденія, т. е. именно то, чѣмъ каждая народность особенно дорожитъ. Но и въ дѣлахъ чисто хозяйственныхъ каждая народность стремится урвать побольше выгодъ

для себя и взвалить невыгоды на инородца. Странно даже спорить объ этомъ, настолько это общеизвѣстно. Итальянцы южнаго Тироля давно жалуются, что нѣмецкое большинство сейма при распредѣленіи субсидій на сельско-хозяйственныя цѣли отдаетъ львиную долю нѣмецкимъ округамъ, а итальянскимъ перепадаютъ крохи. Ужъ на что нейтральное дѣло — борьба противъ наводненій, а и тутъ проявляется предпочтеніе: берега рѣки Эчъ, разливы которой особенно тяжело сказывались въ южномъ (итальянскомъ) Тиролѣ, начали укрѣплять съ верхняго теченія, проходящаго по нѣмецкимъ округамъ, хотя тамъ наводненія случались гораздо рѣже, и итальянцамъ долго пришлось ждать своей очереди. Справедливость этихъ жалобъ признаютъ и нѣмцы (см., напр., брошюру Austriacus'а «Res Tridentinae»). А развѣ чешско-нѣмецкая борьба не ведется главнымъ образомъ на почвѣ хозяйственнаго вытѣсненія? Развѣ не ярко-хозяйственный характеръ носитъ борьба поляковъ за свое національное существованіе въ Познани? И можно ли отрицать, что въ этой борьбѣ громадный перевѣсъ получаетъ та сторона, которой удается захватить въ свои руки городскую ратушу? Наконецъ, если недостаточно очевидности и нуженъ ученый авторитетъ, то можно сослаться на того же Реннера-Шпрингера. Года три тому назадъ онъ напечаталъ въ «Kampf», органѣ австрійскихъ с.-д., статью о національныхъ общинахъ, гдѣ высказываетъ буквально слѣдующее: «Болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, вертится здѣсь (въ общинномъ хозяйствѣ) національная борьба вокругъ спора о «моемъ» и «твоемъ». Школы, больницы, учрежденія общественнаго призрѣнія, часто стотысячныя имущества — все это избирательный бюллетень мо-

жетъ отдать въ руки или одной или другой народности». Оттого Шпрингеръ, какъ выше указано, рекомендуетъ проводить въ смѣшанныхъ общинахъ и округахъ систему національныхъ курій.

Намъ, россіянамъ, нечего далеко ходить за примѣрами националистической борьбы вокругъ городского хозяйства. Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ шовинистическіе элементы русскаго населенія Одессы стараются — не безъ успѣха — разорить и вытѣснить изъ экономическихъ позицій еврейское населеніе, и кто же не знаетъ, какую силу имъ въ этомъ отношеніи придаетъ ихъ господство въ городской думѣ. Но даже Одесса блѣднѣетъ предъ тѣмъ, что на этой почвѣ происходитъ въ Польшѣ. Вся борьба двухъ націй, которымъ принадлежитъ край, ведется здѣсь на экономической почвѣ. Бойкотъ еврейской торговли и еврейскаго ремесла — вытѣсненіе еврейскихъ промышленниковъ — это главные, даже единственные лозунги всего польскаго экономическаго движенія. На дипломатическомъ языкѣ это называется spolszczenie mieszczaństwa, т. е. «созданіе польской буржуазіи»; но ксендзы въ проповѣдяхъ и газетчики въ статьяхъ переводятъ это проще: «не покупайте ничего у евреевъ». Совершенно понятно, какое значеніе при этомъ пріобрѣтаетъ для каждой изъ борющихся народностей та или иная доля власти въ городской думѣ. Деп. Грабскій еще въ прошломъ году откровенно объяснилъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ варшавской газеты «Słowo», для чего ему и его единомышленникамъ такъ необходимо преобладаніе въ городскихъ думахъ: главное дѣло — созиданіе польской буржуазіи, а потому надо всѣми силами поддерживать каждую новую польскую фирму (иными словами, не давать заказовъ еврейскимъ фир-

мамъ); кромѣ того, надо стремиться къ тому, чтобы евреи, не желающіе ассимилироваться, получали за это упорство должное возмездіе въ видѣ осязательныхъ невыгодъ (см. брошюру «Поляки и евреи», Одесса 1911 г.). Это — довольно ясная программа систематическаго бойкота, на помощь которому будетъ пущена въ ходъ вся муниципальная машина. Трудно послѣ этого говорить, будто городское хозяйство въ національномъ отношеніи по своей природѣ нейтрально. Совсѣмъ напротивъ. Если бы правительство даже само предложило ввести въ городахъ Польши совмѣстные выборы, безъ всякихъ гарантій для меньшинства, то еще вопросъ, разумно ли было бы, при такомъ настроеніи въ краѣ, согласиться на эту реформу.

Передъ нами образецъ совмѣстныхъ выборовъ безъ всякихъ курій: это — избирательная система для выборовъ въ Гос. Думу, дѣйствующая въ Польшѣ и понынѣ. Ея результаты извѣстны: поляки не пропустили въ три Думы ни одного еврея, не только въ третью, гдѣ у нихъ всего 11 мандатовъ, но и въ первую и во вторую, когда въ ихъ рукахъ было свыше 30 депутатскихъ креселъ. Ни одного представителя. Они даже ассимиляторовъ не хотятъ. Что же выигрываетъ еврейское населеніе Польши отъ того, что на выборахъ въ Гос. Думу оно не «обособлено», не «отрѣзано», не «отгорожено китайскою стѣной» отъ братьевъ-поляковъ? Выигрышъ только тотъ, что это населеніе остается совершенно беззащитнымъ, и теперь, когда братья-поляки въ союзѣ съ Крупенскимъ и прочими грабятъ его права, оно даже не можетъ протестовать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что та же самая картина получилась бы, при совмѣстныхъ выборахъ, и по городамъ. Оттого деп. Грабскій, напримѣръ, былъ еще

годъ назадъ противникомъ курій. Онъ сказалъ въ томъ же интервью съ сотрудникомъ «Słowa»: «Извѣстно, что евреи составляютъ большинство только въ маленькихъ городахъ, въ большихъ же, какъ, напр., Варшава, Лодзь, Сосновицы и т. д., евреи составляютъ лишь значительное меньшинство. Не подлежитъ поэтому ни малѣйшему сомнѣнію, что именно въ этихъ городахъ, имѣющихъ для насъ гораздо большее значеніе, чѣмъ остальные мелкіе пункты, преобладающее польское населеніе, при отсутствіи еврейской куріи, выбирало бы въ гласные думы лишь такое количество евреевъ, какое оно считало бы необходимымъ въ общихъ интересахъ, и, что наиболѣе важно, выбирало бы лишь такихъ евреевъ, которые съ польской точки зрѣнія этого заслуживаютъ». Иными словами, поляки тогда могли бы фальсифицировать еврейское представительство во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ края, выбирая не тѣхъ евреевъ, кого хотятъ сами евреи, или вовсе ни одного еврея гласнаго не пропускать. Трудно сказать, что въ этой перспективѣ хорошаго, и стоитъ ли ради такихъ результатовъ воевать противъ курій.

Иногда на это отвѣчаютъ, что зато евреи могли бы — въ тѣхъ городишкахъ, гдѣ они въ большинствѣ — выбирать лишь столько поляковъ, сколько имъ угодно, и лишь тѣхъ, которые имъ угодны. Заманчивая перспектива. Это значило бы, что поляки фальсифицируютъ еврейское представительство, а евреи польское. Легко себѣ представить, какія отношенія послѣ этого установились бы въ такихъ городахъ между польскимъ меньшинствомъ и еврейскимъ большинствомъ. Волкомъ бы другъ на друга смотрѣли. Эта злоба, разгорающаяся при совмѣстныхъ выборахъ во время каждой избирательной кампаніи и вливающая новыя волны

яда въ и безъ того отравленную атмосферу — это, между прочимъ, еще хуже, чѣмъ всѣ остальные безотрадные результаты такихъ выборовъ. Газета «Fraind», говоря о куріяхъ, указала какъ-то на ихъ главное преимущество: онѣ устранятъ то «погромное настроеніе», которое обыкновенно сопровождаетъ выборы въ Польшѣ, особенно въ Варшавѣ. Что слово «погромное настроеніе» тутъ совершенно кстати, не рѣшится отрицать ни одинъ человѣкъ, хоть немного знакомый съ положеніемъ вещей. Для тѣхъ, кто съ положеніемъ вещей не знакомъ, я приведу нѣсколько образцовъ избирательныхъ прокламацій, обращавшихся въ Варшавѣ при первыхъ и вторыхъ выборахъ. Одна: «Rodacy! Поклянемся, что если евреи побѣдятъ на выборахъ, мы не купимъ больше у еврея ни за грошъ товару». Это огромными буквами, а дальше крохотнымъ шрифтомъ: «Погромовъ и исключительныхъ законовъ мы не хотимъ, но за наглость сумѣемъ наказать; если они пойдутъ противъ насъ, то ничего больше отъ насъ не заработаютъ, и придется имъ съ голоду эмигрировать и очистить мѣсто въ Польшѣ». Другая: «Rodacy! Посмотрите, что дѣлается предъ избирательными бюро: евреи массами идутъ къ урнамъ, а поляки разсыпаны... Если вы будете голосовать за списокъ такъ называемыхъ прогрессистовъ, послами отъ Варшавы будутъ евреи. Поляки! Ратуйте столицу Польши!»... Третья: «Поляки! Варшава въ опасности! Евреи будутъ депутатами, если мы не подадимъ своихъ голосовъ за народовскій списокъ!» Еще одна: «Рабочіе! Въ прошломъ году (т. е. на выборахъ въ первую Думу) вы спасли Варшаву отъ позора. Если вы хотите, чтобы сердце Польши (прозвище Варшавы) и дальше было польскимъ, если ваши чувства на сторонѣ от-

чизны и ея чести, — не дайте побѣдить еврейскому списку!» Думаю, этого достаточно. Какъ бы тамъ ни была плоха куріальная система, но она, по крайней мѣрѣ, радикально устраняетъ эти мотивы изъ избирательной симфоніи. Національный антагонизмъ, конечно, остается, и онъ будетъ чувствоваться въ каждомъ засѣданіи городской думы — но пусть онъ, по крайней мѣрѣ, не бушуетъ на улицѣ. Тѣмъ болѣе, что теперь уже не тѣ времена, когда даже народовцы соблюдали приличія и, пуская на улицу юдофобскую прокламацію, прибавляли мелкимъ шрифтомъ: «Погромовъ и исключительныхъ законовъ не хотимъ». Польское коло открыто, въ оффиціальной деклараціи Яронскаго, требуетъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. Что касается до погромовъ, то, если говорить правду, еще и тогда, при первыхъ выборахъ, одна провинціальная газета грозила строптивымъ жидамъ «кулакомъ польскаго мужика». Теперь вслѣдъ за провинціей разоткровенничалась и Варшава, serce Polski. Годъ тому назадъ угрожалъ погромами радикалъ Нѣмоевскій, а на-дняхъ эту же угрозу повторила «Kultura polska», органъ Свѣнтоховскаго, маститаго вождя прогрессивной демократіи...

На принципъ національныхъ курій, взятый самъ по себѣ, надо смотрѣть трезво. Это, конечно, далеко не идеальный способъ гарантировать права меньшинства. Гораздо удобнѣе такъ называемыя пропорціональныя системы, при которыхъ всѣ избиратели голосуютъ вмѣстѣ, а распредѣленіе мандатовъ между большинствомъ и меньшинствомъ производится при подсчетѣ голосовъ. Этихъ системъ много — vote limité въ Испаніи, vote cumulatif въ штатѣ Иллинойсъ, vote unique въ Бразиліи, система Гэра въ Даніи, система

д'Ондà въ Бельгіи и т. д.; всѣ онѣ лучше національныхъ курій потому, что гибче, подвижнѣе, утонченнѣе. Но совершенно ясно, что въ Польшѣ теперь ни объ одной изъ нихъ рѣчи быть не можетъ. Остается только простой выборъ: или размежеваніе поляковъ и евреевъ по отдѣльнымъ куріямъ, или грызня за мандаты въ «погромной атмосферѣ». Признаюсь откровенно, что я бы затруднился предпочесть второе. Всѣ одіозныя выдумки, которыми проектъ испортилъ основную идею національныхъ курій, вся вопіющая несправедливость распредѣленія мандатовъ между обѣими націями не можетъ, однако, заслонить одного преимущества: что еврейское меньшинство Варшавы будетъ имѣть въ городской думѣ своихъ представителей, хоть всего 16, но настоящихъ, свободно выбранныхъ избирателями. При совмѣстныхъ выборахъ варшавскіе евреи получили бы столько же гласныхъ, сколько имѣли депутатовъ: ни одного.

1911.

НАШЕ БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ

Недавно, по поводу одной моей газетной статьи, я удостоился получить нѣсколько писемъ отъ молодыхъ людей, обиженныхъ замѣчаніемъ, что еврейскіе дезертиры, принимающіе христіанскую вѣру ради выгодъ, засоряютъ ту христіанскую общину, къ которой приписываются. Молодые люди находятъ, что это напраслина. Во-первыхъ, они не дезертиры: «развѣ переходъ изъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ другое обусловливаетъ собою переходъ въ другую національность?» Во-вторыхъ, они ничего не засоряютъ. «Развѣ окроплявшій насъ водою священникъ водрузилъ насъ тѣмъ на нивѣ своей общины? Нѣтъ, онъ насъ только вписалъ въ метрическую книгу. Что жъ мы засоряемъ?» А въ другомъ письмѣ идутъ еще дальше: если дезертиръ даже «водружается» на чужой нивѣ, то онъ ее не только не «засоряетъ», а даже напротивъ — украшаетъ: въ доказательство цитируется нѣсколько именъ изъ книги Когута «Знаменитые евреи и еврейки». Вообще же молодые люди находятъ, что писать о нихъ неделикатно: «существуетъ кругъ такихъ явленій, которыя являются дѣломъ личной совѣсти, и куда человѣкъ интеллигентный не долженъ залѣзать руками».

Это пишетъ одна сторона. А вотъ любопытный

откликъ съ другой стороны: письмо одного популярнаго хулигана. Оно напечатано въ «Земщинѣ» и гласитъ:

«Въ главной палатѣ русскаго народнаго союза имени Михаила Архангела почти ежедневно получаются письма отъ евреевъ на мое имя съ просьбой: «будьте мнѣ крестнымъ отцомъ — хочу креститься». Письма рву, взглянувъ на подпись жида, но на завтра новое. Сегодня получилъ такое: «Ваше высокопревосходительство! Я еврей г. Винницы. Желая принять православіе, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство стать моимъ крестнымъ отцомъ. Беръ Заксъ. 17-го сентября 1910 г. Винница. Почтовая ул., д. Шерра». — Вступать въ какую бы то ни было переписку съ жидами не намѣренъ, посему, въ цѣляхъ сберечь время и бумагу тѣмъ, которые пожелали бы послѣдовать примѣру Закса, считаю нужнымъ уяснить мою принципіальную точку зрѣнія на этотъ вопросъ и полагаю, что жидкамъ она будетъ ясна изъ слѣдующей телеграммы, посланной мною въ отвѣтъ юркому Заксу: «Винница, Почтовая ул., д. Шерра. Беру Заксу. Для евреевъ крещеніе — видъ гешефта: окончившій гимназію крестится, дабы попасть въ университетъ, купецъ, чтобы устроиться внѣ черты осѣдлости, и такъ далѣе. Отказываюсь быть пособникомъ неблаговидныхъ поступковъ, предпочитая еврея не крещеннаго выкрестившемуся изъ-за побужденій, чуждыхъ душевнымъ запросамъ, а наличности таковыхъ у евреевъ не имѣется».

Конечно, мнѣніе этого лица не можетъ служить этическимъ мѣриломъ; привожу его не какъ аргументъ, а просто для характеристики настроеній. Что и говорить, съ пощечиной Полишинеля можно не

считаться. Но да будетъ позволено напомнить по этому поводу старую басню Федра. Тамъ изображенъ умирающій левъ, къ которому приходятъ разные звѣри, и каждый норовитъ его какъ-нибудь обидѣть. И левъ все терпитъ; но когда напослѣдокъ явился asinus, asini, второго склоненія, и тоже лягнулъ въ больное мѣсто, левъ не выдержалъ и заплакалъ, сказавъ: «Твой пинокъ, о срамъ природы, усугубляетъ для меня горечь смерти». А ужъ на что левъ — гордый звѣрь. Очевидно, во времена Федра еще полагали, что такой пинокъ — это ужъ самое послѣднее дѣло, предѣлъ надругательства. Но мы теперь умные, и предразсудки давно ликвидированы.

Предразсудки до того начисто ликвидированы, душа человѣка превращена въ такое идеально-гладкое, зеркально-лысое пустое мѣсто, что сплошь и рядомъ чувствуешь себя безпомощнымъ и безотвѣтнымъ предъ этой абсолютною плѣшью, гдѣ не осталось ничего со вчерашняго дня — ни одного разъ навсегда вбитаго гвоздя, ни одной глубоко вросшей былинки, ни традицій, ни аксіомъ, ни простой брезгливости, даже ничего похожаго на доску съ надписью: «здѣсь воспрещается». И когда вы пытаетесь напомнить, что все-таки должно же быть на свѣтѣ нѣчто воспрещенное, нѣчто такое, отъ чего сама собою отдергивается рука, васъ огорошиваютъ вопросомъ: А почему нельзя? — И вы вдругъ постигаете, растерянный, что, въ сущности, отвѣта у васъ нѣтъ. Ибо есть вещи, которыя доказать невозможно. И, какъ на зло, жизнь такъ глупо устроена, что именно тѣ щекотливыя вещи, которыя невозможно доказать, — именно онѣ дѣлаютъ разницу между человѣкомъ порядочнымъ и человѣкомъ покладистымъ.

Кто скитался за послѣдніе годы по такъ называемой «еврейской улицѣ», тому хорошо знакомъ этотъ убійственный вопросъ: «А почему нельзя?» Сталъ онъ раздаваться недавно. Прежде было совсѣмъ другое время: прежде, въ эпоху подъема и до него, было всѣмъ ясно само собою, что на человѣкѣ лежитъ нѣкій долгъ, и что не все ему дозволено; каждый понималъ этотъ долгъ по своему, но атмосфера нѣкоторой нравственной дисциплины ощущалась повсюду, на какихъ угодно общественныхъ задворкахъ. И если кому ужъ приходилось нарушить эту дисциплину, сдѣлать что-нибудь такое, чего совѣсть не позволяла, то онъ старался стушеваться, а не выступалъ гоголемъ на площади и не спрашивалъ: А почему бы нѣтъ? — Но прошелъ подъемъ, и все это измѣнилось. Нравственная дисциплина лопнула, и значительная часть молодежи пустилась въ погоню за своей долей, граціозно прыгая чрезъ какія угодно препятствія. При этомъ они держатъ голову гордо и высоко, пишутъ письма въ редакцію и требуютъ: одно изъ двухъ — или докажи имъ, осязательно, какъ дважды два, почему нельзя перепрыгивать чрезъ нѣкоторыя препятствія, или сними шапку, расшаркайся и признай ихъ полноправными джентльменами.

Конечно, для себя, для своей души, каждый изъ насъ хорошо знаетъ, «почему нельзя». Когда мы себя объ этомъ спрашиваемъ, то оглядываемся назадъ, и нашему духовному взору открывается картина, которая лучше всякаго отвѣта. Передъ нами разстилается необозримая равнина двухтысячелѣтняго мученичества; и на этой равнинѣ, въ любой странѣ, въ любую эпоху, видимъ мы одно и то же зрѣлище: кучка бѣдныхъ, бородатыхъ, горбоносыхъ людей сгрудилась

въ кружокъ подъ ударами, что сыплются отовсюду, и цѣпко держится нервными руками за какую-то святыню. Эта двадцативѣковая самооборона, молчаливая, непрерывная, обыденная, есть величайшій изъ національныхъ подвиговъ міра, предъ которымъ ничтожны даже греко-персидскія войны, даже исторія Четырехъ Лѣсныхъ Кантоновъ, даже возстановленіе Италіи. Сами враги наши снимаютъ шапку предъ величіемъ этого грандіознаго упорства. Въ концѣ концовъ, люди забыли всѣ наши заслуги, забыли, кто имъ далъ единаго Бога и идею соціальной правды; насъ они считаютъ изолгавшимся племенемъ, въ душѣ котораго ничего не осталось, кромѣ коллекціи уловокъ и увертокъ, на подобіе связки отмычекъ у вора; и если передъ чѣмъ-нибудь еще преклоняется даже злѣйшій изъ клеветниковъ, если въ чемъ нибудь еще видитъ, не можетъ не видѣть символъ и послѣдній остатокъ великой, исполинской нравственной мощи, — это только въ уцѣлѣвшей, ни на мигъ доселѣ не дрогнувшей способности страдать безъ конца за нѣкое древнее знамя. Въ этомъ упорствѣ наша высокая аристократичность, нашъ царскій титулъ, наше единственное право смотрѣть сверху внизъ. И теперь, надъ могилами несмѣтнаго ряда мученическихъ поколѣній, разорвать этотъ кругъ, распустить самооборону, выдать старое знамя старьевщикамъ? Что же намъ останется? Какъ это мыслимо? Какъ это возможно?! — Такъ ощущаемъ мы, еще не ликвидировавшіе предразсудковъ. Но вѣдь это ощущеніе, а не доказательство.

Не знаю, какъ другіе, которые умнѣе меня, но я долженъ сознаться, что не все могу доказать. Въ 1907 г. пришелъ ко мнѣ (было это въ Одессѣ) одинъ

юноша, когда-то мой протеже, и изложилъ мнѣ обычный въ тѣ дни планъ устройства личной жизни: онъ напишетъ банкиру такому-то письмо съ требованіемъ дать столько-то тысячъ, а если не дастъ, то его подстрѣлятъ. Я возмутился, заволновался, сталъ его отговаривать, а онъ меня срѣзалъ вопросомъ:

— А почему нельзя? докажите!

И со своей стороны изложилъ мнѣ свои аргументы. Онъ голодаетъ, мать голодаетъ... А банкиръ богатъ. И такъ далѣе — эту аргументацію всѣ мы слышали, и у всѣхъ она жива еще въ памяти. И сколько мы съ нимъ ни спорили, верхъ оставался за нимъ, потому что по логикѣ онъ былъ логиченъ, — а всетаки есть вещи, которыя не доказываются.

Другіе молодые люди пошли дальше. Они увидѣли, всмотрѣвшись поглубже, что если «можно» экспропріировать у банкира, то «почему нельзя» у лавочницы предмѣстья? Богатство — понятіе относительное и гибкое. Богатъ для меня тотъ, кто въ данную минуту богаче меня: если у лавочницы въ кассѣ лежитъ 80 копѣекъ выручки, а я голоденъ, она для меня богачка, и я имѣю полное право... А потомъ другіе пошли еще дальше. Почему я для этого непремѣнно долженъ быть голоденъ въ грубомъ смыслѣ слова, физически голоденъ? А если желудокъ мой полонъ, но душа голодна, если мнѣ тоже хочется прифрантиться, сходить въ театръ, покататься съ барышнями, то почему я долженъ страдать, за что должна увядать безъ блеска и радости моя молодость, когда одинъ удачный налетъ можетъ распахнуть предо мною всю полноту жизни? И опять приходилось разводить руками и молчать, не находя отвѣта. Потому

что неприменима таблица умноженія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Тѣ молодые люди, что въ памятную эпоху налетовъ срамили и топтали наше народное доброе имя, что хуже черной сотни съ ея резинами терзали и разоряли нашу нищую массу, были, по большей части, ловкіе діалектики, и по таблицѣ умноженія очень искусно доказывали свою высшую правоту. Но въ то же время нестерпимый чадъ гнусной, неслыханной деморализаціи разливался отъ нихъ вокругъ, и было ясно, что, на перекоръ всякой діалектикѣ, всетаки есть вещи недозволенныя, и должна быть въ человѣкѣ внутренняя брезгливость, которая безъ словъ, непосредственно подсказывала бы ему, «почему нельзя». Этическое познается не разсужденіями, а ощупью, и въ комъ этого таланта ощупи нѣтъ, тотъ калѣка.

Бываютъ, конечно, калѣки разной степени. Изъ примѣровъ, которые приведены только что, не слѣдуетъ заключать, что я ставлю дезертировъ на одну доску съ кѣмъ либо изъ перечисленныхъ героевъ. Понятно нѣтъ. Но, съ другой стороны, я не награжденъ отъ Бога и той снисходительностью, которая считаетъ переходъ въ чужую вѣру ради голой выгоды за нѣчто невинное. Думаю, что этотъ актъ ясно и непреложно говоритъ о нравственной глухотѣ субъекта. И въ особенности тогда, когда онъ совершается въ нашихъ здѣшнихъ условіяхъ, надъ поверженнымъ и израненнымъ тѣломъ затравленнаго, окруженнаго повсюду врагами и беззащитнаго россійскаго еврейства.

Въ эпоху студенческихъ волненій былъ однажды такой случай. Десять студентовъ посадили въ одну небольшую камеру; имъ было тамъ невыносимо тѣсно, душно и грязно. Одного изъ нихъ приставъ зналъ,

такъ какъ игрывалъ въ карты съ его отцомъ; онъ вызвалъ этого студента и предложилъ перевести его въ камеру вѣстового. — И вамъ будетъ удобнѣе, и товарищамъ всетаки легче, — сказалъ любезный приставъ. Но студентъ отказался. Собственно говоря, почему было ему не согласиться? Вѣдь отъ него за то никакихъ «услугъ» не требовали, и товарищамъ его отказъ никакой видимой пользы не принесъ — напротивъ, если бы одинъ выбылъ, все же стало бы просторнѣе. Но студентъ отказался, потому что у него было этическое чутье. Онъ понялъ, или, вѣроятнѣе, просто почувствовалъ, что его переходъ на привилегированное положеніе, когда товарищи по бѣдѣ остаются въ ямѣ, посѣялъ бы въ атмосферѣ какую-то неуловимую, невѣсомую деморализацію, которая гораздо ядовитѣе спертаго воздуха. — То былъ маленькій случай, и бѣда была сравнительно маленькая. Теперь мы стоимъ предъ великимъ національнымъ горемъ, въ глубокой ямѣ копошатся не десять человѣкъ, а шесть милліоновъ, цѣлая Португалія, двѣ Норвегіи, и вопросъ о томъ, есть ли у насъ это чутье невѣсомыхъ преградъ, разростается до размѣровъ огромной національной трагедіи. Передъ лицомъ этой трагедіи человѣкъ, которому дано перо въ руки, не имѣетъ права считаться съ личными переживаніями отдѣльныхъ дезертировъ. Онъ долженъ напомнить во всеуслышаніе старую истину, черезъ которую вы слишкомъ цинично переступили: что именно талантъ внутренней брезгливости, именно чутье невѣсомыхъ святынь и преградъ создаетъ то, что мы называемъ порядочностью, sittlicher Ernst; и у кого въ такую тяжелую эпоху медленной пытки, затяжного погрома не оказывается въ наличности этого чутья, тотъ дол-

женъ самъ понять себѣ цѣну и не удивляться, если другіе называютъ ее вслухъ.

Хочется говорить объ этомъ какъ можно болѣе сдержанно, и оттого главнымъ образомъ приходится настаивать на невѣсомыхъ моментахъ. Вѣдь съ той стороны это — главный доводъ: «живя согласно съ строгою моралью, я никому не сдѣлалъ въ жизни зла». Хочется напомнить людямъ, что если даже допустить, будто и въ самомъ дѣлѣ «никому не сдѣлано зла», это еще само по себѣ далеко не отворяетъ двери въ ту комнату, гдѣ у Бога помѣщены джентльмены, — люди, которымъ можно довѣрять, люди, съ которыми можно вмѣстѣ страдать и которые не вылѣзутъ въ окошко... Но, въ концѣ концовъ, этотъ вѣчный припѣвъ каждаго дезертира, что онъ «никому не сдѣлалъ зла», тоже неправда.

Когда люди еще вѣрили въ Государственную Думу, въ одномъ городѣ черты осѣдлости была выставлена кандидатура бывшаго еврея, популярнаго мѣстнаго дѣятеля. Націоналисты были противъ этого, и одинъ изъ нихъ сказалъ мѣткое слово: — Вамъ нуженъ въ Думѣ человѣкъ, который отстаивалъ бы ваше равноправіе. Такъ не посылайте въ Думу человѣка, который самъ является живымъ доказательствомъ того, что можно великолѣпно обойтись и безъ равноправія.

Сейчасъ выборовъ нѣтъ и больше о такихъ кандидатурахъ не слышно, и всѣ эти безобидные молодые люди, которые «никому не дѣлаютъ зла», идутъ представительствовать о насъ не въ Думу, а на самое торжище жизни. Но тѣмъ глубже политическое вліяніе этого массоваго представительства, и мы, остающіеся въ ямѣ, еще учтемъ его плоды на своей шкурѣ. Ибо никогда еще мы не выпускали въ міръ съ такой лег-

костью такого множества живыхъ доказательствъ, что можно при желаніи обойтись и безъ равноправія. Въ Германіи, напримѣръ, уже давно знаютъ, что «ренегатство, оказывая губительнѣйшее нравственное вліяніе, кромѣ того еще тормозитъ борьбу германскаго еврейства за фактическое осуществленіе его политическихъ и гражданскихъ правъ. Теперь, когда нѣмецкое еврейство ведетъ упорную борьбу за свои конституціонныя права, ренегаты, добиваясь этихъ правъ при помощи «Taufzettel», наносятъ общему дѣлу еврейства непоправимый ущербъ» (резолюція съѣзда германскихъ еврейскихъ дѣятелей въ 1910 г.). Тѣмъ хуже положеніе въ Россіи. На глазахъ у враговъ и равнодушныхъ наша молодежь съ такой легкостью мѣняетъ религію, что у зрителя возможенъ только одинъ выводъ: разъ это такъ легко и просто, то, очевидно, тѣ, которые этого не продѣлываютъ, далеко не такъ страшно угнетены, и особенно о нихъ безпокоиться нечего. Этотъ выводъ естественно складывается и осѣдаетъ не только у враговъ, но, что гораздо важнѣе, у равнодушныхъ, т. е. именно въ томъ кругу, отъ котораго зависитъ дать перевѣсъ друзьямъ или врагамъ. Какъ, какими доводами бороться тутъ за отмѣну еврейскаго безправія, за созданіе выхода изъ ямы, когда намъ отвѣтятъ: позвольте, но вѣдь выходъ уже есть, и очевидно вполнѣ для васъ пріемлемый! Какъ, какими словами отстаивать эмансипацію общины, изъ которой сотнями дезертируетъ ея «цвѣтъ», ея молодая интеллигенція, и самымъ фактомъ своего массового бѣгства кричитъ на всю Россію: монастырь оставленъ на вымираніе, стоитъ ли о немъ еще думать!

Въ концѣ концовъ все это выливается въ подстрекательство къ новому гнету. Свѣтская власть, мо-

жетъ быть, и не особенно рада этому новому устремленію строптиваго племени и склонна его разсматривать (не безъ основанія), какъ новый массовый «обходъ закона», новую «еврейскую уловку», по беззастѣнчивому цинизму превосходящую всѣ прежнія. Но вѣдь есть въ Россіи и духовная власть, очень вліятельная, въ иные періоды даже всемогущая. Духовенство господствующей церкви нигдѣ и никогда не оставалось безучастнымъ къ приросту своей паствы: призванное блюсти интересъ церкви, оно всегда и всюду смотрѣло на такой прирость, какъ на явленіе положительное, и не особенно допытывалось о причинахъ и внутреннихъ побужденіяхъ, справедливо разсуждая, что, каковы бы ни были эти побужденія, во второмъ поколѣніи отъ нихъ не останется ни слѣда, а останется только чистый приростъ... Такъ разсуждала и по сей день разсуждаетъ господствующая церковь всюду на Западѣ и на Востокѣ. Какъ отнесется она въ Россіи къ этому еще небывалому урожаю неофитовъ, предсказать не берусь. Но очень боюсь, что мы даемъ въ могущественныя, очень могущественныя и принципіально-враждебныя намъ руки сильнѣйшій доводъ въ пользу не только сохраненія, но и усиленія висящаго надъ нами гнета.

Зато молодые люди насъ утѣшаютъ, что «выходъ изъ религіи не есть выходъ изъ національности». Нація наша, значитъ, и впредь будетъ почтена ихъ присутствіемъ. Лестно. Но тутъ опять сказывается нечуткое резонерство, неспособность ощутить то важное, что невѣсомо. Говоря вообще, это — совершенно справедливый принципъ: національность сама по себѣ, а религія сама по себѣ. Въ дни свободы, когда мы еще мечтали о созывѣ «національнаго собранія», мно-

гіе даже среди сіонистовъ и націоналистовъ провозглашали, что «членомъ еврейской національной общины является каждое лицо, признающее свою принадлежность къ еврейской національности, безъ различія вѣроисповѣданія». Но — нашимъ мечтамъ тогда рисовалась совершенно другая картина, чѣмъ то, что видимъ теперь. Намъ рисовался большой праздникъ свободы, когда еврейскій народъ на радостяхъ амнистировалъ бы старыхъ дезертировъ за старый грѣхъ, а впредь уже крещенія могли бы происходить только по убѣжденію. Это было бы совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло. Перемѣна вѣры изъ внутренняго убѣжденія въ превосходствѣ новой религіи — это къ чести человѣка, а не къ стыду... Но когда *эти* сегодняшніе молодые люди, только что ради голой выгоды съ легкостью вальса увильнувшіе отъ той круговой поруки, которой только и можетъ нація держаться, милостиво предлагаютъ и впредь числиться по нашему національному списку — то ужъ это съ ихъ стороны любезность чрезмѣрная и излишняя. Нѣтъ ужъ, молодые люди, скатертью дорога, а намъ въ утѣшеніе останется умное слово Герцля: «мы теряемъ тѣхъ, въ лицѣ которыхъ мы ничего не теряемъ».

«Выходъ изъ еврейской религіи не обусловливаетъ выхода изъ еврейской національности»... Если эти молодые люди искренно такъ думаютъ, то они горько обманываются. До сихъ поръ уходившіе изъ нашей религіи уходили и изъ нашей національности. И больше того: въ Европѣ существуетъ формула: «дѣдъ ассимиляторъ, отецъ крещенъ, сынъ антисемитъ». Это вполнѣ естественно. У «отца» еще всетаки что-то теплое осталось въ душѣ отъ воспоминаній дѣтства, связанныхъ съ субботой, или хоть отъ слезъ матери

въ тотъ день, когда онъ пошелъ къ священнику. Но ужъ у его сына не можетъ быть ничего, кромѣ глухой досады на всѣхъ евреевъ за то, что его еще все-таки иногда поругиваютъ Judenbub'омъ. Забыть о еврействѣ ему не дадутъ, любить еврейство онъ не можетъ — остается одно: ненавидѣть, и это о д н о съ неизбѣжностью, въ той или иной степени, повторится и въ Россіи. Еврейскій народъ не новичокъ въ этомъ вопросѣ — онъ уже привыкъ, глядя въ догонку уходящему дезертиру, горестно думать о томъ, что, можетъ быть, ровно черезъ одно поколѣніе новый камень съ улицы ударится въ его окошко. Кто знаетъ, еще можетъ быть ихъ дѣти нѣкогда будутъ выселять изъ Кіева нашихъ дѣтей.

Множество софизмовъ пущено теперь по улицѣ, чтобъ оправдать эту вакханалію бѣгства, и всѣ софизмы гнилые и неискренніе. Самый ходкій тотъ, что, молъ, крестятся вовсе не «для голой выгоды», а ради науки. Это болтовня. Науку юридическую, философскую, историческую и т. п. можно получить въ публичной библіотекѣ, и еще безплатно. А науку медицинскую или инженерную можно получить заграницей, въ крайнемъ случаѣ голодая, какъ голодаютъ тысячи нашихъ юношей и дѣвушекъ въ разныхъ Бернахъ и Женевахъ, предпочитающіе мучиться, но не креститься. Крестятся ради диплома, т. е. ради выгоды, ради того, чтобы вести потомъ сравнительно привольную жизнь адвоката, инженера или врача, а не быть вынужденнымъ (о, ужасъ!) пасть, напримѣръ, до приказчика. Я понимаю, что страшно больно бросить посрединѣ разъ намѣченное русло жизни, ликвидировать мечты; но если люди не чувствуютъ, что дезертирство — это еще страшнѣе, еще больнѣе,

если изо всѣхъ тяжелыхъ перспективъ имъ представляется наиболѣе пріемлемой именно та, которая для здороваго чутья должна казаться самой ужасной — отступничество, то какое подыщешь имя, кромѣ нравственной глухоты? Да, наконецъ, развѣ только ради университета крестятся въ наше просвѣщенное время? Больно перечислять въ печати, предъ чужими людьми, изъ за какихъ пустяковъ это продѣлывается на каждомъ шагу... Ибо зачѣмъ терпѣть даже малое неудобство, когда есть такой легкій выходъ, понимаете ли, такой *легкій?!* Эта легкость, необыкновенная, безпримѣрная, еще неслыханная въ еврейской исторіи — это и есть главная особенность теперешней эпидеміи, придающая послѣдней совершенно своеобразный характеръ полнаго паралича высшихъ этическихъ центровъ. Гдѣ-то въ ямѣ копошатся шесть милліоновъ, голодаютъ, стонутъ, рвутъ на себѣ волосы; сто тысячъ ежегодно берутъ въ руки посохъ, пробираются черезъ границу, иногда безъ паспорта, подъ выстрѣлами, — ѣдутъ на край свѣта бороться за кусокъ хлѣба, и все это для для нихъ оказывается легче, чѣмъ отступничество! Дураки — они еще не поняли, что отступничество-то легче всего...

При всемъ томъ эти молодые люди находятъ, что, пуская корни на новой нивѣ, они оную ничуть не «засоряютъ». Это дѣло вкуса, судить объ этомъ, въ концѣ концовъ, могутъ только сами новые единовѣрцы нашихъ бѣглецовъ. Что-то, однако, не слышно, чтобы неофиты изъ евреевъ гдѣ-либо, въ какой-бы то ни было христіанской общинѣ слыли украшеніемъ. Еврейству, впрочемъ, все равно, какъ и гдѣ акклиматизируются тѣ, которые отъ него уходятъ. Но что̀ не «все равно» — это самый фактъ, что намъ, сидящимъ въ

ямѣ, назначена премія за отступничество, и что въ этомъ растлѣвающемъ сознаніи выростаетъ наша молодежь. Въ концѣ концовъ, ничего мудренаго, если въ ея душѣ развивается такая готовность къ дезертирству по первому востребованію жизни. Она съ дѣтства знаетъ — и ей не даютъ ни на минуту забыть — что все запретное станетъ дозволеннымъ, если только согласишься, съ ложью въ душѣ, поклониться чужимъ алтарямъ. Это сознаніе расшатываетъ характеры, ослабляетъ задерживающіе центры, вытравляетъ нравственную брезгливость. А что можетъ наша молодежь противопоставить этому соблазну? Изъ современнаго еврейскаго воспитанія выброшено все, что могло бы закрѣпить въ ея душѣ положительныя связи съ еврействомъ. Чуда нѣтъ, если въ результатѣ остается голая, плѣшивая, пустая душа. Пусть это инымъ покажется жестокостью, но, мнѣ думается, лучше было бы россійскому еврейству остаться совсѣмъ взаперти, безъ выхода, чѣмъ имѣть передъ собою *этотъ одинъ выходъ*, эту развращающую перспективу уплаты наличными за самое отвратительное изъ лицемѣрій. Одно время долго держался слухъ, будто этихъ молодыхъ людей такъ и не примутъ въ университетъ. Сознаюсь, я бы очень мало этимъ огорчился. И еще менѣе огорчился бы, если бы это стало правиломъ, распространяющимся на всѣ области полноправія. Ибо личная судьба нѣсколькихъ «юркихъ Заксовъ» интересуетъ насъ, какъ прошлогодній снѣгъ; но для народа нашего, для подрастающихъ дѣтей нашихъ не было ли бы здоровѣе, если бы во мракѣ нашего бытія перестали мерцать эти тридцать сребренниковъ равноправія, покупаемые такимъ путемъ...

1910.

ОБМѢНЪ КОМПЛИМЕНТОВЪ

РАЗГОВОРЪ

Это былъ именно разговоръ, бесѣда, causerie; я въ ней не участвовалъ, а сидѣлъ сбоку и слушалъ, и потому не отвѣчаю ни за доводы, ни за выводы. Тему бесѣдовавшимъ лицамъ дала нашумѣвшая статья А. Столыпина о «низшей расѣ». Собесѣдниковъ двое: одинъ русскій, другой еврей; оба мирно сидятъ за чаемъ и ласково бесѣдуютъ о томъ, чья раса ниже.

— По моему, — сказалъ еврей, — вообще нѣтъ высшихъ и низшихъ расъ. У каждой есть свои особенности, своя физіономія, свой комплексъ способностей, но я увѣренъ, что если бы можно было найти абсолютную мѣрку и точно расцѣнить прирожденныя качества каждой расы, то въ общемъ оказалось бы, что всѣ онѣ приблизительно равноцѣнны.

— Какъ такъ? чукчи и эллины равноцѣнны?

— Я думаю. Поселите чукчей въ условіяхъ древней Эллады — и они, вѣроятно, дали бы міру свои цѣнности. Не тѣ самыя, какія дали міру греки, потому что у каждаго народа свое, но все же цѣнности и, быть можетъ, равноцѣнныя съ эллинскими. Доказать это, конечно, не въ нашей власти; я вамъ только высказываю свое убѣжденіе, но зато ужъ это —

глубокое убѣжденіе. Я не вѣрю въ то, будто есть высшія и низшія расы. Всѣ одинаково по своему хороши.

— Странно слышать это именно изъ устъ еврея. Вы, которые исторически смотрѣли на себя, какъ на племя избранное...

— Да, да, знаю этотъ доводъ. Я вамъ и больше скажу: послѣ разрушенія второго храма Титомъ еврейскіе мудрецы больше всего убивались именно о томъ, что Богъ предалъ ихъ въ руки «умма шефела». «Умма шефела» значитъ буквально низшее племя. Понимаете, въ ихъ глазахъ римляне, блестящіе римляне эпохи принципата, уже впитавшіе въ себя, кромѣ собственной культуры, изысканную цѣнность эллинизма, — были всетаки низшей расой. Но это доказываетъ только одно: что тѣ мудрецы были ослѣплены. И точно такъ же всѣ новыя теоріи о низшихъ расахъ — продуктъ ослѣпленія.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Конечно, А. Столыпинъ пересолилъ; это объясняется его личнымъ горемъ, которое именно ослѣпляетъ; надо это понять и простить. Но все же и въ другую сторону пересаливать нѣтъ надобности. Что всѣ расы равноцѣнны, это парадоксъ. Я могъ бы сослаться на негровъ, которые живутъ въ Америкѣ рядомъ съ бѣлыми и всетаки не равны бѣлымъ, на турокъ, которые устроили Стамбулъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ арійцы создали Византію, и т. д. Но я считаю ваше общее положеніе, будто всѣ расы равноцѣнны, настолько парадоксальнымъ, что даже не стану его опровергать. Вы не найдете пяти человѣкъ даже среди вашихъ единовѣрцевъ — вѣрнѣе, особенно среди вашихъ единовѣрцевъ, — которые согласились бы съ этимъ мнѣ-

ніемъ. Оставимъ поэтому общій вопросъ въ сторонѣ. Рѣчь у насъ шла о еврейской расѣ. Повторяю, Столыпинъ пересолилъ. Я не скажу, чтобы и съ Чемберленомъ былъ вполнѣ согласенъ, хотя это очень образованный и очень вдумчивый мыслитель. Я также не во всемъ согласенъ съ вашимъ собственнымъ Вейнингеромъ, хотя и онъ приводитъ много поражающихъ, глубокихъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что еврейская раса, такъ сказать, неполноцѣнна. Затѣмъ, я читалъ кое-что и съ вашей стороны — Гертца, который вообще отрицаетъ расу, и новаго писателя Цольшана, который считаетъ еврейскую расу превосходной. Главное же, чѣмъ я интересуюсь, это жизнь, и вотъ вамъ общее впечатлѣніе, которое у меня осталось по этому вопросу изъ книгъ и изъ наблюденія жизни. Вы, несомнѣнно, раса съ какими-то крупными органическими духовными недочетами. (Вы понимаете, я не говорю объ исключеніяхъ — есть очень почтенные евреи, я самъ знаю идеальныхъ людей изъ вашей среды; впрочемъ, и эти исключенія можно объяснить случайнымъ смѣшеніемъ крови; но тутъ не о нихъ идетъ рѣчь, вы понимаете).

— Понимаю, понимаю, не стѣсняйтесь, мы привыкли.

— И вотъ мое общее впечатлѣніе: вы раса безусловно неполноцѣнная. Полноцѣнной я называю расу творческую и гармонично-разностороннюю. Вы — ни то, ни другое. У васъ нѣтъ и никогда не было собственнаго творчества. Доказано, что ваше единобожіе и ваша суббота заимствованы; вы по отношенію къ этимъ идеямъ сыграли только роль популяризаторовъ, если позволите — даже комми-вояжеровъ; къ этой роли еврейская раса, дѣйствительно, весьма приспо-

соблена. Зато еврейская душа неспособна ко многимъ воспріятіямъ, ваша гамма ощущеній крайне мала и не имѣетъ хроматическихъ оттѣнковъ; этимъ объясняется то, что у васъ въ лучшія времена вашей независимости не было никогда пластическихъ искусствъ. Для постройки храма Соломону пришлось вызвать зодчаго изъ за-границы. Въ вашей Библіи — даже въ «Пѣсни пѣсней» — нѣтъ, говорятъ, ни одного слова, означающаго цвѣтъ, окраску. Только про Давида сказано, что онъ былъ рыжій, да Суламиѳь себя называетъ смуглой; но краски природы, неба, моря, листвы — все это игнорируется, точно не существуетъ, не нужно, не интересно для сухого, расчетливаго, монотоннаго еврейскаго духа. Сравните съ этимъ Гомера, его rhododactylos Eos — зарю съ розовыми пальчиками!..

— Позвольте, при чемъ тутъ раса? Изъ той же расы произошли потомъ Израэльсъ, Левитанъ... Да и чуть-ли не вся «русская» скульптура, простите, тоже произошла изъ этой расы — Антокольскій, Гинцбургъ, Аронсонъ... Просто въ древности не могло развиваться у евреевъ художество потому, что религія запрещала изображать то, что «на небѣ вверху и что на землѣ внизу»...

— Нѣтъ-съ, это не доводъ. Религіозныя вѣрованія не объясняютъ національнаго характера, они сами должны имѣть свое объясненіе въ особенностяхъ національнаго характера. Народъ съ художественными задатками никогда не принялъ бы антихудожественной религіи. Но вы меня не прерывайте. Я иду дальше: и библейская этика ваша, которой вы такъ гордитесь, какая-то сухая, расчетливая, — не-рыцарская, чтобы не сказать — просто неблагородная. Каждый

параграфъ имѣетъ ясную практическую санкцію, обязательство Господа Бога уплатить наличными: дать землю, текущую млекомъ и медомъ, продлить дни твои на землѣ... Библія не знаетъ высшихъ стимуловъ морали — ни идеи совершенства, ни приближенія къ божеству, ни загробной жизни. Вдумайтесь только въ этотъ фактъ: народъ, въ священныхъ книгахъ котораго нѣтъ ни слова о томъ, что будетъ съ человѣкомъ послѣ смерти! Сравните это съ арійцами, у которыхъ вся религія-то началась съ культа «отцовъ»! Вѣдь это разительное доказательство полнаго отсутствія интереса ко всему, что не имѣетъ непосредственной практической цѣли. За предѣлами практическихъ надобностей общежитія у васъ не только воля, но даже мысль не работала. Просто не интересовались. Неужели все это не даетъ права отрицать многогранность еврейской души? Неужели она равноцѣнна съ душой арійца, всесторонняго, рыцарственнаго, мечтательнаго, гармоническаго? Поймите, я не хочу обидѣть...

— Понимаю, понимаю. Пожалуйста.

— Да я кончилъ. Хотѣлъ только прибавить, что и въ жизни не могу не видѣть подтвержденій этого взгляда. Распространяться на эту тему не хочу, но всетаки согласитесь, что если всѣ, всюду, всегда ненавидятъ и презираютъ одну и ту же расу, то вѣдь нельзя это такъ просто объяснить однимъ тѣмъ, что всѣ люди, молъ, мерзавцы. Мѣняются предлоги вражды, мѣняется содержаніе обвиненій, предъявляемыхъ къ евреямъ, но вражда и презрѣніе вѣчны. Неужели вамъ самимъ въ голову никогда не приходитъ, что вѣрно есть въ васъ что-то такое непріемлемое, нестерпимое, разъ всегда и повсюду вы наталкиваетесь на одно

и то же отношеніе? Возьмите только списокъ выдающихся людей, которые терпѣть не могли евреевъ: кого вы тамъ только не найдете! Цицеронъ, Ювеналъ и Тацитъ, Джордано Бруно и Лютеръ; Шекспиръ, Вагнеръ, Дюрингъ, Гартманъ, въ сущности и Ренанъ; Пушкинъ, Гоголь, Шевченко, Достоевскій, Тургеневъ... Это даже не десятая доля полнаго списка. Наконецъ, вотъ что я вамъ скажу. Вы, евреи, вообще мало встрѣчаетесь съ русскими, даже съ юдофильствующими; а я среди нихъ живу и знаю, какъ они къ вамъ относятся, когда васъ нѣтъ по близости. Вы, господа, сами не знаете, сколько у васъ враговъ даже среди вашихъ друзей. Можетъ быть, это не «вражда» въ настоящемъ смыслѣ, даже не презрѣніе: это именно какое-то непреоборимое ощущеніе низшаго существа, низшей расы. Это ощущеніе есть у всѣхъ, и если какой-нибудь Милюковъ или даже Плехановъ станетъ меня увѣрять, будто оно ему незнакомо, я ему не повѣрю. А когда одно и то же чувство раздѣляютъ всѣ, тогда то чувство — правда.

— Вы кончили?

— Кончилъ. Жду вашихъ возраженій.

— Я не буду возражать.

— Вотъ какъ?

— Не буду. Развѣ укажу вамъ на двѣ-три мелочи, которыя мнѣ больше запомнились. Напримѣръ, о загробной жизни. Въ Библіи о ней, дѣйствительно, не говорится; тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что вѣрованія о загробной жизни у древнихъ евреевъ были. Саулъ въ Энъ-Дорѣ вызываетъ тѣнь пророка Самуила; Самуилъ «подымается» и спрашиваетъ: «зачѣмъ ты меня потревожилъ?» Для всякаго, кто привыкъ разбираться въ исторіи культуры, ясно, что

такая легенда, такія выраженія, вообще самая идея вызыванія мертвецовъ можетъ зародиться только тамъ, гдѣ есть вѣра, что мертвецъ и за гробомъ продолжаетъ жить. А другія выраженія Библіи, вродѣ того, что «Авраамъ присоединился къ народу своему», иными словами — умеръ? Или та тщательность, съ которой Авраамъ выбираетъ мѣсто, гдѣ похоронить Сарру? Всякій соціологъ скажетъ вамъ, что это явныя черты народа, вѣровавшаго въ загробную жизнь. Прямого изложенія этихъ вѣрованій въ Библіи не сохранилось, но не забудьте, что почти вся древнѣйшая литература евреевъ погибла, и Библія — только осколки ея. Въ книгѣ Есѳири ни разу не упоминается имя Божіе. Если бы уцѣлѣла только она, вы бы стали увѣрять, что евреи не знали идеи Бога... Или вотъ, тоже о краскахъ и вообще о художествѣ. Во-первыхъ, кромѣ русаго Давида и смуглой Суламиѳи, въ Библіи есть еще и «зеленѣющія» деревья, и «красная» чечевичная похлебка, и «синяя» пряжа. Во-вторыхъ, картины природы въ «Пѣсни пѣсней», именно по богатству зрительныхъ впечатлѣній, куда полнѣе Гомера и его розоперстой зари. Въ-третьихъ — почему вы напираете на отсутствіе пластическихъ искусствъ, а забываете о высокомъ развитіи музыки у древнихъ евреевъ? Книги Паралипоменонъ полны музыки даже черезчуръ — на каждомъ шагу музыка и пѣніе. Это еще спорно, какое искусство глубже, какое искусство болѣе артистично — пластическое или тоническое. А что касается до иностранныхъ зодчихъ, то вѣдь и вамъ въ Россіи долгое время всѣ лучшіе храмы строили заморскіе архитекторы, однако вы себѣ не отказываете въ художественной душѣ... Но это все мелочи. По существу я съ вами спорить не буду.

— Значитъ, согласны?

— Нѣтъ, это просто значитъ, что о вкусахъ не спорятъ. Изъ вашихъ словъ ясно только одно: что мы вамъ не нравимся. Это дѣло эстетики. Объективнаго критерія тутъ быть не можетъ. Вы считаете, что ждать награды въ загробной жизни есть этика высшаго качества, чѣмъ ждать награды въ жизни земной, а я считаю, что наоборотъ. Вы считаете, будто ученіе о приближеніи къ божеству выше ученія о томъ, что надо время отъ времени прощать долговыя обязательства, и во время жатвы оставлять край поля неубраннымъ — для бѣдняковъ; а я полагаю, что въ этихъ простыхъ правилахъ куда больше правды, и не земной, а божественной правды, правды, приближающей къ божеству. Вы считаете, что заимствовать элементы культуры у Вавилона значитъ быть коммивояжерами; а я считаю, что всякое творчество въ мірѣ опирается на заимствованные элементы, и что народъ, который сумѣлъ, на самой зарѣ своей жизни, собрать эти осколки золота и создать изъ нихъ такой вѣчный храмъ, — что этотъ народъ есть народъ творчества par exellence среди всѣхъ народовъ земли. Словомъ, это дѣло вкуса. Я вѣдь не отрицатель расъ, я не спорю противъ того, что есть арійское начало и есть еврейское, и что они различны по содержанію. Я только считаю нелѣпостью всякую попытку расцѣнить оба эти начала, установить, какое изъ нихъ «высшее» и какое «низшее». Думаю, что предъ лицомъ объективности оба равноцѣнны и равно необходимы человѣчеству. А всякая оцѣнка можетъ исходить только изъ предвзятой нелюбви. Хотите, я вамъ покажу опытъ?

— Какой?

— Я попробую проанализировать нѣсколько моментовъ изъ русской исторіи. Буду при этомъ дѣйствовать такъ же, какъ вы: возьму въ руки такую мѣрку, какая мнѣ нравится, и буду ее прилагать къ событіямъ, изложеннымъ у Иловайскаго. Посмотримъ, что получится. Хотите?

— Пожалуйста. Комплименты за комплименты.

— Именно. Начнемъ съ мѣрки. По вашему, мѣрка высшей расы — это творчество и многогранность. Я могъ бы поспорить и на ту тему, доказало ли русское племя въ чемъ-нибудь свою творческую многогранность — дало ли оно міру хоть одно великое новое слово въ области науки, религіи, философіи, законодательства, техники, художества... Но оставимъ это. Дѣло въ томъ, что я выдвигаю другой критерій высшей расы: самосознаніе. Въ существѣ высшей породы, будь это ученый среди дикарей или аристократъ среди плебеевъ, всегда живетъ неискоренимое, неподвластное его собственной волѣ сознаніе своей цѣнности. Внѣшне оно выражается въ томъ, что мы называемъ разными именами — чаще всего гордостью. Это есть та черта, благодаря которой король Лиръ и въ рубищѣ остается королемъ: онъ сознаетъ себя королемъ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ этого сознанія. Это ощущеніе своей аристократичности есть первый и главный признакъ аристократичности. Конечно, иногда parvenu выдаетъ себя за аристократа; съ другой стороны, и у бушменовъ есть повѣрье, что остальные люди хуже ихъ. Но достаточно выскочкѣ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ настоящимъ бариномъ, и трещина въ его сознаніи сразу вскроется: онъ смутится, онъ собьется съ тона — и онъ ощутитъ свою инферіорность. То же самое происходитъ съ бушменомъ при столкнове-

ніяхъ съ бѣлымъ человѣкомъ: въ концѣ концовъ, бѣлый ему всетаки импонируетъ. У обоихъ есть сознаніе своего превосходства, но у бѣлаго оно уцѣлѣетъ, а у бушмена распшатается и атрофируется, и бѣлый получитъ надъ нимъ не только кулачную, но и моральную власть. Поэтому, признакомъ высшей расы можно считать только такое сознаніе превосходства, которое оказалось способнымъ выдержать въ теченіе долгаго времени сильные конфликты и не пошатнулось.

— А, я понимаю вашу мысль. Такъ какъ, молъ, евреи три тысячи лѣтъ вѣрятъ въ свое превосходство, то они...

— Нѣтъ. Рѣчь у насъ не о евреяхъ, а о васъ, русскихъ. Я только разъяснялъ, что понимаю подъ словомъ «самосознаніе» и почему считаю наличность такого самосознанія главнымъ признакомъ высшей расы (если, конечно, допустить, что есть высшія и низшія расы). Высшая раса должна обладать прежде всего самосознаніемъ; ей присуща непоборимая гордость, выражающаяся, конечно, не въ спѣси, но въ стойкой выдержкѣ, въ уваженіи къ цѣнностямъ своего духа. Самая мысль о томъ, чтобы подчинить себя и свою душу чужому началу, должна быть органически непріемлема для такой расы. Теперь беремте Иловайскаго и начнемъ мѣрить этой мѣркой вашу русскую исторію.

— Посмотримъ.

— На зарѣ этой исторіи мы встрѣчаемся съ призваніемъ варяговъ. Фактъ замѣчательный. Вы скажете мнѣ, что это басня, а не фактъ. Я знаю. Конечно, на самомъ-то дѣлѣ оно произошло не такъ; вѣроятно, варяжскіе викинги просто на просто захва-

тили когда-то власть силой, и потомъ смутное воспоминаніе объ этомъ событія превратилось въ легенду. Но вѣдь легенда есть плодъ народнаго творчества, и въ ней сказывается народная душа. Поэтому, если за «призваніе варяговъ» русскій народъ не отвѣтственъ, то за легенду о призваніи варяговъ онъ отвѣчаетъ. Та идея, которая лежитъ въ основѣ этой легенды, была, очевидно, вполнѣ пріемлема, совершенно естественна для русскаго народнаго самосознанія, иначе легенда не сохранила бы этой идеи. А въ чемъ эта идея? Что собрались вожди русской земли и рѣшили поставить надъ собою вождя изъ-за границы. Не кто-нибудь, не простое мужичье, а воеводы собрались, и не нашлось у нихъ достаточно самолюбія, чтобы додуматься до другого выхода изъ положенія. Очевидно, народу, который создалъ эту легенду, который такъ объяснялъ себѣ фактъ воцаренія чужеземцевъ, это казалось естественнымъ; очевидно, его не шокировала мысль о томъ, что предки его сами управлять не могли и что единственнымъ средствомъ завести порядокъ было выписать начальника изъ за-границы. Чтобы понять всю соль этой басни, сравните ее съ еврейской легендой о томъ, что произошло на зарѣ еврейской исторіи. На зарѣ еврейской исторіи Израиль уходитъ изъ подъ власти чужеземнаго царя и пускается черезъ пустыню — завоевывать себѣ обѣтованную отчизну. Вамъ не кажется, что въ этихъ двухъ легендахъ — двѣ народныя психологіи?

— Нѣтъ, не кажется. Впрочемъ, я вѣдь не спорю, я слушаю.

— Перелистываемъ Иловайскаго дальше. Останавливаю ваше вниманіе на страницѣ, гдѣ разсказывается,

какъ весь народъ при Владимирѣ принималъ новую вѣру. Стоятъ по горло въ водѣ и принимаютъ новую вѣру. Въ это же самое время они кричатъ Перуну, котораго по княжьему приказу сбросили въ воду: «выдыбай, боже!» То-есть, Перунъ для нихъ еще богъ, который можетъ выплыть. Я понимаю, народъ мѣняетъ вѣру, когда старая расшатана. Но когда старая вѣра еще цѣлехонька, когда она изъ глубины души народной кричитъ «выдыбай, боже!» — въ это самое время лѣзть всѣмъ скопомъ въ воду и принимать новую вѣру — это ясно говоритъ объ одномъ: не было самосознанія, не было гордаго уваженія къ своему внутреннему достоянію, не было ощущенія, что мнѣ нельзя ничего навязать такого, чему нѣтъ корней въ моей совѣсти. Если есть расы высшія и низшія, то **т а к ъ** не дѣйствуетъ высшая.

— Одно замѣчаніе: у Иловайскаго приведена поговорка, объясняющая, почему пришлось лѣзть въ воду. «Добрыня крестилъ мечемъ, а Путята огнемъ».

— Не сомнѣваюсь. Позвольте вамъ только напомнить, для сравненія, что насъ, евреевъ, крестили и огнемъ, и мечомъ; это у насъ не поговорка, а вся наша исторія за 2000 лѣтъ этимъ полна — и, однако, ни Путята, ни Добрыня ничего съ нами не подѣлали. Очевидно, мы такой народъ, съ которымъ нельзя разговаривать съ палкой въ рукахъ... Но я отвлекаюсь; вернемся къ Иловайскому. Передъ нами татарское иго. Это одно изъ самыхъ странныхъ политическихъ явленій на свѣтѣ. Оно почти безпримѣрно. Когда римляне завоевывали страну, они ставили тамъ гарнизонъ, выводили туда римскія или латинскія колоніи; это была оккупація, въ той или иной формѣ. Тутъ было совершенно другое. Послѣ страшнаго раз-

грома татары отхлынули къ себѣ въ орду; они, собственно, эвакуировали Русь, и не фактическимъ постоемъ, а однимъ только угрожающимъ видомъ своимъ, издали, держали ее въ повиновеніи. Вамъ не кажется, что для этого нуженъ былъ ей какой-то особенный... талантъ повиновенія? Конечно, разгромъ былъ ужасный, память объ этомъ урокѣ изгладиться не могла; но, всетаки, есть характеры строптивые, жестоковыйные, которые быстро забываютъ самый кровавый урокъ и дерутся, пока не обрубятъ имъ рукъ,— и есть другіе характеры, помягче. Сравните опять-таки, ради параллели, отношеніе евреевъ къ чужеземному владычеству надъ Палестиной. Пока хоть горсть іудеевъ оставалась на святой землѣ, страна не покорилась. Не съ ордою кочевниковъ, а съ великимъ Римомъ воевали Баръ-Гіора и Баръ-Кохба! Татары оставили удѣльной Руси полную автономію, и она смирялась и платила дань. Римлянамъ пришлось провести плугъ по Іерусалиму, сравнять съ землею цвѣтущіе города Галилеи, истребить и разогнать еврейское населеніе чуть ли не до послѣдняго человѣка, и только тогда Іудея подчинилась. Кровавая баня Тита была тоже страшнымъ «урокомъ», но черезъ 70 лѣтъ Баръ-Кохба уже успѣлъ его забыть. Очевидно, не всѣ расы обладаютъ счастливой способностью такъ свято помнить «уроки», чтобы достаточно было хорошенько «проучить» одинъ разъ, и повиновеніе гарантировано на 200 лѣтъ. Есть расы неукротимыя, и есть поддающіяся укрощенію. Какія «выше»?

— Дѣло вкуса, какъ вы сами сказали. Но я васъ слушаю, продолжайте.

— Нѣтъ, признаться, мнѣ ужъ надоѣло. Мы, вѣдь не такъ интересуемся вашей исторіей, какъ вы, анти-

семиты, нашей. Развѣ еще укажу на одну маленькую деталь, относящуюся къ той же страницѣ Иловайскаго — о татарскомъ игѣ. Тамъ разсказывается, что наши князья ѣздили въ орду на поклонъ и становились на колѣни передъ ханомъ. Я этого не осуждаю, это было очень благоразумно и патріотично. Но вотъ вамъ параллель — изъ романа «Камо грядеши», сочиненіе Сенкевича. Къ Нерону приходятъ разныя лица и становятся на колѣни; только два раввина не преклоняютъ колѣнъ, и Неронъ съ этимъ мирится, ибо, очевидно, понимаетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь: евреи не станутъ на колѣни. Да, словомъ, есть расы и расы, и какая изъ нихъ «выше» — трудно розобрать...

— Знаете, что я вамъ на все это скажу? Вы еще большій руссофобъ, чѣмъ я антисемитъ.

— Это я самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаю. Для меня всѣ народы равноцѣнны и равно хороши. Конечно, свой народъ я люблю больше всѣхъ другихъ народовъ, но не считаю его «выше». Но если начать мѣряться, то все зависитъ отъ мѣрки, и я тогда буду настаивать, между прочимъ, и на своей мѣркѣ: выше тотъ, который непреклоннѣе, тотъ, кого можно истребить, но нельзя «проучить», тотъ, который никогда, даже въ угнетеніи, не отдаетъ своей внутренней независимости. Наша исторія начинается со слова «народъ жестоковыйный» — и теперь, черезъ столько вѣковъ, мы еще боремся, мы еще бунтуемъ, мы еще не сдались. Мы — раса неукротимая во вѣки-вѣковъ; я не знаю высшей аристократичности, чѣмъ эта.

— Гм... — сказалъ русскій. — Да, вы правы, это дѣло вкуса. Я... остаюсь при моемъ вкусѣ.

1911.

ВМѢСТО АПОЛОГІИ

Если вникнуть какъ слѣдуетъ во вкусъ ритуальнаго обвиненія, возникаетъ ощущеніе очень тяжелое, для впечатлительнаго человѣка нестерпимое. Вы вдумайтесь: вѣдь это про насъ — про меня, васъ, вашу мать! Каждый изъ насъ, говоря съ иновѣрцемъ, долженъ, значитъ, помнить, что тотъ, быть можетъ, въ эту самую минуту ежится и думаетъ: «а кто тебя знаетъ, не хлебнулъ ли когда-нибудь и ты изъ ритуальной рюмочки?» Попробуйте во все это вникнуть! Въ сущности, вѣдь это ужаснѣе, чѣмъ все остальное, что мы переносимъ въ этой тюрьмѣ. Я себѣ представляю, что впечатлительный человѣкъ, вдумавшись въ это обвиненіе какъ слѣдуетъ, во всю глубину, можетъ сойти съ ума отъ обиды и отчаянія, или, по крайней мѣрѣ, долженъ рыдать и рвать на себѣ волосы...

Человѣкъ менѣе слабонервный, но зато наивный, долженъ выбѣжать на улицу, хватать тамъ прохожихъ за полу или за пуговицу и доказывать имъ, пока не охрипнетъ горло, что это клевета, что мы ни въ чемъ подобномъ не виноваты. Наконецъ, человѣкъ слѣпорожденный (среди насъ такихъ очень много) поступитъ иначе. Онъ себя успокоитъ обычными успо-

коительными фразами: что въ такую нелѣпость никто въ сущности не вѣритъ; что сами обвинители въ нее не вѣрятъ; что это просто политическій маневръ: что вся благоразумная часть христіанскаго населенія (а таковая, конечно, въ подавляющемъ большинствѣ) слушать не желаетъ подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словомъ, все обстоитъ благополучно и на Шипкѣ спокойно.

Я не принадлежу ни къ впечатлительнымъ, которые охаютъ, ни къ наивнымъ, которые оправдываются, ни къ слѣпорожденнымъ, которые не видятъ, что у нихъ подъ носомъ происходитъ. Особенно рѣзко долженъ отмежеваться отъ послѣдней категоріи. Конечно, очень удобно и очень пріятно воображать, будто всѣ твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное пониманіе непріятельской психологіи всегда въ конечномъ итогѣ приводитъ къ величайшимъ пораженіямъ. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди нашихъ враговъ далеко не всѣ лыкомъ шиты и далеко не всѣ сознательные лжецы. Очень совѣтую одноплеменникамъ моимъ не заблуждаться на этотъ счетъ. Среди правыхъ есть и вполнѣ искренніе люди. Эти люди совершенно искренно вѣрятъ, что евреи дѣйствительно употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ младенцевъ; по крайней мѣрѣ, что среди евреевъ есть такая секта. Эти люди могутъ также совершенно искренно думать, что убійство Ющинскаго въ этомъ смыслѣ подозрительно и что надо его разслѣдовать съ особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупятъ отечественную Ѳемиду, и дѣло будетъ замазано. Они совершенно искренно считаютъ евреевъ богатыми, а отечественную Ѳемиду покладистой. Поэтому отдѣлаться отъ нихъ будетъ не

такъ легко и не такъ просто, какъ это думаютъ многіе изъ насъ. Вообще все это дѣло гораздо сложнѣе.

Оно особенно сложно потому, что вѣра въ ритуальныя убійства распространена не только среди правыхъ. Въ нейтральной, безпартійной массѣ, даже интеллигентной, тоже далеко еще не искоренилось это подозрѣніе. Смѣшно и глупо замалчивать это обстоятельство. Мало ли разъ всякій изъ насъ, кому только приходилось встрѣчаться съ христіанами, слышалъ отъ самыхъ милыхъ людей откровенныя признанія въ этомъ сомнѣніи? Конечно, милые люди выражаютъ это сомнѣніе не въ такой грубой формѣ. Они обыкновенно говорятъ такъ: — конечно, мы не сомнѣваемся, вы и ваши близкіе объ этомъ не знаете. Но... можетъ быть, ваши раввины знаютъ? Мало ли такихъ древнихъ религій, въ которыхъ высшія таинства извѣстны только немногимъ посвященнымъ? — Другіе еще добрѣе, они идутъ еще дальше по пути уступокъ и ставятъ вопросъ такъ: — можетъ быть это какая-нибудь особенная секта? Можете ли вы поручиться, что знаете наперечетъ всѣ секты въ лонѣ еврейства и всѣ тайны каждой секты? Вотъ и у насъ есть изувѣры — хлысты и скопцы — развѣ мы за нихъ въ отвѣтѣ? Зачѣмъ же вамъ такъ волноваться и огуломъ отрицать то, что всетаки, быть можетъ, имѣется въ дѣйствительности? — Такъ говорятъ многіе, очень многіе изъ самыхъ милыхъ нашихъ сосѣдей; причемъ я ихъ называю милыми безъ всякой ироніи, а серьезно. Есть вполнѣ порядочные, совершенно благожелательные люди, которые, однако, высказываются именно въ этомъ смыслѣ. Кто скажетъ, будто такихъ нѣтъ, тому я просто отвѣчу, что онъ говоритъ неправду. Они есть, и всякій изъ насъ имѣлъ случай ихъ видѣть

и слышать. А сколько такихъ, которые не высказываютъ вслухъ, но думаютъ то же или еще хуже? И больше спрошу: гдѣ гарантія, что это подозрѣніе такъ цѣпко держится только въ безпартійной, нейтральной средѣ? Неужели для того, чтобы стать кадетомъ, надо раньше искоренить въ себѣ всѣ предразсудки, даже взрощенные вѣками? Неужели въ рядахъ трудовиковъ нѣтъ мѣста человѣку, который подписывается подъ всей партійной программой, но все-таки еще не можетъ, положа руку на сердце, поручиться, что въ Талмудѣ, который знать онъ не обязанъ, нѣтъ параграфа о ритуальномъ убійствѣ? Не хочу вести это разсужденіе дальше налѣво, только напомню, что главный матеріалъ, изъ котораго строятся или должны-бы строиться русскія лѣвыя партіи, это — или крестьянство, или фабричные, вчера вышедшіе изъ деревни. Наши слѣпорожденные горько ошибаются, и суждено имъ еще горько разочароваться.

Ошибаются во многомъ и наивные — тѣ, что по всякому поводу становятся въ позу и начинаютъ защитительную рѣчь. Ихъ доводы такъ же однообразны, какъ обвиненія противной стороны. Одно и то же изъ вѣка въ вѣкъ. Сначала доказывается, что еврейская вѣра воспрещаетъ употребленіе крови; затѣмъ идетъ доказательство, что самые знаменитые ритуальные процессы всегда кончались торжествомъ истины, оправданіемъ невиновныхъ и посрамленіемъ клеветниковъ. И толпа этихъ доводовъ не слушаетъ, и никто въ толпѣ съ ними не считается. На перечень оправдательныхъ приговоровъ отвѣчаютъ: жиды подкупили судъ. На перечень текстовъ, запрещающихъ употребленіе крови, отвѣчаютъ: значитъ, есть еще одинъ текстъ, кото-

рый разрѣшаетъ, и его-то вы намъ не хотите процитировать. Вся аргументація пропадаетъ даромъ, какъ вода въ дырявой бочкѣ. Я не вообще отрицаю полезность документальной защиты, но она полезна только въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Мѣсто ей — на судѣ, мѣсто ей — въ настоящемъ парламентѣ, но только въ настоящемъ, гдѣ происходитъ дѣйствительно серьезное разсмотрѣніе серьезныхъ вопросовъ. Когда вмѣсто парламента имѣется митингъ, чтобы не сказать хуже, — митингъ, гдѣ съ трибуны несутся ругательства, оскорбленія, призывы «бей», гдѣ резоновъ никто не слушаетъ и документами никто не интересуется, — тогда защитительное краснорѣчіе не имѣетъ никакой цѣнности и никакого смысла. Двѣсти раввиновъ (въ который разъ) печатно побожились, что евреи не пьютъ крови младенцевъ, — и никто этого не замѣтилъ, даже черносотенная пресса не огрызнулась какъ слѣдуетъ: просто прошла мимо, не оглянувшись. То же самое впечатлѣніе произвели и произведутъ всѣ бывшія и будущія рѣчи на эту тему еврейскихъ депутатовъ. Съ документами и доводами считаются тамъ, гдѣ собрались люди съ намѣреніемъ спокойно и безпристрастно изслѣдовать. Въ атмосферѣ свалки, бѣшенства, битья чѣмъ попало — всѣ оправдательныя словеса неумѣстны.

Можетъ быть, даже вредны. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ евреи въ Россіи плотно сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. Это не ихъ вина. Но вотъ что безспорно ихъ вина: они себя держатъ, какъ подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсѣмъ не революціонеры, не уклоняемся отъ воинской повинности и не продавали Россію японцамъ. Выскочилъ Азефъ — мы начинаемъ бо-

житься, что мы не виноваты, что мы совсѣмъ не такіе, какъ онъ. Выскочилъ Богровъ — и опять насъ за шиворотъ тащутъ на скамью подсудимыхъ, и опять мы входимъ въ навязанную роль и начинаемъ оправдываться. Вмѣсто того, чтобы повернуть обвинителямъ спину, ибо не въ чемъ и не передъ кѣмъ намъ извиняться, мы опять божимся, что мы тутъ не при чемъ, и для пущей убѣдительности начинаемъ усердно отплевываться отъ памяти Богрова, хотя надъ этимъ — каковъ бы онъ ни былъ — несчастнымъ юношей, въ часъ изумительной его кончины, и безъ насъ достаточно надругались тѣ десять хамовъ изъ выгребной ямы кіевскаго черносотенства. Теперь подняли гвалтъ о ритуальномъ убійствѣ — и вотъ уже мы опять вошли въ роль подсудимыхъ, мы прижимаемъ руки къ сердцу, перебираемъ дрожащими пальцами старыя кипы оправдательныхъ документовъ, которыми никто не интересуется, и божимся на всѣ стороны, что мы этого питья не потребляемъ, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ... Доколѣ? Скажите, друзья мои, неужели вамъ эта канитель еще не надоѣла? И не время ли, въ отвѣтъ на всѣ эти и на всѣ будущія обвиненія, попреки, заподазриванія, оговоры и доносы, просто скрестить руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, въ качествѣ единственнаго аргумента, который понятенъ и доступенъ этой публикѣ, заявить: убирайтесь вы всѣ къ чорту? Кто мы такіе, чтобы предъ ними оправдываться, кто они такіе, чтобы насъ допрашивать? Какой смыслъ во всей этой комедіи суда надъ цѣлымъ народомъ, гдѣ приговоръ заранѣе извѣстенъ? Съ какой радости намъ по доброй волѣ участвовать въ этой комедіи, освящать гнусную

процедуру издѣвательства нашими защитительными рѣчами? Наша защита безполезна и безнадежна, враги не повѣрятъ, равнодушные не вслушаются. Апологіи отжили свой вѣкъ.

Наша привычка постоянно и усердно отчитываться передъ всякимъ сбродомъ принесла намъ уже огромный вредъ и принесетъ еще большій. Населеніе привыкло къ этому, привыкло слышать изъ нашихъ устъ жалобный тонъ обвиняемаго. Положеніе, которое создалось въ результатѣ, трагически подтверждаетъ извѣстную поговорку: qui s'excuse s'accuse. Мы сами пріучили сосѣдей къ мысли, что за всякаго проворовавшагося еврея можно тащить къ отвѣту цѣлый древній народъ, который законодательствовалъ уже въ тѣ времена, когда сосѣди еще и до лаптя не успѣли додуматься. Каждое обвиненіе вызываетъ среди насъ такой переполохъ, что люди невольно думаютъ: какъ они всего боятся! Видно, совѣсть нечиста. Именно потому, что мы согласны въ любую минуту вытянуть руки по швамъ и принесть присягу, развивается въ населеніи неискоренимый взглядъ на насъ, какъ на какое-то спеціально-вороватое племя. Мы думаемъ, будто наша постоянная готовность безропотно подвергнуться обыску и выворотить карманы въ концѣ-концовъ убѣдить человѣчество въ нашемъ благородствѣ: вотъ мы молъ какіе джентльмены — намъ нечего прятать! Но это грубая ошибка. Настоящіе джентльмены — это тѣ, которые никому и ни за что не позволятъ обыскивать свою квартиру, свои карманы и свою душу. Только поднадзорные готовы къ обыску во всякій часъ. И мы себя ставимъ именно въ такое положеніе, не считаясь съ самой ужасной опасностью: а что, если намъ подбросятъ краденую вещь?

До сихъ поръ ритуальныя убійства подбрасывались намъ почти всегда неумѣлыми, топорными руками. Но я считаю вполнѣ возможнымъ, чтобы и въ этой области сказался однажды общій техническій прогрессъ нашего времени. Можетъ найтись виртуозъ, который такъ умно и тщательно разработаетъ планъ, учтетъ и предусмотритъ всѣ неожиданности, что эффектъ получится самый ослѣпительный. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Среди антисемитовъ теперь есть очень культурные люди, а съ другой стороны — очень богатые и могущественные люди, которымъ доступны самыя вѣрныя средства фальсификаціи. Не такъ трудно теперь найти и еврейчика-лжесвидѣтеля: этого добра и въ прежнія времена было не мало, а теперь особенно. Въ результатѣ могутъ предъ нами въ одинъ прекрасный день разыграть такую правдоподобную комедію ритуальнаго убійства, что самый честный, самый безпристрастный судья поколеблется. Что же мы скажемъ тогда — мы, которые чуть не всю свою оборону строимъ на томъ, что судьи насъ по большей части оправдывали? Но я считаю возможнымъ, даже вполнѣ вѣроятнымъ и другой, гораздо болѣе ужасный случай. Еврейство сильно изнервничалось; кажется, мы одинъ изъ первыхъ народовъ по количеству душевно-больныхъ. Въ той атмосферѣ травли, которую создаетъ вокругъ насъ басня о ритуальномъ убоѣ, могутъ въ концѣ-концовъ у насъ народиться и маніаки, помѣшавшіеся на этой баснѣ. Если не ошибаюсь, въ Падуѣ въ XVI вѣкѣ былъ такой случай: еврей Давидъ Морпурго впалъ въ безуміе и сталъ кричать, чтобы къ нему привели 3-лѣтнюю дочь сосѣда-католика — онъ ее зарѣжетъ и окропитъ ея кровью опрѣснокъ. Раввины связали его и вы-

дали властямъ; по счастью, безуміе его оказалось очевиднымъ, и дѣло не кончилось погромомъ. Но за 400 лѣтъ наши нервы сильно расшатались, и теперь не будетъ чудомъ, если явится болѣе утонченный маніакъ, который кричать не станетъ, а просто возьметъ и сдѣлаетъ. Я считаю страннымъ счастьемъ, что этого до сихъ поръ не случилось. Не забудьте, среди какого кошмара мы живемъ, подъ какимъ ужасомъ воспитывается наша молодежь. Мы уже видѣли такихъ, которые помѣшались на революціи, на террорѣ, на экспропріаціяхъ; въ эпидеміи самоубійствъ есть несомнѣнная примѣсь психическаго разстройства; недавнее половое повѣтріе тоже выдвинуло замѣтный элементъ явныхъ маніаковъ. И вотъ, если разразится такая бѣда, что мы скажемъ, какіе тексты вытащимъ? Будемъ ждать реабилитаціи своего народнаго имени отъ суда и экспертовъ: если они признаютъ, что это сумасшедшій, то наша честь спасена; а если маніакъ попадется вродѣ Джека-потрошителя, трезвый и уравновѣшенный во всемъ, кромѣ своей маніи, и покажется экспертамъ здоровымъ, тогда мы, значитъ, признаемъ себя обезчещенными навѣкъ? Ибо таковъ будетъ неотвратимый выводъ изъ **нашей** маніи — реагировать на каждый попрекъ, принимать всенародно отвѣтственность за каждый проступокъ еврея, оправдываться передъ кѣмъ попало — въ томъ числѣ и чортъ знаетъ передъ кѣмъ.

Я считаю эту систему ложной до самаго корня. Насъ не любятъ не потому, что на насъ взведены всяческія обвиненія: на насъ взводятъ обвиненія потому, что не любятъ. Оттого этихъ обвиненій такъ много, они такъ разнообразны и такъ противорѣчивы. Сегодня намъ кричатъ, что мы эксплуатируемъ бѣд-

ныхъ, завтра кричатъ, что мы сѣемъ соціализмъ, ведемъ бѣдныхъ противъ эксплуататоровъ. Одна польская газета на-дняхъ увѣряла, что евреи расчленили Польшу и отдали ее Россіи, а 100 русскихъ газетъ увѣряютъ, что евреи хотятъ расчленить Россію и возстановить Польшу. Итальянцы увѣряютъ, что нападки на нихъ во всей европейской прессѣ — дѣло евреевъ, а турецкая оппозиція утверждаетъ, что на захватъ Триполи подбили Италію евреи. Что же, на весь этотъ визгъ и лай со всѣхъ сторонъ надо откликаться, божиться, увѣрять, присягать? Немыслимо и безполезно. Если даже опровергнемъ одно, родится другое. Человѣческая злоба и глупость неистощимы. Съ оправданіями можно выступать только въ рѣдкіе, исключительно важные моменты, когда есть полная увѣренность, что сидящій предъ тобою ареопагъ дѣйствительно имѣетъ справедливыя намѣренія и надлежащую компетенцію. Но дѣлать изъ апологіи систему для каждаго дня, выносить ее на улицы, на трибуну митинга, хотя бы и именуемаго парламентомъ, на летучіе столбцы газеты — это значитъ унижать себя до равенства съ лающей псарней.

Намъ не въ чемъ извиняться. Мы народъ, какъ всѣ народы; не имѣемъ никакого притязанія быть лучше. Въ качествѣ одного изъ первыхъ условій равноправія, требуемъ признать за нами право имѣть своихъ мерзавцевъ, точно такъ же, какъ имѣютъ ихъ и другіе народы. Да, есть у насъ и провокаторы, и торговцы живымъ товаромъ, и уклоняющіеся отъ воинской повинности, есть, и даже странно, что ихъ такъ мало при нынѣшнихъ условіяхъ. У другихъ народовъ тоже много этого добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, — и, однако, ни-

чего, сосѣди живутъ и не стѣсняются. Нравимся мы или не нравимся, это намъ, въ концѣ-концовъ, совершенно безразлично. Ритуальнаго убійства у насъ нѣтъ и никогда не было; но если они хотятъ непремѣнно вѣрить, что «есть такая секта» — пожалуйста, пусть вѣрятъ, сколько влѣзетъ. Какое намъ дѣло, съ какой стати намъ стѣсняться? Краснѣютъ развѣ наши сосѣди за то, что христіане въ Кишиневѣ вбивали гвозди въ глаза еврейскимъ младенцамъ? Нисколько: ходятъ, поднявъ голову, смотрятъ всѣмъ прямо въ лицо, и совершенно правы, ибо такъ и надо, ибо особа народа царственна, не подлежитъ отвѣтственности и не обязана оправдываться. Даже тогда, когда есть въ чемъ оправдываться. Съ какой же радости лѣзть на скамью подсудимыхъ намъ, которые давнымъ-давно слышали всю эту клевету, когда нынѣшнихъ культурныхъ народовъ еще не было на свѣтѣ, и знаемъ цѣну ей, себѣ, имъ? Никому мы не обязаны отчетомъ, ни передъ кѣмъ не держимъ экзамена, и никто не доросъ звать насъ къ отвѣту. Раньше ихъ мы пришли и позже уйдемъ. Мы такіе, какъ есть, для себя хороши, иными не будемъ и быть не хотимъ.

1911.

ФАЛЬСИФИКАЦІЯ ШКОЛЫ

Почитать передовыя газеты — выходитъ такъ, будто въ законопроектѣ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, который теперь обсуждается въ Государственной Думѣ, одно большое горе: земства и городскія самоуправленія отстранены отъ завѣдыванія проектируемою начальною школой. Если бы не эта бѣда, то со всѣмъ остальнымъ, сдѣлавъ маленькія поправки, можно было бы примириться. Такъ выходитъ по газетамъ, особенно по столичнымъ. Несомнѣнно, что устраненіе земствъ и городскихъ думъ — большая бѣда; хотя, съ другой стороны, нельзя забывать и о томъ, что при нынѣшнихъ порядкахъ возможны такіе составы земскихъ управъ и городскихъ муниципалитетовъ, которые, пожалуй, куда свирѣпѣе самаго свирѣпаго столоначальника. Но дѣло въ томъ, что и при передачѣ школъ въ самое полное и безграничное вѣдѣніе мѣстныхъ самоуправленій — этотъ законопроектъ остался бы абсолютно непріемлемъ безъ малаго для двухъ третей населенія Россіи, т. е. для той его части, которая не принадлежитъ къ великорусской народности. Ибо вопросъ о всеобщей школѣ есть прежде всего вопросъ о языкѣ преподаванія.

У «насъ» объ этомъ всегда забываютъ. Либералы-то «мы» либералы, радикалы-то «мы» радикалы. а въ нѣ-

которыхъ важныхъ отношеніяхъ «наше» міросозерцаніе вполнѣ направляется и диктуется начальствомъ. Начальство принципіально не признаетъ разницы между понятіями «русское» и «россійское», и «мы» тоже въ концѣ-концовъ игнорируемъ эту разницу. Между тѣмъ она очень почтенна: «русское» означаетъ свойственное одной изъ народностей, населяющихъ Имперію, а «россійское» означаетъ свойственное всей Россіи. Конечно, русская народность — величайшая въ государствѣ, богатѣйшая по культурной силѣ — по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи; она своимъ трудомъ и талантомъ создала это громадное государство, и она при какихъ угодно политическихъ реформахъ, въ силу своего удѣльнаго вѣса, останется здѣсь «первой среди равныхъ». Но — среди равныхъ, а это у «насъ» даже радикалы забываютъ. Забываютъ, пользуясь тѣмъ, что вѣковое казенное насиліе культурно обезплодило почти всѣ эти національныя меньшинства, задушило въ корнѣ ихъ творческія попытки и заставило — или отказаться отъ просвѣщенія, или искать его въ чужомъ источникѣ. Въ концѣ концовъ, это забвеніе, это замалчиваніе самой наличности гигантскаго иноязычнаго большинства незамѣтно и (надѣюсь) безсознательно превращается у «насъ» въ косвенное содѣйствіе казенной руссификаціи. Создается такое впечатлѣніе, словно всѣ уже обрусѣли, а тѣ, которые еще не успѣли, только о томъ и мечтаютъ, чтобы обрусѣть; слѣдовательно, давайте имъ помогать въ этомъ похвальномъ стремленіи и насаждать русскую культуру въ качествѣ всероссійской. А инородцы удовольствуются театрами для простонародія — конечно въ такое время, когда сцена не занята подъ «серьезные» спектакли.

Между тѣмъ въ дѣйствительности это все обстоитъ далеко не такъ. Большая публика мало знакома даже съ элементарной ариѳметикой государства — съ оффиціальной статистикой населенія. А не мѣшало бы знать. Въ 1897 году правительствомъ была произведена всероссійская однодневная перепись, результаты которой были оффиціально опубликованы лѣтъ 5—6 тому назадъ. По этой переписи населеніе Россіи въ отношеніи родного языка распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Великороссы	43,30	проц.	всего	населенія.
Украинцы	17,41	»	»	»
Поляки	6,17	»	»	»
Бѣлоруссы	4,57	»	»	»
Евреи	3,94	»	»	»
Киргизы	3,18	»	»	»
Татары	2,91	»	»	»
Нѣмцы	1,40	»	»	»
Литовцы	1,29	»	»	»
Латыши	1,12	»	»	»
Башкиры	1,12	»	»	»
Грузины	1,05	»	»	»
Армяне	0,91	»	»	»
Молдаване	0,87	»	»	»
Мордва	0,79	»	»	»
Эсты	0,78	»	»	»

Остальныя народности, насчитывающія меньше милліона членовъ, опускаю для краткости. Надо имѣть въ виду, что подъ этими скромными на видъ процентами скрываются громадныя абсолютныя цифры. Украинцевъ, напримѣръ, 22 съ половиною милліона —

на 4 милліона больше, чѣмъ, напримѣръ, испанцевъ въ Испаніи. «Какихъ-нибудь» литовцевъ — 1.658.000 тысячъ: въ Норвегіи въ то же время насчитывалось немногимъ больше 2 милліоновъ населенія, а между тѣмъ норвежская культура поставляетъ модныхъ писателей на весь цивилизованный міръ. Иными словами, все это крупные народы, которые при другихъ условіяхъ могли бы создать свою самобытную культуру, прославить имя свое и, въ концѣ концовъ, принести общему отечеству Россіи несмѣтно больше пользы, чѣмъ теперь, когда они прозябаютъ почти всѣ на задворкахъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія къ великорусской народности. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство: количество великороссовъ въ переписи несомнѣнно преувеличено, такъ какъ на русскомъ языкѣ говоритъ — особенно въ городахъ Малороссіи, западнаго края, юга, Поволжья, сѣвернаго Кавказа — множество руссифицированныхъ инородцевъ, которые, однако, признаютъ себя членами другихъ національностей и при первой возможности воспитали бы своихъ дѣтей на другомъ языкѣ. Такихъ элементовъ особенно много среди украинцевъ, а также евреевъ и армянъ. Несомнѣнно были крупныя ошибки въ пользу великорусскаго элемента и при переписи въ сельскихъ мѣстностяхъ Поволжья, гдѣ мордва, черемисы и чуваши сильно перемѣшаны съ русскими. Не рискуя впасть въ грубую ошибку, можно сказать навѣрняка, что дѣйствительное количество великороссовъ въ Россіи врядъ ли многимъ выше одной трети всего ея населенія. Это, приблизительно, то же мѣсто, которое занимаютъ нѣмцы въ Австріи.

Конечно, дѣло не въ однѣхъ цифрахъ, дѣло главнымъ образомъ въ психологіи: есть ли у всѣхъ этихъ

народностей воля къ національной жизни, или онѣ, быть можетъ, уже примирились съ перспективой растворенія въ котлѣ чужой культуры? У «насъ» часто увѣряютъ, будто уже примирились; особенно настойчиво утверждаютъ это по отношенію къ украинцамъ и бѣлоруссамъ. Какіе, молъ, они украинцы, какіе бѣлоруссы! Они сами только о томъ и мечтаютъ, какъ бы скорѣе разучиться говорить по-мужичьи и перейти къ господской рѣчи. Сюда, обыкновенно, пришпиливается «филологическая» справка о томъ, что украинскій (а тѣмъ болѣе бѣлорусскій) языкъ не языкъ даже, а просто нарѣчіе, одинъ изъ говоровъ великорусскаго. Эта филологическая справка есть простая болтовня: испанскій и итальянскій, норвежскій и датскій, нѣмецкій и голландскій языки еще ближе другъ къ другу, чѣмъ русскій и украинскій, а все-таки это особые языки съ особыми культурами, потому что самостоятельность языка опредѣляется не филологами, а сознаніемъ народовъ. Впрочемъ, и съ филологической стороны дѣло обстоитъ не такъ плохо: въ 1905 году петербургская академія наукъ, въ отвѣтъ на запросъ комитета министровъ, составила докладную записку, гдѣ обстоятельно доказывалось, что украинскій языкъ самъ по себѣ, а русскій самъ по себѣ, и что замѣна перваго вторымъ въ народныхъ школахъ Малороссіи привела къ пониженію культурнаго уровня. — Но помимо всего этого, самостоятельное развитіе украинской культуры есть фактъ непреложный и, такъ сказать, оффиціальный — въ двухъ шагахъ отсюда, въ Галиціи. Нечего ужъ говорить о литературѣ, театрѣ и печати; но на этомъ языкѣ — несмотря на всѣ стѣсненія и препятствія со стороны шляхты, хозяйничающей въ краѣ, — тамъ ведется и

преподаваніе въ народныхъ школахъ и въ нѣсколькихъ гимназіяхъ; въ львовскомъ университетѣ на этомъ языкѣ читаются нѣкоторыя лекціи, и на очереди стоитъ вопросъ объ учрежденіи спеціально-русинскаго университета; наконецъ, на этомъ языкѣ обязаны судить и рядить судьи и чиновники въ восточной Галиціи. Всему этому изъ Россіи помѣшать нельзя, и потому вопросъ о томъ, «можетъ» ли и «долженъ» ли украинскій языкъ создать особую культуру, есть вопросъ праздный. Какіе тамъ разговоры, какое тамъ «можетъ» или «долженъ», когда есть на лицо.

Вопросъ же о томъ, есть ли у многочисленныхъ народностей Россіи воля къ національно самобытной жизни, рѣшается тоже не разсужденіями, а фактами, опытомъ жизни. Ясный отвѣтъ даетъ недавно вышедшая книга «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ». Тамъ въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ, написанныхъ такими спеціалистами, какъ проф. Грушевскій, Л. Крживицкій, С. Дубновъ, членъ Думы Булатъ, прив.-доц. Аваловъ, Л. Штернбергъ, изображено настроеніе главнѣйшихъ народностей европейской и азіатской Россіи въ эпоху освободительнаго движенія. Выводы получаются очень любопытные. Оказывается, при первомъ вѣтеркѣ свободы всѣ онѣ, безъ исключеній, потребовали эмансипаціи отъ чуждой имъ русской культуры и права на свою національную школу. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ сентябрѣ 1906 года епархіальный съѣздъ духовенства (!) Подольской губерніи возбудилъ предъ синодомъ ходатайство о введеніи въ начальныхъ школахъ губерніи преподаванія всѣхъ предметовъ на украинскомъ языкѣ, а также о введеніи обязательнаго изученія украинскаго языка, исторіи и литературы въ каменецъ-подольской

духовной семинаріи. Полтавская городская дума постановила вести въ школѣ имени Котляревскаго преподаваніе на украинскомъ языкѣ. Во множествѣ сельскихъ школъ эта реформа была введена «явочнымъ порядкомъ» — не только на крамольномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, но и въ благонамѣренной правобережной Украйнѣ, напр., въ Брацлавскомъ уѣздѣ. — Съѣздъ бѣлорусскихъ учителей, собравшійся въ маѣ 1907 года, постановилъ о необходимости вести все преподаваніе въ начальныхъ школахъ на бѣлорусскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ образовалась «Беларуская національная хэура» — союзъ учащихся въ Глуховскомъ учительскомъ институтѣ (Черниговской губ.); союзъ тоже ставитъ своей цѣлью національзацію школы. Авторъ статьи, г. А. Новина, сообщаетъ: «Намъ извѣстенъ рядъ школъ — конечно, частныхъ, гдѣ обученіе дѣтей ведется по бѣлорусски (въ Могилевской, Минской и Виленской губ.). Спросъ на учителей для такихъ школъ ростетъ». — У евреевъ требованіе національней школы, съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на еврейскомъ языкѣ, выставлено было всѣми, безъ исключенія, еврейскими партіями: и сіонистами, и Бундомъ, и даже петербургской обрусѣлой буржуазіей. — У литовцевъ борьба за родной языкъ осложнялась борьбою за родной алфавитъ: до 1904 было запрещено печатать литовскія книги иначе, какъ русскими буквами. Однако, «литовскіе родители считали и считаютъ своей обязанностью хоть тайно обучать своихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, чтенію на литовскомъ языкѣ». Въ дни свободы началась въ сельскихъ школахъ повальная замѣна чужихъ учителей литовскими. Возникли разнаго рода культурно-просвѣтительныя общества. Одно изъ нихъ, «Свѣтило», осно-

вало рядъ школъ, гдѣ преподаваніе велось на литовскомъ языкѣ; другое, «Свѣтъ», съ 18 отдѣленіями, 10 библіотеками, организовало театральную группу и тоже учреждало школы. Въ 1905 году образовался «союзъ учителей-литовцевъ», требовавшій націонализаціи всѣхъ школъ Литвы и возрожденія виленскаго университета, но уже не въ качествѣ польскаго, а литовскаго. — Латыши требовали латышскаго языка въ школѣ, судѣ и самоуправленіи, латышскаго городского театра въ Ригѣ (частные театры у этого въ высшей степени культурнаго народа есть въ изобиліи), даже латышскихъ надписей на улицахъ, трамваяхъ и т. д. — У армянъ «подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и новыхъ идейныхъ факторовъ, національная идея не только не ослабѣваетъ, но пріобрѣтаетъ болѣе широкій и ясный характеръ». Нѣкоторые остатки національной школы у армянъ еще сохранились, благодаря церковной автономіи, такъ что въ этомъ отношеніи имъ въ 1905—6 году пришлось требовать не реформы, а только упроченія и развитія существовавшаго порядка. — У калмыковъ и башкиръ въ 1907 году возникли «учительскіе союзы» съ національно-культурною программой. Буряты «категорически требуютъ введенія родного языка въ школѣ, судѣ и самоуправленіи»; они же учреждаютъ издательство учебниковъ и переводныхъ книгъ. Въ апрѣлѣ 1904 г. состоялся въ Читѣ съ разрѣшенія губернатора съѣздъ бурятъ и тунгусовъ Забайкалья, выработавшій проектъ реформы управленія краемъ, а въ томъ числѣ всеобщаго обязательнаго обученія на монгольскомъ языкѣ. Якуты учредили въ Якутскѣ національный театръ, гдѣ ставились «не только драмы, но даже оперы» и т. д.

Всѣхъ не перечислишь, да и не нужно. Все, вѣдь, это смела реакція, уничтожила большую часть драгоцѣнныхъ культурныхъ ростковъ. Но приведенные факты остаются фактами и непреложно доказываютъ одно: воля къ національно-самобытной жизни есть. Около 60 процентовъ населенія Россіи не хотятъ великорусской школы, ибо хотятъ учиться на своихъ языкахъ и творить свои культуры. Россія имъ дорога, какъ идея общности, взаимной защиты, круговой поруки; она имъ рисуется въ перспективѣ будущаго прекраснымъ человѣческимъ садомъ, гдѣ самые разнообразные культурные цвѣтки мирно распускаются одинъ подлѣ другого, каждый въ своемъ своеобразіи, соперничая другъ съ другомъ красотой и ароматомъ, а не кулакомъ и обухомъ. Внѣ этого идеала для нихъ нѣтъ просвѣщенія и нѣтъ прогресса, а есть только грубое насиліе, загримированное (да еще неудачно) подъ цвѣта просвѣщенія и прогресса.

Законопроектъ предусматриваетъ какое-то двухлѣтнее обученіе на «мѣстномъ» языкѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы съ третьяго года все преподавалось по-русски; но и эта «льгота» предположена только для уѣздовъ съ нерусскимъ большинствомъ, причемъ, конечно, украинцы и бѣлоруссы будутъ любезно зачислены въ составъ «русскаго большинства». Кромѣ того, предстоитъ, очевидно, отборъ «мѣстныхъ» языковъ, причемъ нѣкоторые будутъ просто признаны несуществующими: украинскаго языка не существуетъ, бѣлорусскаго тоже, молдавскаго въ Бессарабіи тоже, финскихъ нарѣчій на Волгѣ и на сѣверѣ тоже, а о еврейскомъ языкѣ и говорить нечего: «обрѣтается въ нѣтѣхъ» и не имѣетъ никакой культурной реальности. Нѣсколько щедрѣе оказываются, судя по теле-

граммамъ, октябристы: они собираются голосовать за четырехлѣтнюю, а не двухлѣтнюю отсрочку принудительной руссификаціи. Но и октябристы несогласны признать школьными языками такіе, какъ украинскій или еврейскій. 22.500.000 малороссовъ, 6 милліоновъ бѣлоруссовъ, 6 милліоновъ евреевъ, 3 милліона поволжскихъ и сѣверно-россійскихъ финновъ и прочая «мелкота» обрекаются на національное исчезновеніе.

Конечно, въ самомъ горькомъ положеніи окажутся при этомъ порядкѣ евреи. Этотъ народъ живетъ главнымъ образомъ среди поляковъ, украинцевъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ, эстовъ, латышей и молдаванъ и меньше всего соприкасается съ великороссами. Какъ же будетъ рѣшена его судьба? въ какія школы будутъ гнать его дѣтей? Изъ проекта это неясно. Во всякомъ случаѣ, разъ преподаваніе на еврейскомъ языкѣ исключено, а посѣщеніе школы обязательно, остается одно изъ двухъ: или школы мѣстнаго большинства — польскія, литовскія, латышскія, эстонскія, нѣмецкія, — или русская школа. Въ томъ и въ другомъ случаѣ горемычному племени уготовляется въ недалекомъ будущемъ перспектива, одновременно курьезная и трагическая. Что значитъ обученіе въ школахъ мѣстнаго большинства, это мы видимъ въ Австріи, гдѣ часть евреевъ воспитывается по-нѣмецки, часть по-польски, часть по-чешски, часть по-итальянски, всѣ они другъ отъ друга отрѣзаны, другъ друга не понимаютъ, не могутъ объединиться ни для отпора противъ антисемитизма, ни для борьбы за дѣйствительное осуществленіе бумажнаго равноправія и, въ результатѣ, представляя собою народъ въ милліонъ съ четвертью индивидуумовъ, не играютъ въ Австріи никакой политической роли, тогда какъ словинцы,

итальянцы, хорваты, которыхъ гораздо меньше, имѣютъ въ рукахъ прочную долю вліянія на государственныя дѣла и извлекаютъ изъ этого вліянія реальныя выгоды. Тѣмъ хуже будетъ въ Россіи, гдѣ равноправія не только на бумагѣ, но и въ перспективѣ нѣтъ, и гдѣ евреямъ, какъ свѣтъ и воздухъ, необходимо единство, солидарность, организація. Вмѣсто этого имъ, кажется, предоставлено будетъ распредѣлиться по націямъ: рижскіе будутъ числиться латышами, ковенскіе литовцами, ломжинскіе поляками, а мы, южане, значитъ, будемъ великороссы. А тамъ, дастъ Богъ, лѣтъ черезъ 20, разовьются у насъ и соотвѣтствующія національныя чувства. Мы, южные великороссы моисеева закона, будемъ гордо смотрѣть сверху внизъ на ковенскихъ литвиновъ іудейскаго вѣроисповѣданія и будемъ ихъ корить:

— Что у васъ за культура? Ерунда, а не культура. «Наша» лучше!

А «литвинъ» скажетъ:

— Врешь, «наша» куда лучше!

Въ Австріи эта картинка встрѣчается сплошь и рядомъ. Худшіе шовинисты-подстрекатели, наиболѣе рѣзко призывающіе вѣнскихъ нѣмцевъ душить чеха,— это евреи изъ редакціи «Neue Freie Presse». Зато въ австрійскомъ рейхсратѣ три четверти нѣмецкихъ депутатовъ — непримиримые антисемиты, а въ Вѣнѣ двадцать лѣтъ господствуютъ христіанскіе соціалисты.

Еще пріятнѣе другая альтернатива: если насъ заставятъ учиться только по-русски. Уже и теперь евреи во многихъ городахъ черты осѣдлости, гдѣ великорусскаго населенія нѣтъ, являются единственными, такъ сказать, представителями русской культуры, т. е., говоря точнѣе, единолично руссифицируютъ

край. Вильна, напримѣръ, руссифицирована только еврейской интеллигенціей; и что-то незамѣтно, чтобы за эту услугу евреевъ очень любили тамошніе великороссы, — а зато поляки и литовцы открыто ставятъ евреямъ этотъ подвигъ въ большую вину. То же самое въ Малороссіи. Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но когда рѣчь заходитъ о руссификаторской роли еврейской интеллигенціи, эта печать выходитъ изъ себя и положительно сбивается на антисемитскія ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать. Ибо вѣдь дѣйствительно правда, что города Украйны, гдѣ великороссовъ можно по пальцамъ перечесть, и вполовину бы не носили того характера, который носятъ теперь, если бы еврейская интеллигенція не такъ усердно шла навстрѣчу администраціи въ смыслѣ насажденія русскаго языка. Прикрѣпощеніе евреевъ къ русской школѣ зафиксируетъ этотъ порядокъ вещей и сдѣлаетъ еврейское населеніе окончательно ненавистнымъ въ глазахъ самыхъ демократическихъ элементовъ мѣстнаго большинства...

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ ясный выводъ: всеобщее обязательное обученіе, если оно не производится для каждой группы населенія на томъ языкѣ, который группа эта признаетъ языкомъ своей національной культуры, не имѣетъ ничего общаго ни съ просвѣщеніемъ, ни съ прогрессомъ. Ярко и отчетливо заявилъ это однажды въ Думѣ польскій депутатъ: лучше никакой школы, чѣмъ такая. Нѣтъ ни одного здороваго народа, который не присоединился бы къ этимъ словамъ.

1910.

О ЯЗЫКАХЪ И ПРОЧЕМЪ

П. Б. Струве въ январской книжкѣ «Русской Мысли» (1911) затронулъ интересный и важный вопросъ. Жаль только, что затронулъ мимоходомъ и аподиктически разрѣшилъ на 4 страничкахъ. Этотъ споръ объ этнической природѣ государства россійскаго, о томъ, считать или не считать малороссовъ и бѣлоруссовъ за особыя націи, о томъ, быть ли Россіи «національнымъ государствомъ», или же пути ея ведутъ къ такъ называемому Nationalitätenstaat, — споръ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго, самаго, если позволено такъ выразиться, увѣсистаго обсужденія. И я глубоко убѣжденъ, что постепенно онъ и станетъ во всей серьезной россійской публицистикѣ предметомъ такого именно обсужденія. Ибо вопросъ о національностяхъ есть для Россіи кардинальный вопросъ ея будущности, болѣе важный, болѣе основной, чѣмъ всѣ другія политическія и даже соціальныя проблемы, включая хотя бы самое аграрную реформу. Пишу эти слова и, конечно, знаю, что лишь очень немногіе съ ними согласятся. И тѣмъ не менѣе, — оно все же такъ. Было время, когда и въ Австріи думали, будто національная проблема есть второстепенная мелочь, скромно отходящая на задній планъ, какъ только

на сцену выступаютъ «настоящіе» интересы, особенно экономическіе. А жизнь доказала, что все бытіе государства, точно вокругъ оси, обречено вращаться вокругъ проблемы національностей, и подъ конецъ даже соціалъ-демократія стала давать основательныя трещины какъ разъ по швамъ національныхъ раздѣленій. Отъ судьбы не ушла Австрія, отъ судьбы не уйдутъ и ея сосѣди.

Я тоже не имѣю въ виду браться за «увѣсистое» разсмотрѣніе вопроса, затронутаго П. Б. Струве. Но хочу сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній по поводу одной изъ деталей этого вопроса: о томъ, куда зачислить малороссовъ и бѣлоруссовъ. Врядъ ли, впрочемъ, умѣстно тутъ слово «деталь»: это не деталь, а центръ тяжести всего спора. Въ самомъ дѣлѣ: если малороссовъ и бѣлоруссовъ зачислить, какъ хочетъ П. Б. Струве, въ составъ единой русской націи, то нація эта возрастаетъ до 65 процентовъ всего населенія имперіи, т. е. до громаднаго большинства въ двѣ трети; и тогда, пожалуй, картина дѣйствительно недалека отъ «національнаго государства». Наоборотъ, если малороссовъ и бѣлоруссовъ считать за особыя народности, то господствующая національность сама оказывается въ меньшинствѣ (43 проц.) противъ остального населенія, а сообразно тому измѣняются и всѣ виды на будущее. Поэтому смѣло можно сказать, что разрѣшеніе спора о національномъ характерѣ Россіи почти всецѣло зависитъ отъ позиціи, которую займетъ тридцатимилліонный украинскій народъ. Согласится онъ обрусѣть — Россія пойдетъ по одной дорогѣ, не согласится — она волей-неволей пойдетъ по другому пути. Прекрасно поняли это правые въ Государственной Думѣ. Когда рѣшался вопросъ о язы-

кахъ инородческой школы, они, смѣху ради, голосовали даже за какихъ-то «шайтановъ» и «казанскихъ грековъ»; они даже не подняли рукъ противъ еврейскаго языка, очевидно, желая сдѣлать весь законопроектъ ненавистнымъ и непріемлемымъ для начальства; но когда рѣчь зашла объ украинскомъ языкѣ, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты, и просто подняли руки противъ, ибо почуяли, что тутъ самое опасное мѣсто, рѣшительный шагъ, при которомъ ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать не приходится.

Возраженіе П. Б. Струве вызвано слѣдующими моими строками, напечатанными въ той же «Русской Мысли»:

«На этихъ страницахъ П. Б. Струве неоднократно высказывалъ, что считаетъ Россію государствомъ національно-русскимъ. Въ этомъ очеркѣ не мѣсто спорить о такомъ сложномъ вопросѣ; но считаю нужнымъ кратко оговорить, что стою на рѣзко противоположной точкѣ зрѣнія. Примыкаю къ тѣмъ, которые не закрываютъ глазъ на статистику и помнятъ, что народность, языкъ которой называется русскимъ, составляетъ, по несомнѣнно преувеличеннымъ даннымъ переписи 1897 г., всего 43 процента населенія Имперіи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, «инородцы», добровольно согласились на роль безплатнаго приложенія къ великорусской народности. Относясь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ этой народности и къ ея могучей культурѣ, желая съ ней жить и дальше въ тѣсной близости духовнаго обмѣна, они, однако, полагаютъ, что естественной вотчиной этой культуры являются предѣлы этнографической Великороссіи, и если теперь оно не такъ,

то причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи. Мы, «инородцы», предвидимъ только одну изъ двухъ возможностей: или въ Россіи никогда не будетъ свободы и права, или каждый изъ насъ сознательно использует свободу и право прежде всего для развитія своей самобытной національной личности и для эмансипаціи отъ чужой культуры. Или Россія пойдетъ по пути національной децентрализаціи, или въ ней немыслимо будетъ ни одно изъ основаній демократіи, начиная со всеобщаго избирательнаго права. Для Россіи прогрессъ и Nationalitätenstaat — синонимы, и всякая попытка перескочить черезъ эту истину, утвердить въ государствѣ прочный порядокъ наперекоръ волѣ и сознанію трехъ пятыхъ населенія — кончится крахомъ. Такъ полагаютъ «инородческіе» націоналисты, и не только они; а кто правъ, отвѣтитъ будущее».

— «Изумительно прежде всего», — отвѣчаетъ П. Б. Струве, — «въ какой мѣрѣ политическая или иная тенденція способна слѣпить глаза и скрывать отъ зрѣнія самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей, скрываетъ отъ нѣкоторыхъ людей огромный историческій фактъ: *существованіе русской націи и русской культуры*. Именно русской, а не великорусской. Ставя въ одинъ рядъ этнографическіе «термины» — «великорусскій», «малорусскій», «бѣлорусскій», авторъ забываетъ, что есть еще терминъ «русскій», и что «русскій» не есть какая-то отвлеченная «средняя» изъ тѣхъ трехъ «терминовъ», а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія, творимая нація (nation in the making, какъ говорятъ о себѣ американцы)».

Прежде всего замѣчу, что П. Б. Струве не правъ, полагая, будто я забываю о терминѣ «русскій». Напротивъ. Я даже совершенно согласенъ съ г. Струве въ томъ, что русская нація и культура «не есть какая-то отвлеченная средняя» изъ великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Конечно, не есть. Русскимъ языкомъ называется у людей языкъ одного только великорусскаго племени; ни украинскаго, ни бѣлорусскаго языка этотъ терминъ не обхватываетъ. А русскою національной культурой называется культура, созданная на этомъ языкѣ. На языкѣ великороссовъ и только великороссовъ, а не на какомъ-то отвлеченномъ «среднемъ» изъ трехъ языковъ. Ибо такого средняго и на свѣтѣ нѣтъ. Слѣдовательно, русская культура есть національная культура великорусскаго племени. Малороссовъ и бѣлоруссовъ можно заставить присоединиться къ ней, или можно даже мечтать, что они къ ней всѣ добровольно присоединятся; но это будетъ именно присоединеніе къ *чужой* (хотя бы и родственной) культурѣ, созданной *не на природномъ* языкѣ присоединяющихся національностей. Термины «русская культура» и «великорусская культура», взятые въ чистомъ своемъ значеніи, совершенно совпадаютъ, ибо русскій языкъ и русская культура ни для кого, кромѣ великороссовъ, не являются природными. Я лично всегда охотнѣе употребляю терминъ «русскій» вмѣсто «великороссъ»; если въ данномъ случаѣ отступилъ отъ этой привычки, то только во избѣжаніе неясности, такъ какъ зналъ, что есть — повторю выраженіе П. Б. Струве — «какая-то упорная традиція» совершенно неточно смѣшивать подъ словомъ «русскій» въ одну кучу три народа, отличные другъ отъ друга по языку, по исторіи, по темпераменту, по физическому типу,

по внутренней индивидуальности, по быту и общественному строю.

Есть «какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей», увѣрять самихъ себя и всѣхъ добрыхъ людей, будто русская нація есть не «живая культурная сила», реальная, осязаемая и отграниченная, а именно «какая-то отвлеченная средняя», нѣкая метафизическая сущность, сочетающая въ своемъ единствѣ три различныхъ начала. Это, конечно, чистѣйшая фантазія. Но, мнѣ кажется, если кто заслуживаетъ упрека въ такомъ фантазированіи, то ужъ никакъ не тѣ, для кого русская нація сама по себѣ, и украинская или бѣлорусская — тоже сама по себѣ, — а скорѣе тѣ, которые не признаютъ тождества «русской» культуры съ «великорусской» и непремѣнно хотятъ придать первому термину какое-то болѣе широкое значеніе...

Правда, сами украинскіе публицисты часто употребляютъ слово «русскій» въ другомъ значеніи, чисто этнографическомъ, и въ этомъ смыслѣ причисляютъ къ «русскому племени» и украинскую народность. Если не ошибаюсь, такая формулировка родства между великороссами, малороссами и бѣлоруссами освящена еще авторитетомъ Костомарова. Въ одной статьѣ одного украинскаго націоналиста она была выражена такъ: «Я — славянинъ по расѣ, русскій по племени, украинецъ по національности». Сомнѣваюсь, имѣетъ ли эта сложная классификація какую-либо цѣнность съ точки зрѣнія этнологіи; но во всякомъ случаѣ за предѣлы этнологіи и этнографіи ея значеніе не простирается. Специфическую культуру создаютъ не «расы» и не «племена» (да и вообще эти термины такъ неопредѣленны и расплывчаты, что теперь ими надо поль-

зоваться только съ величайшей осторожностью); культуры создаются *національностями*, и каждая изъ національностей ревниво бережетъ свою культуру и противится, когда сосѣдъ ей навязываетъ свою, хотя бы сосѣдъ этотъ числился ей двоюроднымъ братомъ «по расѣ» и единоутробнымъ «по племени». Хорваты и словинцы — и тѣсные сосѣди, и близкая родня по расѣ, племени, вѣрѣ и т. д., и даже языки ихъ куда ближе другъ къ другу, чѣмъ русскій съ украинскимъ; однако это двѣ разныя національности съ двумя разными культурами. Венгерскіе словаки — ближайшая родня чехамъ, настолько близкая, что словацкое населеніе сосѣдней Моравіи считаетъ своимъ національнымъ языкомъ чешскій; но словаки Венгріи считаютъ себя словаками, ревниво берегутъ отличія въ своемъ діалектѣ, охраняютъ свою литературную рѣчь отъ чешскихъ оборотовъ и, насколько это мыслимо при мерзостяхъ мадьярскаго режима, творятъ свою словацкую, а не чешскую культуру. Ибо для этого творчества ни этнологія, ни даже филологія не указъ. Для него указъ — національное сознаніе. Кто «украинецъ по національности», для того все остальное родство по племени, по расѣ и т. д. можетъ имѣть только побочное значеніе: при выборѣ культуры рѣшающій голосъ принадлежитъ не «расѣ», не «племени», а осознанной національности.

Еще одна оговорка. Обыкновенно, когда хотятъ доказать, что русская культура есть продуктъ тройственнаго взаимодѣйствія, а не однихъ великороссовъ, на сцену вытаскивается Гоголь, а иногда, въ послѣднее время, и Короленко. Вотъ, дескать, малороссы, участвовавшіе въ созданіи «общерусской» литературы. Убѣдительность этого доказательства подъ

большимъ сомнѣніемъ. Величайшій венгерскій поэтъ Шандоръ Петёфи назывался въ сущности Александръ Петровичъ и былъ сыномъ словака; но никто въ этомъ не видитъ доказательства, что мадьярская литература будто-бы есть «обще-венгерская». У нѣмцевъ тоже былъ крупный поэтъ, даже съ проблесками геніальности, по имени Шамиссо, а по происхожденію французъ: развѣ поэтому нѣмецкая литература стала нѣмецко-французской? Развѣ она стала изъ-за Гейне нѣмецко-еврейской? Общій фонъ, общій характеръ данной культуры не измѣняется оттого, что случайно жизнь заброситъ въ ея ряды человѣка другой крови, хотя бы даже геніальнаго. Онъ или цѣликомъ ассимилируется съ окружающимъ фономъ, какъ Петёфи или Шамиссо, или только наполовину, какъ Гоголь, на чьихъ произведеніяхъ лежитъ сильнѣйшая печать украинскаго темперамента, или совсѣмъ не ассимилируется и остается бобылемъ, непризнаннымъ изгоемъ, какъ Гейне, —но національный характеръ данной культуры остается неприкосновеннымъ, и инородныя пятна только выдѣляютъ и подчеркиваютъ ея основной цвѣтъ, подобно тому, какъ черныя «мушки» оттѣняютъ бѣлизну кожи. Десять Гоголей и сто Короленко не сдѣлаютъ русскую литературу «общерусской»: она остается русскою, т.-е. великорусскою, а рядомъ съ нею украинская народность, пробиваясь сквозь строй великихъ трудностей, создаетъ *свою* литературу на *своемъ* языкѣ.

Я написалъ, что если русская культура играетъ теперь неестественную роль культуры всероссійской, то «причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи». П. Б. Струве съ этимъ несогласенъ. Русская, молъ, культура преобладаетъ и въ Кіевѣ, и въ

Могилевѣ, и въ Тифлисѣ, и въ Ташкентѣ «вовсе не потому, что тамъ обязательно тянутъ въ участокъ расписаться въ почтеніи передъ русской культурой, а потому, что эта культура дѣйствительно есть внутренно властный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи». Тутъ ужъ П. Б. Струве безусловно несправедливъ къ нашему благопопечительному россійскому начальству. Какъ же можно отрицать его великія, неискоренимыя изъ нашей памяти заслуги по части насажденія русской культуры за предѣлами Великороссіи? П. Б. Струве съ легкимъ сердцемъ констатируетъ, что теперь въ Кіевѣ «нельзя быть участникомъ культурной жизни, не зная русскаго языка», и думаетъ, будто «участокъ» тутъ не причемъ, а между тѣмъ это великая ошибка. Напротивъ, все дѣло въ участкѣ и въ его многовѣковомъ усердіи. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ усердіи извѣстный украинскій историкъ, проф. М. Грушевскій: «покончивъ съ политической особностью Украины, правительство не удовлетворилось этимъ: оно рѣшило стереть и уничтожить также и проявленія ея національной жизни, и даже особенности украинскаго національнаго типа. Начиная съ Петра I, для украинскихъ изданій вводится цензура, имѣвшая цѣлью привести ихъ къ единообразію въ языкѣ съ изданіями великорусскими. Руссифицируются украинскія школы. Вводится великорусское произношеніе въ богослуженіи. Всякія проявленія украинскаго патріотизма ревностно преслѣдуются и подавляются».

Но зачѣмъ заглядывать такъ глубоко въ старину! Вотъ предъ нами новѣйшее время: съ половины прошлаго столѣтія замѣчается въ Россіи подъемъ украин-

скаго движенія — и тотчасъ же начинается сверху ревностная борьба противъ «хохломаніи» и «сепаратизма». Въ 1863 г. министръ Валуевъ провозглашаетъ: «Не было. нѣтъ и быть не можетъ украинскаго языка», — а въ 1876 г. изданъ былъ указъ. просто на просто воспретившій украинскую культуру. Отнынѣ разрѣшалось печатать по-украински только беллетристику да стишки и разыгрывать пьесы въ театрѣ; что касается до газетъ, журналовъ, серьезныхъ книгъ и статей, лекцій, проповѣдей и т. п. — все это было воспрещено, а объ украинской школѣ и говорить нечего. Что же удивительнаго, если на этомъ полѣ, начисто опустошенномъ и распаханномъ усиліями урядника, съ такой легкостью и внѣ всякой конкурренціи взошли посѣвы той культуры, которую урядникъ, по крайней мѣрѣ, терпѣлъ? И ничуть ея пышный расцвѣтъ въ Кіевѣ не доказываетъ, что дѣло исключительно въ ея собственной мощи, что она и безъ помощи урядника все равно заглушила бы всѣ сосѣдніе ростки и воцарилась единодержавно. Напротивъ. П. Б. Струве самъ не будетъ спорить противъ того, что если бы вмѣсто указа о воспрещеніи украинской культуры явился въ 1876 г. указъ о разрѣшеніи вести на украинскомъ языкѣ преподаваніе въ школахъ и гимназіяхъ, то уважаемому публицисту врядъ ли пришлось бы теперь такъ побѣдоносно констатировать, что въ Кіевѣ безъ русскаго языка нельзя быть культурнымъ человѣкомъ.

Что въ Кіевѣ, то было и повсюду. Всюду на окраинахъ русская культура появилась только послѣ того, какъ земскій ярыжка расчистилъ ей дорогу, затоптавъ сапожищами всѣхъ ея конкуррентовъ. На Литвѣ съ 1863 года были запрещены польскіе спек-

такли, польскія газеты и даже польскія вывѣски, а литовцамъ запретили печатать литовскимъ алфавитомъ что бы то ни было, даже молитвенники. Воспрещены были спектакли на еврейскомъ жаргонѣ (еврейскихъ актеровъ заставляли играть «по-нѣмецки»), и до начала этого вѣка не разрѣшали ни одной газеты на жаргонѣ. То же или почти то же происходило на Кавказѣ, и только потому П. Б. Струве имѣетъ нынѣ возможность записать и Тифлисъ въ перечень городовъ, завоеванныхъ русскою культурой. Точнѣе, куда точнѣе было бы сказать: «Завоеванныхъ урядникомъ для русской культуры». Это, конечно, не мѣшаетъ намъ всѣмъ высоко цѣнить и даже любить русскую культуру, которая многому хорошему насъ научила и много высокаго дала. Но зачѣмъ игнорировать исторію и увѣрять, будто все обошлось безъ кулака и будто успѣхи русскаго языка на окраинахъ доказываютъ внутренное безсиліе инородческихъ культуръ? Ничего эти успѣхи не доказываютъ, кромѣ той старой истины, что подкованными каблучищами можно втоптать въ землю даже самый жизнеспособный цвѣтокъ.

Дальше слѣдуетъ у г. Струве аргументъ, который странно даже слышать изъ устъ такого вдумчиваго, совсѣмъ не шаблоннаго писателя и мыслителя. «Постановка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ *множества культуръ,* такъ сказать, *одного роста,* поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на національное размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще». Такое «размноженіе культуръ» будетъ «колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи». Это, да проститъ глубокоуважаемый авторъ, пѣсня

старая, пѣтая, перепѣтая — и отпѣтая. Теперь отъ нея даже непрошибаемые соціалъ-демократы отказались. Самое лучшее, самое прекрасное въ міровой культурѣ — это именно ея многообразіе. Каждая историческая нація внесла въ нее свои особые, неподражаемо-своеобразные вклады, и въ этомъ безчисленномъ множествѣ *формъ,* а не въ количествѣ *результатовъ* и заключается главное богатство человѣческой цивилизаціи. Если бы маленькій 2-милліонный народъ, населяющій Норвегію, послушался во время оно совѣтовъ г. Струве и, вмѣсто того, чтобы «тратить» силы на созданіе собственной культуры, записался въ нѣмцы, — то въ учебникѣ нѣмецкой словесности числилось бы нѣсколькими именами больше, но за то не было бы на свѣтѣ того совершенно своеобразнаго, особенно благоухающаго, индивидуально цѣннаго божьяго букета, который называется норвежской литературой. Да и нельзя никакъ противопоставлять «размноженіе культуръ» «подъему культуры вообще». Ибо съ равнымъ правомъ (а по моему съ бо́льшимъ) можно сказать, что «культуры вообще» нѣтъ, что это абстракція, ибо конкретно существуютъ (если, конечно, не считать машинъ и прочей мертвой утвари) только отдѣльныя культуры отдѣльныхъ націй. И это значитъ, что отдѣльная личность, участвующая въ созданіи культуры, будь это поэтъ, философъ, ученый или политикъ, можетъ наилучше развить и использовать свои творческія силы, наиполнѣйшимъ образомъ sich ausleben только въ родной средѣ, въ родной обстановкѣ и атмосферѣ, гдѣ все, хотя не осязаемо, но ощутимо пропитано родными соками. Въ чужой обстановкѣ значительная часть творческихъ силъ уходитъ на преодолѣніе какого-то естественнаго тренія, хотя бы иногда

неосязаемаго, и потому результаты такого творчества меньше и бѣднѣе. Съ этой точки зрѣнія стоитъ (даже въ интересахъ «подъема культуры вообще») потратить много силъ и много лѣтъ на созданіе особой бурятской или якутской культуры, чтобы создать обстановку, въ которой потомъ бурятскіе и якутскіе таланты разовьются лучше, полнѣе и съ большею пользой для человѣчества, чѣмъ развились бы въ «общерусской» средѣ, созданной и пропитанной вліяніемъ другихъ націй. Раздробленіе силъ, «растрата энергіи» тутъ съ лихвою будутъ возмѣщены впослѣдствіи интенсификаціей творчества въ отдѣльныхъ національныхъ коллективахъ. Если тутъ есть «обособленіе», то это обособленіе законное, необходимое: такъ «обособляется» художникъ, когда затворяется въ своемъ кабинетѣ, убранномъ по его вкусу, никого къ себѣ не впускаетъ — и пишетъ прекрасное произведеніе на радость и пользу всѣмъ людямъ.

Но все это зады, которыми прилично было заниматься лѣтъ пять или шесть тому назадъ, когда «мы» всѣ были еще очень наивны и вѣрили, будто національный вопросъ выдуманъ злоумышленниками. Теперь, слава Богу, извѣстно и признано, что право каждой народности на самобытную культуру опредѣляется и доказывается не теоріями, а ея собственной волей къ національному бытію. Наличность этой воли показали и малороссы, и бѣлоруссы, и всѣ остальные, несчетные и несмѣтные народы Россійскаго государства; а остальное додѣлаетъ время.

1911.

УРОКЪ ЮБИЛЕЯ ШЕВЧЕНКО

Удивительно, до чего люди непослѣдовательны. Когда мы произносимъ А, то по большей части и не думаемъ о томъ, что надо же въ такомъ случаѣ произнести и Б. Подходимъ къ общественному факту такъ, какъ будто онъ изолированъ, вырванъ изъ жизни и за собою никакихъ послѣдствій не влечетъ. Вотъ теперь мы чествуемъ память Шевченко, или, по крайней мѣрѣ, откликаемся на чествованіе. Но при этомъ — никакихъ выводовъ. Не только у слушающихъ и у читающихъ, но иногда у самихъ пишущихъ незамѣтно, чтобы они хорошо вдумались, къ чему обязываетъ признаніе этого юбилея. Вѣдь одно изъ двухъ: или Шевченко есть культурное недоразумѣніе, филологическій курьезъ и раритетъ, и тогда нѣтъ никакого смысла устраивать ему юбилеи; или Шевченко есть закономѣрное и характерное явленіе развивающейся жизни, симптомъ чего-то грядущаго, и тогда каждому изъ насъ необходимо, сказавъ А, произнести и Б, т. е., признавъ этотъ юбилей, опредѣлить свое отношеніе къ тому огромному явленію, о неизбѣжности котораго пророчествуетъ намъ этотъ юбилей. А объ этомъ, кажется, мало кто думаетъ.

Можетъ быть, объясняется это тѣмъ, что внутренно еще многіе, многіе изъ насъ и впрямь потихоньку считаютъ Шевченко за филологическій курьезъ. Что грѣха таить, многіе такъ разсуждаютъ. Имъ это кажется причудой, капризомъ: зналъ человѣкъ прекрасно по русски, могъ писать тѣ же самые стихи на «общемъ» языкѣ, а вотъ заупрямился и писалъ по-хохлацки. Другіе идутъ еще дальше и спрашиваютъ: да развѣ есть какая нибудь серьезная разница между обоими языками? Одно упрямство, одно мелочное цѣпляніе за отдѣльныя буквы. Что за причуда — писать непремѣнно такъ: «Думы мои, думы мои, лыхо мини зъ вамы! Чому сталы на папери сумнымы рядамы?» — когда можно было съ такимъ же успѣхомъ написать вотъ какъ:

Ахъ вы думы мои, думы,
Ахъ, бѣда мнѣ съ вами!
Что стоите на бумагѣ
Грустными рядами?

Одинъ господинъ недавно взялъ при мнѣ въ руки томикъ стиховъ Олеся и сталъ доказывать наглядно, что стихи эти можно читать сразу по-русски и выйдетъ почти все въ полномъ порядкѣ: и размѣръ не измѣнится, и почти всѣ риѳмы сохранятся. Можетъ быть онъ и былъ правъ: я его не дослушалъ до конца и, пока онъ декламировалъ на московскій ладъ: «Ой, на що-ж малу дитину доручала ти степам?» — я задумался о другомъ. Я вспомнилъ, что Шевченко писалъ что-то такое и по русски. Литераторы изъ газеты «Кіевлянинъ» ставятъ ему это въ великую заслугу и стыдятъ теперешнихъ мазепинцевъ: видите,

онъ не то, что вы, онъ «не чуждался общерусскаго языка»! Допустимъ; но за то страннымъ образомъ «общерусскій» языкъ чуждался украинскаго поэта, и не склеилось у него ничего путнаго на этомъ языкѣ. И Шевченко не единичное явленіе. Въ 40-хъ годахъ жилъ въ Римѣ большой поэтъ Белли; о немъ, кажется, есть гдѣ-то упоминаніе у Гоголя. Онъ писалъ главнымъ образомъ на римскомъ діалектѣ. Римскій діалектъ, не въ примѣръ другимъ мѣстнымъ нарѣчіямъ Италіи, почти совершенно совпадаетъ съ итальянскимъ языкомъ: если бы не скучно было для читателя, я бы взялся исчерпать *все* различіе ровно въ пятнадцати строчкахъ. Но Белли писалъ на діалектѣ великолѣпныя вещи, а на итальянскомъ языкѣ — вещи совершенно бездарныя. Его сонеты на romanesco изумительны, его итальянскія элегіи водянисты, реторичны и позабыты. Тоже, очевидно, крѣпко заупрямился человѣкъ: такъ заупрямился, что и самъ Богъ его покидалъ, какъ только онъ въ своемъ творческомъ порывѣ переступалъ черезъ какую то едва замѣтную межу — и Белли, по сю сторону межи большой поэтъ милостію Божіей, по ту сторону внезапно превращался въ жалкаго писаку...

Родной языкъ! Нужна вся наша россійская наивность, неопытность, соціальная необразованность, вся наша пигасовщина, весь грубо-эмпирическій площадной практицизмъ, исповѣдуемый нами по отношенію ко многимъ священнымъ вопросамъ духа, чтобы такъ дѣлать большіе глаза и недоумѣвать, зачѣмъ это нормальному человѣку, при полномъ умѣ и здравой памяти, непремѣнно упираться и настаивать на томъ, что говорится «світъ», а не «свѣтъ». Дурь, причуда! Мадьяры сколько лѣтъ ведутъ борьбу за мадьярскую

команду въ венгерской арміи, а всего-то языкъ команды состоитъ ровнымъ счетомъ изъ 70-ти словъ. Изъ за 70-ти словъ падаютъ министерства, откладываются важнѣйшія реформы, трещитъ по шву рѣки Лейты политическая карта Европы. Въ венгерскомъ парламентѣ, среди четырехсотъ съ лишкомъ мадьяръ, сидятъ сорокъ депутатовъ изъ Кроаціи и свято хранятъ свое право говорить съ трибуны по хорватски, т. е. на языкѣ, котораго никто, кромѣ нихъ, не понимаетъ, и употребленіе котораго въ парламентѣ поэтому, казалось бы, не только безполезно, но даже вредно для самого хорватскаго дѣла. Эти же хорваты подняли бунтъ, когда венгерское начальство попыталось завести въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Загреба, рядомъ съ хорватскими вывѣсками, также и мадьярскія: были уличныя демонстраціи, столкновенія съ войсками, лилась кровь... Дурь, причуда! — говоримъ мы, мы, захолустные обыватели захолустной страны, мы, съ высоты нашего политическаго ума и опыта. А не гораздо ли правильнѣе было бы взглянуть на дѣло съ другой стороны и понять, что съ фактами не спорятъ? Вѣдь тутъ предъ нами цѣлый рядъ яркихъ фактовъ, то массовыхъ, то еще болѣе характерныхъ индивидуальныхъ. Вотъ бѣснуются чуть ли не цѣлые народы изъ-за семидесяти словъ или десяти вывѣсокъ на чужомъ языкѣ; вотъ большіе поэты, мгновенно теряющіе даръ Божій, какъ только попытаются сдѣлать внутри себя маленькій, крохотный, невинный подлогъ: сказать «свѣтъ» вмѣсто «світъ», «buona sera» вмѣсто «bôna sera». Это все факты, непреложныя явленія жизни, которыя не измѣнятся оттого, что мы будемъ ихъ порицать или одобрять. Не порицать и не одобрять ихъ надо, не

ставить двойки или пятерки міровому порядку и его проявленіямъ, а скромненько учиться изъ нихъ уму разуму; брать жизнь такою, какой она есть въ основѣ своей, и на этой основѣ строить наше міровоззрѣніе.

Мимо факта шевченковскаго юбилея мы проходимъ съ почтительнымъ поклономъ, и намъ даже не приходитъ въ голову, что это — фактъ исключительной симптоматической важности, предъ лицомъ котораго, если бы мы были разумны, опытны и предусмотрительны, слѣдовало бы пересмотрѣть нѣкоторые существенные элементы нашего міровоззрѣнія. Что такое Шевченко? Одно изъ двухъ. Или надо смотрѣть на него, какъ на курьезную игру природы, нѣчто вродѣ безрукагс художника или акробата съ одной ногою, нѣчто вродѣ рѣдкостнаго допотопнаго экспоната въ археологическомъ музеѣ. Или надо смотрѣть на него, какъ на яркій симптомъ національно-культурной жизнеспособности украинства, и тогда надо открыть пошире глаза и хорошо всмотрѣться въ выводы, которые отсюда проистекаютъ. Мы сами здѣсь на югѣ такъ усердно и такъ наивно насаждали въ городахъ обрусительныя начала, наша печать столько хлопотала здѣсь о русскомъ театрѣ и распространеніи русской книги, что мы подъ конецъ совершенно потеряли изъ виду настоящую, осязательную, ариѳметическую дѣйствительность, какъ она «выглядитъ» за предѣлами нашего куринаго кругозора. За этими городами колышется сплошное, почти тридцатимилліонное украинское море. Загляните когда-нибудь не только въ центръ его, въ какой-нибудь Миргородскій или Васильковскій уѣздъ: загляните въ его окраины, въ Харьковскую или Воронежскую губернію, у самой межи, за которой начинается великорусская рѣчь, — и вы поразитесь, до

чего нетронутымъ и безпримѣснымъ осталось это сплошное украинское море. Есть на этой межѣ села, гдѣ по сю сторону рѣчки живутъ «хохлы», по ту сторону — «кацапы». Живутъ испоконъ вѣковъ рядомъ и не смѣшиваются. Каждая сторона говоритъ по своему, одѣвается по своему, хранитъ особый свой обычай; женятся только на своихъ; чуждаются другъ-друга, не понимаютъ и не ищутъ взаимнаго пониманія. Съѣздилъ бы туда П. Б. Струве, авторъ теоріи о «національныхъ отталкиваніяхъ», прежде чѣмъ говорить о единой трансцендентной «общерусской» сущности. *Такого* выразительнаго «отталкиванія» нѣтъ, говорятъ, даже на польско-литовской или польско-бѣлорусской этнографической границѣ. Зналъ свой народъ украинскій поэтъ, когда читалъ мораль неразумнымъ дивчатамъ:

Кохайтеся, любитеся,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужи люде...

Я не раздѣляю теоріи П. Б. Струве и не думаю, чтобы «отталкиванія» принадлежали къ необходимымъ и нормальнымъ жизнепроявленіямъ національности; во всякомъ случаѣ полагаю, что легализировать (въ научномъ смыслѣ) эти «отталкиванія» слѣдовало бы только съ большими и суровыми оговорками. Я не считаю ни нормальнымъ, ни вѣчнымъ явленіемъ тотъ антагонизмъ между великороссомъ и малороссомъ, который окристаллизованъ въ простонародныхъ кличкахъ «хохолъ» и особенно «кацапъ»; увѣренъ, напротивъ, что при улучшеніи внѣшнихъ условій не только украинство, но и вообще всѣ народности Россіи прекрасно

уживутся съ великороссами на почвѣ равенства и взаимнаго признанія; даже вѣрю, что большую и благотворную роль въ этомъ сыграетъ именно великорусская демократическая интеллигенція — и недавно, въ одной кіевской лекціи, подчеркнулъ эту вѣру настолько рѣзко, что встрѣтилъ даже несочувствіе со стороны нѣкоторыхъ украинскихъ слушателей. Но нельзя отрицать, что «отталкиваніе» отъ инородца есть одинъ изъ признаковъ присутствія національнаго инстинкта, особенно тамъ, гдѣ національная индивидуальность, изъ за внѣшняго гнета, ни въ чемъ иномъ, ни въ чемъ положительномъ выразиться не можетъ. Въ такихъ случаяхъ «отталкиваніе», наблюдаемое на этнографическихъ границахъ, остается поневолѣ лучшимъ доказательствомъ того, что угнетенная народность стихійно противится перелицовкѣ своего естества, что истинные пути ея нормальнаго развитія тянутся въ другомъ направленіи. Таково стихійное настроеніе всякой большой и однородной массы; таково и стихійное настроеніе тридцатимилліоннаго украинскаго простонародія, сколько бы ни лжесвидѣтельствовали о противномъ разные эксперты изъ національныхъ оборотней. Эксперты этого рода столько же компетентны въ оцѣнкѣ національныхъ чувствъ того народа, отъ котораго они отстали, сколько компетентенъ дезертиръ въ оцѣнкѣ патріотизма и боевого духа той арміи, изъ которой онъ сбѣжалъ. Украинскій народъ сохранилъ въ неприкосновенности то, что есть главная, непобѣдимая опора національной души: деревню. Народу, корни котораго прочно и густо впились на громадномъ пространствѣ въ сплошную родную землю, нечего бояться за свою племенную душу, что бы тамъ ни продѣлывалось въ городахъ надъ бѣдными по-

бѣгами его культуры, надъ его языкомъ и его поэтами. Мужикъ все вынесетъ, все переживетъ, всѣхъ переспоритъ и медленно, шагъ за шагомъ, но неуклонно и непобѣдимо со всѣхъ сторонъ втиснется въ города, и то, что теперь считается мужицкимъ ґоворомъ, будетъ въ нихъ черезъ два поколѣнія языкомъ газетъ, театровъ, вывѣсокъ — и еще больше.

Вотъ что значитъ юбилей Шевченко для всякаго, кто умѣетъ послѣдовательно мыслить и заглядывать въ завтрашній день. Мы, къ сожалѣнію, этими талантами не богаты. Украинское движеніе, ростущее у насъ подъ носомъ, считается у насъ чѣмъ-то вродѣ спорта; мы его игнорируемъ, игнорировали до этого юбилея и будемъ, вѣроятно, игнорировать и послѣ юбилея. Не то слѣпота самодовольства, не то косность человѣческой мысли руководитъ нашими дѣйствіями, и въ результатѣ мы допускаемъ грубую, непростительную политическую ошибку: вмѣсто того, чтобы движеніе, громадное по своимъ послѣдствіямъ, развивалось при поддержкѣ вліятельнѣйшихъ круговъ передового общества и привыкало видѣть въ нихъ свою опору, своихъ естественныхъ союзниковъ, — мы заставляемъ его пробиваться своими одиночными силами, тормазимъ его успѣхи замалчиваніемъ и невниманіемъ, раздражаемъ и толкаемъ въ оппозицію къ либеральному и радикальному обществу. Роста движенія это не остановитъ, но исковеркать этотъ ростъ, направить его по самому нежелательному руслу — вотъ что не трудно, и вотъ чего слѣдовало бы остерегаться. Самыя тяжелыя послѣдствія для будущихъ отношеній на огромномъ этомъ югѣ Россіи могутъ отсюда родиться, если мы во-время не спохватимся, не поймемъ и не учтемъ всей громадности того массоваго феномена, о кото-

ромъ напоминаетъ намъ юбилей Шевченко, и не сообразуемъ съ нимъ всей нашей позиціи, всей нашей тактики въ дѣлахъ мѣстныхъ и государственныхъ.

Выскажу одно соображеніе, которое давно у меня сложилось и подкрѣплено изученіемъ западно-европейскаго опыта, но въ отвѣтъ на которое читатель, должно быть, пожметъ плечами. Нашъ югъ сталъ излюбленной ареной черносотенства, и подвизается у насъ оно, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ, съ солиднымъ успѣхомъ. И до сихъ поръ мы себѣ не дали отчета, можно ли бороться противъ этого явленія, и если можно, то какъ, какимъ оружіемъ. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣлъ бы право на всяческое наше вниманіе, потому что при нынѣшнихъ настроеніяхъ не въ прокъ нашему краю ни городское самоуправленіе, ни даже право посылать депутатовъ въ Государственную Думу. Депутаты юга — главная опора реакціи, и такъ было еще до измѣненія избирательнаго закона, до третьей Думы. Чѣмъ же можно бороться противъ этого настроенія мѣщанскихъ массъ юга? Чистый, отвлеченный либерализмъ какой угодно марки имъ недоступенъ: мѣщанство не идетъ за либералами, если тѣ не догадаются дать ему въ придачу еще нѣчто. На соціалистическую пропаганду мѣщанство органически неспособно откликнуться: экономическіе идеалы этой среды всегда неизбѣжно реакціонны и вращаются въ лучшемъ случаѣ вокругъ средневѣковыхъ идеаловъ цеховаго строя, въ худшемъ — это мы видимъ въ Вѣнѣ, въ Варшавѣ, на послѣднемъ ремесленномъ съѣздѣ — вокругъ хозяйственнаго и правового вытѣсненія инородцевъ. Единственный идеальный лозунгъ, который, въ данныхъ условіяхъ, способенъ поднять городскія мѣщанскія массы,

очистить и облагородить ихъ міровоззрѣніе, —это лозунгъ національный. Если онѣ идутъ теперь за правыми, то, вѣдь, не потому, что правые проповѣдуютъ бараній рогъ и ежевыя рукавицы, а только потому, что правые сумѣли задѣть въ нихъ націоналистическую струнку. Но не струнку творческаго, положительнаго національизма, а струнку «отталкиваній» отъ инородца. И никакія на свѣтѣ яркія знамена не отвлекутъ наше южное мѣщанство отъ лозунговъ ненависти, кромѣ одного знамени: собственнаго національнаго протеста. Я не компетентенъ судить о томъ, насколько готова какая-нибудь Слободка-Романовка къ воспріятію украинскаго національнаго сознанія; утверждаю только одно: выжить оттуда союзниковъ удастся или украинскому движенію, или никому. Повторяю: все это такъ далеко отъ сегодняшняго положенія вещей, что читатель, я знаю, пожметъ плечами и скажетъ: гаданія, фантазіи. Я же думаю, что гадаютъ и фантазируютъ тѣ, которые видятъ только то, что торчитъ на переднемъ планѣ, и не заглядываютъ ни въ статистику, ни въ исторію, ни въ опытъ мудраго запада. Поживемъ — увидимъ. А можетъ быть, если не измѣнится во-время наша тактика, то и почувствуемъ...

Когда приходится, по долгу службы, чествовать юбилей Шевченко, мы стыдливо разсказываемъ другъ другу, что покойникъ, видите ли, былъ «народный» поэтъ, пѣлъ о горестяхъ простого бѣднаго люда, и въ этомъ, видите ли, вся его цѣнность. Нѣтъ-съ, не въ этомъ. «Народничество» Шевченко есть дѣло десятое, и если бы онъ все это написалъ по русски, то не имѣлъ бы ни въ чьихъ глазахъ того огромнаго значенія, какое со всѣхъ сторонъ придаютъ ему теперь. Шевченко есть *національный* поэтъ, и въ этомъ

его сила. Онъ національный поэтъ и въ субъективномъ смыслѣ, т. е. поэтъ-націоналистъ, даже со всѣми недостатками націоналиста, со взрывами дикой вражды къ поляку, къ еврею, къ другимъ сосѣдямъ... Но еще важнѣе то, что онъ — національный поэтъ по своему объективному значенію. Онъ далъ и своему народу, и всему міру яркое, незыблемое доказательство, что украинская душа способна къ самымъ высшимъ полетамъ самобытнаго культурнаго творчества. За то его такъ любятъ одни и за то его такъ боятся другіе, и эта любовь и этотъ страхъ были бы ничуть не меньше, если бы Шевченко былъ въ свое время не народникомъ, а аристократомъ въ стилѣ Гете или Пушкина. Можно выбросить всѣ демократическія нотки изъ его произведеній (да цензура долго такъ и дѣлала) — и Шевченко останется тѣмъ, чѣмъ создала его природа: ослѣпительнымъ прецедентомъ, не позволяющимъ украинству отклониться отъ пути національнаго ренессанса. Это значеніе хорошо уразумѣли реакціонеры, когда подняли наканунѣ юбилея такой визгъ о сепаратизмѣ, государственной измѣнѣ и близости столпотворенія. До столпотворенія и прочихъ ужасовъ далеко, но что правда, то правда: чествовать Шевченко просто какъ талантливаго россійскаго литератора № такой-то нельзя, чествовать его значитъ признать все то, что связано съ этимъ именемъ. Чествовать Шевченко — значитъ понять и признать, что нѣтъ и не можетъ быть единой культуры въ странѣ, гдѣ живетъ сто и больше народовъ: понять, признать, потѣсниться и дать законное мѣсто могучему собрату, второму по силѣ въ этой имперіи.

1911.

СТРАННОЕ ЯВЛЕНІЕ

Газеты одного крупнаго города черты осѣдлости, описывая тамошнюю попытку публичнаго чествованія памяти Коммиссаржевской, устроенную литературно-артистическимъ клубомъ, отмѣтили, что русской публики на торжествѣ было мало, а зато было очень много публики еврейской. Это, дѣйствительно, любопытное явленіе; мнѣ давно хотѣлось его отмѣтить и побесѣдовать на эту тему, но не рѣшался. Ни для кого не тайна, что литературные клубы въ чертѣ осѣдлости вообще на девять десятыхъ посѣщаются евреями; огромное большинство членовъ — тоже евреи. Арійскій элементъ представленъ обычно десяткомъ-другимъ отдѣльныхъ любителей слова и музыки; пусть это талантливые и симпатичные люди, но ихъ мало. Остальная, массовая часть членовъ и посѣтителей состоитъ изъ евреевъ.

Читатель, вѣроятно, тутъ заспоритъ и скажетъ: «позвольте, что же въ этомъ дурного — напротивъ, очень хорошо, что евреи такъ отзывчивы, такъ интересуются — это дѣлаетъ имъ честь»... Честь или не честь, это другой вопросъ; но займемся пока не евреями, а русскими. Гдѣ они? Отчего не приходятъ? Почему

они такъ мало отзывчивы, почему они не интересуются, почему они не хотятъ «дѣлать себѣ честь»?

Странно: вѣдь арійская интеллигенція велика и обильна. Несомнѣнно, есть же въ томъ городѣ достаточно образованной русской публики, чтобы заполнить три такихъ зала, особенно, если присчитать учащуюся молодежь. Отчего же *эти* не ходятъ? Вотъ, оказывается, и въ Петербургѣ ихъ не было на вечерѣ памяти Коммиссаржевской. Петербургъ въ этомъ отношеніи особенно характеренъ. Городъ русскій, евреи тамъ врядъ ли составятъ и 2 сотыхъ населенія. Тамъ тоже было, а можетъ и теперь есть, литературное общество аналогичнаго типа, «объединяющее всѣ національности». И на рефератахъ этого общества очи видѣли ту же знакомую картину. 10—15 репрезентативныхъ христіанъ изъ радикальной литературы, а въ публикѣ почти исключительно евреи. Что за притча? Гдѣ русская интеллигенція? Смѣшно вѣдь даже спрашивать, есть ли она въ столицѣ, интересуется ли дѣлами культуры. Это вѣдь *она* создаетъ русскую культуру, *она* создала все, что было цѣннаго въ русской литературѣ, *она* создала и Коммиссаржевскую. Въ чемъ же дѣло?

Лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ было бы узнать мнѣніе самихъ отсутствующихъ — мнѣніе тѣхъ самыхъ русскихъ интеллигентовъ, которые культуру-то создаютъ, а на рефераты и вечера извѣстнаго рода упорно не ходятъ. Но мнѣ ихъ взглядъ совершенно неизвѣстенъ. Зато приходилось часто говорить объ этомъ «странномъ» явленіи съ ихъ, такъ сказать, замѣстителями, — съ еврейскими ассимиляторами. Многіе изъ нихъ вообще не желаютъ говорить на эту тему. Они не замѣчаютъ. Но нѣкоторые, все же, разговорились и разоткровенничались. У меня получилось отъ

этой откровенности странное впечатлѣніе. Они мнѣ говорили извѣстныя старыя вещи: что евреи — прекрасный ферментъ, что ихъ миссія — будить всюду интересъ къ идеѣ и культурѣ, что они — авангардъ, увлекающій за собою неповоротливыхъ домохозяевъ, и пр. Я, какъ извѣстно, грѣшникъ, считаю національность альфой и омегой своей вѣры, дорожу ею больше, чѣмъ прогрессомъ, и т. д. Но, признаюсь, я совершенно не способенъ проникнуться этимъ взглядомъ на еврея, какъ на соль земли, безъ которой остальные вахлаки совсѣмъ бы закисли. Для меня совершенно ясно, что не только эллины въ древности, но и многіе народы въ настоящее время, напримѣръ, англичане и нѣмцы, куда талантливѣй евреевъ во всемъ, рѣшительно во всемъ, начиная съ литературы и кончая банкирскими конторами. Я въ этомъ не вижу никакой обиды для евреевъ, потому что не смотрю на нихъ, какъ на народъ, который всю жизнь держитъ передъ кѣмъ-то экзаменъ и долженъ непремѣнно получать всѣ пятерки. Право народа на самобытность и равенство не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ. Конечно, разъ мы тутъ по Европѣ околачиваемся столько вѣковъ, мы естественно принесли ей много пользы, обогатили ея жизнь; иначе и быть не могло — вѣдь и мы же не лыкомъ шиты, и если занимаемъ среди историческихъ націй не первое мѣсто, то и не послѣднее. Но смѣшно пересаливать. Не будь евреевъ, культурный міръ тоже бы теперь не въ лаптяхъ ходилъ. Въ частности, русскій народъ свою литературу создалъ безъ всякой помощи евреевъ, такъ же, какъ и французскій, и англійскій, и итальянскій. Да будетъ позволено спросить: если бы въ Петербургѣ и Одессѣ совсѣмъ не было евреевъ, неужели тамъ и здѣсь такъ-таки никогда не

возникли бы литературные клубы? Мое скромное мнѣніе таково: не только возникли бы, но и процвѣтали бы не меньше теперешняго, только публика была бы въ нихъ — русская.

Здѣсь я долженъ привести мнѣніе одного извѣстнаго журналиста, родомъ изъ евреевъ. Прошу читателя не принять эту ссылку за литературный пріемъ: это былъ настоящій разговоръ съ настоящимъ извѣстнымъ журналистомъ еврейскаго происхожденія. Онъ живетъ въ русскомъ городѣ, русскими интересами, вращается почти исключительно въ русскомъ обществѣ, слѣдовательно, знаетъ ту самую публику, которая «не ходитъ»; кромѣ того, самъ пользуется репутаціей умнаго, образованнаго и хладнокровнаго человѣка. Я всегда зналъ его за ассимилятора; впрочемъ, онъ не отрицалъ того, что еврейство націонализируется, но не сочувствовалъ этому процессу. Рѣчь зашла о томъ самомъ «странномъ» явленіи: что «они» «не ходятъ». Совершенно ручаюсь за точную передачу мысли моего собесѣдника:

— Я вотъ что здѣсь наблюдаю уже не въ первый разъ, — сказалъ онъ. — Возникаетъ какое-нибудь общество или, скажемъ, литературный органъ; основатели его — русскіе люди съ именами. (Это не всегда бываетъ такъ, но я нарочно беру только тѣ именно случаи, когда основатели — русскіе). Когда дѣло наладится и машина пущена въ ходъ, первое время все идетъ нормально. Русская публика интересуется, участвуетъ, посѣщаетъ, читаетъ и сама пишетъ. Но со второго или третьяго мѣсяца начинается наплывъ евреевъ. Основатели радушно ихъ принимаютъ, даже очень рады — знаете, нѣтъ вѣдь ничего добродушнѣе и искреннѣе хорошаго русскаго интеллигента; онъ,

право, по большей части и не замѣчаетъ, кто вы такой. Черезъ нѣсколько недѣль — ваша аудиторія полна евреевъ. И тогда вы начинаете замѣчать странную вещь: по мѣрѣ того, какъ прибываютъ евреи, убываютъ русскіе. Не только въ смыслѣ процента, но абсолютно. Гдѣ ихъ прежде было 100, тамъ ихъ остается 20. Уходятъ. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорятъ, а просто отстраняются. Спросишь ихъ: почему? — Сами не умѣютъ объяснить. Да, да, вы правы, надо будетъ опять записаться, просто, знаете ли, вылетѣло изъ головы... Иногда я въ этомъ чувствую привкусъ сознательной юдофобіи; но, право, гораздо чаще ничего подобнаго не могу нащупать. А вижу только разительное паденіе интереса къ дѣлу именно съ того момента, какъ имъ такъ ревностно заинтересовались евреи. Оно съ этого мгновенія какъ бы стало для русской публики чужимъ, ее туда уже больше не тянетъ, ей тамъ больше не уютно и незанятно, хотя сюжеты преній или статей остались тѣ же. Это повторяется и съ обществами, и съ газетами, — быть можетъ и съ партіями — и, говорю вамъ, не въ первый разъ. Чѣмъ это объяснить, я не знаю; но нельзя отрицать, что есть какое-то невидимое «отталкиваніе». И вотъ мой выводъ: хорошо это или печально, но Россія должна будетъ пройти черезъ полосу національнаго размежеванія точно такъ же, какъ проходитъ черезъ нее Австрія. Придется взять эту линію и евреямъ, отмежеваться въ обоихъ смыслахъ: политически и культурно. Я, конечно, исключаю тотъ десятокъ-другой евреевъ, которые для еврейства — отрѣзанные ломти, давно ушли, завязали новыя связи и пустили корни въ чужой средѣ. Но еврейское общество въ цѣломъ должно будетъ отгра-

ничить себя отъ русскаго и въ политикѣ и въ культурѣ. Этимъ оно окажетъ большую услугу и себѣ и русскимъ: оно имъ дастъ, наконецъ, возможность организоваться внутри себя, по своему, безъ постороннихъ примѣсей, которыя въ такомъ количествѣ для нихъ очевидно непріемлемы...

За точную передачу мысли, какъ уже сказано, я ручаюсь. Ручаться за правильность наблюденія и вывода, конечно, не мое дѣло. Я не знаю ни той публики, ни ея настроеній. Но позволю себѣ напомнить тѣмъ, для которыхъ эти щекотливые вопросы поневолѣ должны быть интересны, что «странное» явленіе, всетаки, должно имѣть свою причину. И до тѣхъ поръ, пока жива на свѣтѣ логика, эта причина можетъ быть только одна изъ двухъ. Она или въ русской интеллигенціи, или въ еврейской. Или первая органически неспособна интересоваться, откликаться, реагировать и т. д., и только евреи, эти единственные ангелы-хранители русской культуры въ Петербургѣ и на окраинахъ, еще спасаютъ положеніе, держатъ знамя и прочая, и тогда остается только изумляться, откуда у этого равнодушнаго русскаго племени взялось столько творческаго подъема, чтобы создать безъ всякой еврейской помощи Толстого или Коммиссаржевскую. — Или — *ихъ* къ евреямъ просто «не тянетъ», и когда они видятъ, что на ихъ собственномъ праздникѣ танцуетъ слишкомъ много евреевъ, то даже лучшіе изъ *нихъ* предпочитаютъ праздновать у себя дома; и если это такъ, то евреямъ и дальше придется нести на себѣ лестную роль единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ — съ которой хозяева ушли.

1912.

НА ЛОЖНОМЪ ПУТИ

Замѣтка о «странномъ явленіи» вызвала оживленный газетный споръ, но споръ этотъ, къ сожалѣнію, пошелъ по нелѣпой линіи. Получилось такое впечатлѣніе, точно я въ своей замѣткѣ спрашивалъ русскихъ: почему вы, добрые люди, не ходите въ собранія? не потому ли, что вамъ не хочется якшаться съ евреями? И вотъ, нѣсколько почтенныхъ русскихъ согражданъ удостовѣрили, что они, напротивъ, очень рады якшаться съ евреями, да только какъ-то все не случалось, — и нѣсколько почтенныхъ еврейскихъ коллегъ тоже откровенно признались, что настоящая русская интеллигенція чрезвычайно любитъ еврейскую. Очень пріятно, прочелъ съ удовольствіемъ. Но зачѣмъ это все было написано — не знаю. Я этого вопроса не ставилъ. Отчасти потому, что нѣтъ смысла наивничать и спрашивать «любишь ли ты меня?» тамъ, гдѣ каждый ребенокъ на улицѣ знаетъ всю правду. А главнымъ образомъ потому, что какъ разъ я меньше всего этимъ вопросомъ интересуюсь. По моему, онъ никакого отношенія не имѣетъ даже къ спору о томъ, надо ли «размежеваться». Журналистъ еврейскаго происхожденія, о которомъ я въ той статьѣ разсказывалъ, дѣйствительно дошелъ до мысли о необходимости «раз-

межеванія» только потому, что замѣтилъ со стороны русскихъ явное нежеланіе «якшаться». Но на то онъ ассимиляторъ. Для людей моего лагеря суть дѣла совершенно не въ томъ, какъ относятся къ евреямъ остальныя народности. Если бы насъ любили, обожали, звали въ объятія, мы бы такъ же непреклонно требовали «размежеванія». Ибо мы думаемъ, что миссія каждой націи — создать свою особую культуру; и мы думаемъ, что это достижимо только путемъ полюбовнаго размежеванія. Какое намъ дѣло съ этой точки зрѣнія до любви или антипатіи сосѣдей? Если они евреевъ не любятъ, мы объ этомъ очень жалѣемъ; если полюбятъ, будемъ очень рады и будемъ платить взаимностью; но наше отношеніе къ ассимиляціи отъ этого не зависитъ. Мы не желаемъ, чтобы евреи стали русскими, даже если русская интеллигенція начнетъ скопомъ ходить на вечера литературнаго клуба.

Моя замѣтка имѣла въ виду совершенно другую цѣль. Интересуетъ меня не отношеніе христіанъ къ еврейской ассимиляціи, а самочувствіе еврейскихъ ассимиляторовъ. Я считаю ихъ позицію въ основѣ и по существу ложной и стараюсь прослѣдить и отмѣтить тѣ случаи, когда эта внутренняя ложь обнаруживается особенно выпукло, когда сама жизнь, такъ сказать, демонстрируетъ противъ ассимиляціи. Такой случай, по моему, теперь на лицо, когда ассимилированные евреи въ огромномъ городѣ вынуждены фигурировать въ роли единственныхъ носителей русской культуры — «единственныхъ музыкантовъ на чужой свадьбѣ, съ которой хозяева ушли». На эту ситуацію я хотѣлъ обратить вниманіе самихъ «музыкантовъ», предложить имъ обдумать ее и сдѣлать выводы. Такъ какъ дискуссія вмѣсто того направилась по совершенно постороннему

фарватеру, то позволю себѣ вернуться къ сути вопроса и сдѣлать эти выводы такъ, какъ я ихъ понимаю.

Совершенно неопровержимо установленнымъ я считаю тотъ фактъ, что ассимилированные евреи въ нашемъ городѣ дѣйствительно очутились въ роли единственныхъ публичныхъ носителей и насаждателей русской культуры. Этого никто во всей дискуссіи даже не пробовалъ отрицать, ибо это слишкомъ яркая очевидность. Обсуждая и оцѣнивая эту любопытную ситуацію, я прежде всего нахожу ее въ высочайшей степени комичной.

Почему она комична — я доказать не умѣю. Смѣшное не доказывается, анекдотъ не требуетъ аргументаціи. Комизмъ ощущается непосредственно, и баста. И я утверждаю, что этотъ комизмъ положенія, когда евреямъ въ полномъ одиночествѣ приходится чествовать Пушкина и Коммиссаржевскую, ощущается рѣшительно всѣми, прежде всего самими «музыкантами». Я часто встрѣчаюсь со своими противниками, но не встрѣтилъ еще ни одного, который не чувствовалъ бы этого комизма. Иначе нельзя объяснить и переполоха, который вызвала именно эта моя замѣтка. Мнѣ случалось уже писать, напримѣръ, и о томъ, что много рядовыхъ либеральныхъ христіанъ въ глубинѣ души вѣрятъ въ ритуальную сказку; это похуже, поопаснѣе, чѣмъ нехожденіе на «четверги», и однако никто изъ ассимиляторовъ такъ не взволновался, какъ на сей разъ. На сей разъ было такое впечатлѣніе, словно людей вдругъ обнажили, указали пальцемъ какъ разъ на ту мозоль, за которую имъ въ душѣ особенно неловко, и вотъ они изо всей силы стараются прикрыть ее чѣмъ попало. Очевидно, каждый въ душѣ чувствуетъ, что «ассимиляція», «сліяніе» съ окружаю-

щей средой обязательно требуетъ «рецепціи», согласія окружающей среды; для того, чтобы обрусѣніе не было унизительнымъ, необходима тутъ же наличность большой русской толпы, въ которой евреи могли бы разсыпаться, размѣститься, растаять — и притомъ съ ея хотя бы молчаливаго согласія. Тогда бы въ этой массѣ дѣйствительно все перемѣшалось; рядомъ съ тремя русскими ораторами могъ бы тогда выступить четвертымъ и еврей и тоже сказать «мы, русскіе» или «наша русская литература» — и это стерлось бы, утонуло бы въ общемъ впечатлѣніи. Но когда русской толпы нѣтъ и никакъ ея не заманишь и не притянешь, и на празднествахъ русской культуры въ полумилліонномъ городѣ одни евреи, совершенно лишенные русскаго прикрытія, бьютъ въ барабанъ и кричатъ «ура» во славу «нашей литературы», — то эта ситуація комична, потому что комична. Лѣтъ пять тому назадъ польская печать горячо обсуждала вопросъ, ѣхать ли въ Прагу на всеславянскій съѣздъ; наконецъ всѣ согласились, что надо ѣхать — Романъ Дмовскій согласился, Сенкевичъ согласился, графы Тышкевичи, князья Радзивиллы и прочіе лидеры и магнаты согласились. Одинъ только Станиславъ Кемпнеръ (тотъ самый, котораго Нѣмоевскій называлъ потомъ «Шая Кемпнеръ») долго еще упирался и настаивалъ, что «мы, поляки» не должны ѣхать въ Прагу, ибо это братаніе съ остальными славянами можетъ повредить «нашимъ» польскимъ интересамъ. Можетъ быть, я неточно помню всѣ имена, но случай этотъ былъ. И вся Польша хохотала надъ этимъ сверхъ-полякомъ и была права, потому что это было комично. Ассимиляція по природѣ своей требуетъ незамѣтности, *наглядной* возможности утонуть въ громадѣ ассимилирующаго тѣла; гдѣ девять русскихъ,

тамъ еврей еще кое-какъ можетъ быть «десятымъ русскимъ»; но когда пропорція обратная, или того хуже — весь, какъ говорится по еврейски, «миньянъ» состоитъ изъ великороссовъ еврейскаго происхожденія, то это есть явленіе высочайшаго и глубочайшаго соціальнаго комизма.

Конечно, когда обнаруживается соціальный комизмъ какой-нибудь ситуаціи, разные люди по разному на это реагируютъ. Одни, у которыхъ болѣе плоская душа и болѣе толстая кожа на ланитахъ, продолжаютъ выступать гоголемъ; о такихъ нечего разговаривать, такъ какъ это элементъ, лишенный всякой культурной цѣнности. Но есть и въ ассимилированномъ лагерѣ люди болѣе тонкой организаціи. Для такихъ увидѣть себя въ ситуаціи, полной такого органическаго комизма, есть болѣзненный ударъ въ ту самую точку сердца, гдѣ хранится у человѣка его лучшее богатство — его гордость. Для такихъ людей комизмъ превращается въ трагизмъ. Я увѣренъ, переполохъ, вызванный въ станѣ ассимиляторовъ дискуссіей по поводу «страннаго явленія», объясняется еще и тѣмъ, что лучшіе, наиболѣе чуткіе и вдумчивые люди этого стана почувствовали не простую неловкость отъ комическаго положенія, но и настоящую боль, уколъ въ самое чувствительное мѣсто, и имъ на минуту стало жутко отъ мысли: а что, если все это правда? а быть можетъ, я и самъ давно все это подозрѣвалъ, только не рѣшался формулировать? И на минуту почудилось имъ, что, быть можетъ, вся работа ихъ жизни дѣйствительно прошла по ложной колеѣ и завела ихъ вмѣстѣ съ ихъ паствою, куда не надо... — Но, конечно, даже чуткій человѣкъ, если онъ уже затратилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ на данной чертѣ, въ концѣ

концовъ прогонитъ черныя мысли и дастъ себя успокоить обычными словесами. Остается только маленькая трещина въ душѣ — и если она осталась, я очень радъ: этого я добивался.

Но патологичность ситуаціи не только въ ея комизмѣ и даже не въ трагическомъ привкусѣ этого комизма. Еще хуже другое. Хотя мы здѣсь «шумимъ, братецъ, шумимъ», а настоящіе русскіе молчатъ, но тѣмъ не менѣе для всего міра ясно глубокое несоотвѣтствіе между шумомъ и цѣнностью. Ни одинъ серьезный зритель не сомнѣвается, что хоть шумятъ на русскихъ культурныхъ праздникахъ евреи, а всетаки истинной, стихійно-нерушимой опорой и источникомъ русской культуры служатъ не тѣ, которые шумятъ, а тѣ, которые молчатъ. Если судить по шуму, то выходитъ, будто русскіе 1-го разряда, активные русскіе — это и есть ассимилированные евреи, тогда какъ люди настоящаго русскаго происхожденія — это, какъ выражается Отто Бауэръ, Hintersassen der Nation, русскіе 2-го сорта. Между тѣмъ ясно и неопровержимо, что это въ сущности какъ разъ наоборотъ. Именно съ момента, когда еврей объявляетъ себя русскимъ, онъ становится гражданиномъ 2-го класса.

Я, націоналистъ, ни за что не признаю себя въ Россіи гражданиномъ 2-го разряда. Я считаю себя принципіально такимъ же хозяиномъ въ этомъ государствѣ, какъ и русскаго; я желаю говорить, учиться, писать, судиться, управляться на моемъ національномъ языкѣ, ни къ кому не намѣренъ подлаживаться и приспособляться и требую, напротивъ, чтобы государство приспособлялось къ моимъ національнымъ домогательствамъ точно такъ же, какъ оно должно приспособиться къ домогательствамъ русскихъ, украинцевъ,

поляковъ, татаръ и т. д., гармонизировавъ эти всѣ требованія въ общемъ «народо-союзномъ» строѣ. Покуда я такъ смотрю на свое мѣсто въ Россіи, я не выше другихъ и не ниже другихъ, мы всѣ граждане одного ранга. Но если я захочу пролѣзть непремѣнно въ русскіе, то дѣло сразу мѣняется. Тутъ я попадаю въ положеніе неофита. Чужая національная сущность, чужая психика и ею пропитанная культура не могутъ быть по-настоящему усвоены даже за срокъ цѣлаго поколѣнія, даже за срокъ нѣсколькихъ поколѣній. Сохраняется акцентъ въ рѣчи и точно такъ же сохраняется особый «акцентъ» души. Могутъ ли эти оттѣнки совершенно исчезнуть впослѣдствіи, черезъ много-много лѣтъ, это вопросъ другой, котораго я здѣсь не касаюсь; но покуда они есть, до тѣхъ поръ я обреченъ числиться не-настоящимъ, неполнымъ русскимъ, кандидатомъ въ русскіе, подмастерьемъ русско-культурнаго цеха. Меня могутъ любить или не любить, это къ дѣлу не относится; но совершенно ясно, что источникъ и оплотъ русской культуры не въ неофитѣ, а въ той массѣ, съ которой онъ еще только старается слиться. Когда людямъ понадобится настоящее русское творчество, они оттолкнутъ издѣлье неофита и скажутъ: можетъ быть, это поддѣлано очень мило, можетъ быть это и лучше, чѣмъ настоящее русское, — но извините, намъ нужно не это, а настоящее русское. Это и значитъ быть русскими 2-го разряда. Надо различать понятія: россіянинъ и русскій. Россіяне мы всѣ отъ Амура до Днѣпра, русскіе только треть въ этой массѣ. Еврей можетъ быть россіяниномъ перваго ранга, но *русскимъ* — только второго. Такъ на него въ этой роли смотрятъ другіе и такъ на себя невольно смотритъ онъ самъ.

Здѣсь я не буду вновь поднимать споръ о томъ, многимъ или малымъ обязана русская, нѣмецкая, французская и пр. литературы ассимилированнымъ евреямъ, достаточно ли усвоили эти писатели изъ евреевъ соотвѣтствующій національный «духъ» и т. д. Спорить объ этомъ трудно потому, что это вопросъ чутья, ощупи, и еврейскіе судьи тутъ совершенно не компетентны. Сколько бы ни божился еврейскій критикъ, что Гейне — подлинный нѣмецъ по духу, вопросъ этимъ не будетъ рѣшенъ. — Но я интересуюсь этимъ вопросомъ больше съ политической стороны. Здѣсь дѣло яснѣе, здѣсь мы не бродимъ въ потемкахъ эстетическихъ оцѣнокъ, а имѣемъ предъ собою массовые факты. И эти факты ясно говорятъ, что ассимилированный еврей при первомъ серьезномъ испытанiи всегда и всюду оказывается такимъ же плохимъ «ассимилятомъ», какъ и плохимъ евреемъ. Онъ объявляетъ себя нѣмцемъ, покуда господствуютъ нѣмцы, и старается дѣлать такъ, чтобы по виду его нельзя было отличить отъ настоящаго нѣмца. Но какъ только господство переходитъ къ другой національности, моментально обнаруживается различіе: настоящіе нѣмцы остаются нѣмцами, выдерживаютъ борьбу и несутъ на себѣ всѣ жертвы, между тѣмъ какъ тевтоны израильскаго происхожденія съ поразительной быстротою начинаютъ отрясать прахъ нѣмецкій и присоединяться къ національности новаго хозяина. Я уже нѣсколько разъ вскользь упоминалъ объ этихъ поразительныхъ превращеніяхъ, но стоитъ еще разъ на нихъ остановиться, и подробно, ибо они гораздо яснѣе всѣхъ прочихъ доводовъ показываютъ истинную внутреннюю прочность еврейской ассимиляціи.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія Австрія,

включавшая тогда и Венгрію, была почти сплошь онѣмечена. По крайней мѣрѣ, такъ должно было показаться туристу, который посѣтилъ бы *города* имперіи. Только на юго-западѣ, въ итальянскихъ провинціяхъ, онъ нашелъ-бы сильную итальянскую культуру — и то съ большими нѣмецкими заплатами; но Будапештъ весь говорилъ по-нѣмецки, мадьярская рѣчь едва слышалась на задворкахъ; въ Прагѣ и думать забыли о томъ, что гдѣ-то на свѣтѣ есть чешская рѣчь; и даже въ Галиціи нѣмецкая рѣчь на улицахъ, въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, въ университетахъ и на вывѣскахъ соперничала съ польской, и большей частью побѣдоносно соперничала. Словомъ, картина онѣмеченія *городской* Австріи была полная. Гдѣ-то въ деревнѣ прозябали чешскіе, словинскіе, русинскіе мужики, но съ ними никому и въ голову не приходило считаться: казалось совершенно яснымъ, яснымъ прежде всего для нихъ самихъ, что ихъ рѣчь — мужицкая рѣчь, для культурныхъ цѣлей непригодная, и для каждаго порядочнаго человѣка просвѣщеніе—синонимъ германизаціи. Нѣкоторыя сомнѣнія вызывали упрямые итальянцы, безпокойные мадьяры и крамольные поляки, но благоразумные люди надѣялись, что и эти злоумышленники сами поймутъ свою ошибку. Вѣдь человѣчество должно сближаться, а не раздѣляться; это проповѣдывалъ еще мудрый императоръ Іосифъ II, начертавшій въ одномъ декретѣ: «Нѣтъ лучшаго средства пріучить гражданъ ко взаимной между собою любви, какъ давъ имъ единый общій языкъ». И въ доказательство сослался — на Россійскую Имперію. Но правъ онъ былъ въ томъ отношеніи, что внѣшняя культурная физіономія Австріи въ его время и десятки лѣтъ послѣ него была очень

похожа на тогдашнюю или теперешнюю культурную физіономію Россіи: и тамъ, какъ тутъ, господствовали почти нераздѣльно языкъ и культура главнаго хозяина; и тамъ, какъ тутъ, совершенно или почти совершенно забыли о существованіи другихъ народностей.

Въ этой обстановкѣ началось пробужденіе австрійскаго еврейства. Выйдя изъ гетто, снявъ халаты, подрѣзавъ пейсы, его передовые сыны осмотрѣлись вокругъ и увидѣли, что все приличное общество говоритъ по нѣмецки. Они тоже заговорили по нѣмецки; это имъ далось даже легче, благодаря жаргону, чѣмъ сосѣдямъ. Въ Прагѣ, во Львовѣ, въ Будапештѣ евреи начали считать себя нѣмцами, были очень довольны такимъ повышеніемъ въ чинѣ и думали, что на этомъ можно и успокоиться.

Но вотъ они стали замѣчать, что, напримѣръ, въ г. Прагѣ начинаетъ твориться что-то странное. Какіе-то оригиналы вдругъ затѣяли говорить по мужицки, и не только у себя дома, но и на улицѣ, и въ театрѣ, да нарочно такъ, чтобы всѣ слышали. Сначала это смѣшно, потомъ начинаетъ раздражать. Тѣмъ болѣе, что эти оригиналы выдвигаютъ еще въ придачу какія-то претензіи. — Мы, чехи, въ этомъ краѣ большинство, — заявляютъ они, — а потому Прага должна быть наша, въ судахъ и школахъ и даже въ университетѣ долженъ господствовать нашъ языкъ, а нѣмецкому достаточно мѣста въ Вѣнѣ. — Слыша такія вздорныя рѣчи, нѣмцы пожимаютъ плечами: какъ смѣютъ мечтать о такихъ вещахъ эти санкюлоты, у которыхъ даже литературы еще нѣтъ? А они отвѣчаютъ: у насъ есть Ганка, Палацкій, Краледворская рукопись; начало есть, а продолженіе будетъ. —

Нѣмцы сначала отшучивались, а потомъ стали сердиться и отвѣчать возгласомъ: долой чеховъ!

И тутъ евреи попали въ щекотливое положеніе. Разъ они записались въ нѣмцы, то надо было показать себя хорошими нѣмцами. А такъ какъ еще къ тому же настоящіе нѣмцы немного косились на нихъ и не вполнѣ имъ еще довѣряли, то надо было особенно постараться — такъ сказать, перекричать самаго заправскаго нѣмца. Кромѣ того, ихъ и въ самомъ дѣлѣ раздражали претензіи некультурнаго чеха. Какъ такъ? Значитъ, въ Прагѣ будетъ, напримѣръ, въ городскомъ театрѣ не нѣмецкая, а чешская драма? Въ обществѣ придется вести свѣтскій разговоръ не по нѣмецки, а по чешски? Этимъ бѣднымъ людямъ съ такимъ трудомъ дался нѣмецкій языкъ, столько пришлось попотѣть надъ устраненіемъ предательскаго акцента — и что же, все это на смарку? Начинай сначала учиться по новому? Нѣтъ, не бывать тому! И вотъ, наравнѣ съ нѣмцами и еще громче нѣмцевъ начали евреи подпѣвать: долой чеховъ! Прага «наша», нѣмецкая!

Но чехи не испугались ни нѣмцевъ, ни евреевъ. Шагъ за шагомъ, день за днемъ, наползали изъ деревни въ Прагу чешскіе муравьи, постепенно проникали во всѣ щели и по крохамъ строили свою культуру. У нихъ появились газеты, книжки, потомъ книги, потомъ цѣлая литература, потомъ гимназія, потомъ университетъ. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, нѣмцы моисеева закона не узнали своей Праги. Отъ нѣмецкаго всевластія остались одни огрызки. Въ городской думѣ ни одного нѣмца, на улицахъ и въ театрѣ чешская рѣчь, придешь въ магазинъ — не желаютъ тебѣ отвѣчать по нѣмецки,

а если ты самъ купецъ — изволь говорить съ покупателемъ по чешски, а то надѣнетъ шапку и уйдетъ въ сосѣднюю лавку — къ чеху. А въ газетахъ, даже самыхъ либеральныхъ, очень недвусмысленно пишутъ, что евреямъ слѣдовало бы поостеречься насчетъ нѣмецкаго рвенія, потому что, ежели нѣмцамъ мы его прощаемъ, то ужъ евреямъ не простимъ. И... евреи начали понемножку переписываться изъ нѣмцевъ въ чехи. Появились чехи моисеева закона. Сначала мало, потомъ больше, а теперь большинство. Но такъ какъ настоящіе чехи кричатъ: «долой нѣмцевъ», а еврей старается быть совсѣмъ какъ настоящій чехъ и даже еще лучше, то дѣти или младшіе братья тѣхъ, что кричали когда-то «долой чеховъ!» — тоже кричатъ вмѣстѣ съ новыми хозяевами: — Долой нѣмца!

То же самое было въ Галиціи. Извѣстно, до какого раболѣпства дошелъ теперь на польской службѣ галиційскій ассимиляторъ, знаменитый «Мошко». Онъ и туда, онъ и сюда, онъ за польщизну душу готовъ положить, онъ за польскую культуру согласенъ раздавить и русинъ, и евреевъ, а ужъ нѣмцевъ, притѣсняющихъ «его братьевъ» въ Познани, онъ ненавидитъ выше всякой мѣры. Но хотите знать исторію этого польскаго энтузіазма? Яркимъ образчикомъ ея былъ покойный депутатъ Эмиль Быкъ, членъ польскаго коло и ярый полонизаторъ, умершій въ 1906 г. Не далѣе, какъ въ 1873 г. онъ еще состоялъ всей душою въ нѣмцахъ, разъѣзжалъ по Галиціи и агитировалъ, чтобы всѣ евреи записались въ нѣмецкую партію. Но потомъ, хорошенько осмотрѣвшись и увидѣвъ, куда вѣтеръ дуетъ, онъ «пересталъ быть» нѣмцемъ и «сдѣлался» полякомъ съ той же легкостью, съ какой человѣкъ изъ маклера становится сватомъ,

и съ тѣхъ поръ не было у поляковъ въ Галиціи болѣе вѣрнаго лакея и у нѣмцевъ болѣе грознаго врага. И эту эволюцію продѣлало все старшее поколѣніе ассимиляторовъ. Когда-то они состояли въ нѣмцахъ и ворчали на поляковъ; теперь они состоятъ въ полякахъ и стараются дѣлать все такъ, какъ дѣлаютъ настоящіе поляки. Но настоящіе поляки боятся теперь въ Галиціи не нѣмца, а новаго врага. На сцену все рѣшительнѣе выдвигается новый претендентъ: русины. Ихъ въ Галиціи 3 милліона, а въ восточной половинѣ они составляютъ огромное большинство; Львовъ лежитъ въ Восточной Галиціи, а потому они заявляютъ на него самыя категорическія притязанія. Это не Лембергъ, говорятъ они, и не Львувъ, а Львівъ, столица австрійской Украйны; городъ этотъ долженъ быть нашъ, въ судахъ, въ участкѣ, въ университетѣ долженъ господствовать украинскій языкъ, а для польскаго довольно мѣста и въ Краковѣ. Иными словами, повторяется исторія съ Прагой... И духовные братья Эмиля Быка, съ недальновидностью, типичной для всѣхъ ренегатовъ, во все горло подхватываютъ лозунгъ «долой гайдамаковъ!» — забывая, что черезъ 30 лѣтъ эти «гайдамаки» неизбѣжно будутъ полными господами Восточной Галиціи... Впрочемъ, что за бѣда? Мошко тогда перевернется въ третью національность.

Я теперь не спорю о томъ, хорошо это или дурно съ нравственной точки зрѣнія. Настаиваю только на одномъ: это *факты*, и эти факты неопровержимо доказываютъ одно: когда еврей воспринимаетъ чужую культуру, превращается въ нѣмца, чеха или поляка, то каковъ бы ни былъ его энтузіазмъ, нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращенія. Ассимилированный еврей не выдерживаетъ перваго на-

тиска, отдаетъ «воспринятую» культуру безъ всякаго сопротивленія, какъ только убѣдится, что ея господство прошло и хозяйское мѣсто переходитъ въ другія руки. Онъ не можетъ служить опорою для этой культуры; съ какимъ бы онъ пыломъ о ней ни говорилъ, неглубокость и непрочность корней, которыми она связана съ его душою, обнаруживается при первомъ серьезномъ испытаніи. Къ этому выводу приходятъ всѣ авторитетные наблюдатели національныхъ отношеній, самые серьезные, самые спокойные, какъ проф. Раухбергъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о Богеміи[1]), какъ M. Hainisch въ своей обстоятельной статистико-экономической монографіи о перспективахъ австрійскаго развитія[2]). И даже соціалъ-демократъ Шпрингеръ, говоря о венгерскихъ евреяхъ, которые тоже 60 лѣтъ тому назадъ «были нѣмцами», а теперь на каждомъ шагу поютъ гимны «нашей мадьярской культурѣ», — ставитъ имъ уничтожающій прогнозъ: «Они останутся мадьярами, покуда венгерскимъ государствомъ правятъ мадьяры, — ни минуты дольше»[3]). Но настоящіе мадьяры, и потерявъ владычество надъ инородцами, все же останутся мадьярами — и въ этомъ, а не въ шумѣ, скажется различіе между мадьярами перваго и второго сорта...

Всѣмъ тѣмъ изъ стана ассимиляторовъ, которые не утратили еще прямого взгляда на вещи и самостоятельности мышленія, я задаю вопросъ: гдѣ доказательство, что здѣшніе евреи сдѣланы изъ лучшей глины, чѣмъ евреи Будапешта, Лемберга, Праги? Тѣ

---

[1]) Prof. H. Rauchberg, Der nationale Besitzstand in Böhmen. I, стр. 673.

[2]) Dr. M. Hainisch, Die Zukunft der Deutsch-Österreicher, стр. 31,

[3]) R. Springer, Die Krise des Dualismus.

вѣдь тоже не были сознательными лицемѣрами, субъективно они были искренни и тогда, когда обожали все нѣмецкое, и теперь, когда обожаютъ чешскую или мадьярскую культуру. Слѣдовательно, дѣло не въ субъективномъ энтузіазмѣ, который вовсе не доказываетъ глубины чувства, а дѣло въ какихъ-то объективныхъ моментахъ, которые создаютъ дѣйствительную, кровную связь между человѣкомъ и *его* культурой, рожденной *его* предками и *его* братьями изъ *его* національной души. У евреевъ ближняго запада этихъ моментовъ при испытаніи не оказалось. Почему мы забываемъ о томъ, что и намъ, повидимому, грозитъ точно такое же испытаніе? Главная масса евреевъ живетъ среди украинцевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, литовцевъ; эти народы начинаютъ теперь подымать головы такъ же точно, какъ 60 лѣтъ тому назадъ начали дѣлать это чехи. Это происходитъ у насъ на глазахъ, пройти мимо этого явленія можетъ только близорукій. Надо же имѣть намъ линію поведенія не только на сегодняшній, но и на завтрашній день. Вѣдь одно изъ двухъ: или Россія останется въ полицейскихъ тискахъ, или всѣ эти народности используютъ политическую свободу прежде всего для того, чтобы сдѣлать изъ Россіи большую Австрію; хотимъ мы этого или не хотимъ, это будетъ, и ни Струве, ни мы съ вами не «уговоримъ» ни тридцатимилліонную массу малороссовъ, ни даже маленькій литовскій народъ. Какъ же мы опредѣлимъ свою позицію къ этому моменту? Какова будетъ наша роль въ этой будущей Россіи, гдѣ сто народовъ вокругъ насъ будутъ развиваться самобытно, создавая свои національныя цѣнности на своихъ языкахъ? Останемся ли мы тогда въ роли, на которую намеки есть уже и теперь —

въ роли единственныхъ носителей руссификацiи на окраинахъ? Или пойдемъ по пути австрiйскихъ ассимиляторовъ, мѣняя нацiональность при каждомъ перемѣщенiи политическихъ силъ? Или, быть можетъ, изберемъ третью дорогу, предоставимъ русскимъ быть русскими, полякамъ поляками, а сами воздвигнемъ *свои* маяки?

Я прекрасно понимаю, что «ассимиляторъ» есть, чаще всего, продуктъ ассимиляцiи, и передѣлать себя онъ въ извѣстномъ возрастѣ уже не можетъ. Онъ привыкъ жить русскою культурой, ему другая недоступна, и ему некуда уйти. Не обречь же себя на духовный голодъ. Это я понимаю. Отъ каждаго отдѣльнаго человѣка нельзя требовать личныхъ жертвъ, да еще такихъ длительныхъ, на всю жизнь. Рѣчь идетъ пока не о личномъ поведенiи того или иного еврейскаго интеллигента. Рѣчь идетъ о политической орiентацiи. Мы не только лично живемъ, но мы и прокладываемъ линiи для будущаго. Если мы попали въ тупикъ, и извѣстной части нашего поколѣнія уже нѣтъ изъ него выхода, то вѣдь остается долгъ — направить завтрашнія поколѣнія по другой колеѣ. Созиданіе нацiональной культуры, борьба за ея гегемонiю въ еврейской душѣ — это задача и для того изъ насъ, кому лично уже не суждено пить изъ ея родниковъ. Пусть онъ строитъ для своего сына, пусть чертитъ планъ жизни для болѣе счастливыхъ. И главное, пусть громко признаетъ, что *его* путь былъ ложный путь, и станетъ на порогѣ западни, куда самъ попалъ, — станетъ на порогѣ, не пуская другихъ.

1912.

МРАКОБѢСЪ

Возстановленіе и объединеніе Италіи закончилось 20 сентября 1870 года. Это называется: во-время успѣть. Счастливъ Богъ Гарибальди и Виктора-Эммануила, что дѣло не затянулось еще лѣтъ на сорокъ; счастливъ Богъ Кавура, что онъ умеръ еще раньше: правда, ему не удалось видѣть своими глазами, какъ Римъ сталъ столицей объединенной Италіи, но зато онъ умеръ во-время, въ полной увѣренности, что не только Италія, но и весь міръ смотритъ на него, какъ на порядочнаго человѣка. Опоздай онъ лѣтъ на пятьдесятъ — картина могла бы сильно измѣниться.

Часто я пытаюсь вообразить, какъ отнеслось бы прогрессивное человѣчество къ гарибальдійской эпопеѣ, если бы она происходила теперь, въ наши дни. Въ сущности, вѣдь и въ наши дни есть народы, находящіеся въ положеніи Италіи до Гарибальди. Въ чемъ заключалось горе Италіи до Гарибальди? Въ томъ, что она была разрознена и порабощена. Мало ли теперь народовъ разрозненныхъ и порабощенныхъ? Даже итальянцы еще не всѣхъ своихъ братьевъ собрали подъ родимую кровлю. Южный Тироль, провинція историческаго Тридента, родина Данте, все еще принадлежитъ Австріи, все еще правитъ имъ нѣмецъ, и мраморный старикъ Алигьери со своего гранитнаго пьедестала на площади въ Тренто все еще

тоскливо глядитъ на югъ, черезъ Альпы, въ сторону оторванной Италіи. Но и помимо итальянцевъ! Сербо-хорваты раздѣлены между пятью или шестью государствами. Болгарскій сѣверъ Македоніи все еще въ турецкихъ рукахъ. Греческій югъ Македоніи, греческіе острова Архипелага и самый Критъ все еще подъ туркомъ. Два милліона румынъ кряхтятъ въ венгерской Трансильваніи. И еще много племенъ можно бы назвать, и всѣ они ждутъ своего Гарибальди. Но вотъ что любопытно: какъ относится къ этимъ ихъ ожиданіямъ и надеждамъ передовое человѣчество? Не дипломаты, конечно, и не генералъ-губернаторы, а та «молодая», радикальная Европа, что въ свое время молилась на итальянскаго Гарибальди и до сихъ поръ чтитъ и чествуетъ его имя? Сочувствуетъ ли она тріентинскимъ итальянцамъ въ ихъ стремленіи оторваться отъ Австріи, сочувствуетъ ли она сербо-хорватамъ, болгарамъ, румынамъ и другимъ народамъ въ ихъ мечтѣ — воспроизвести эпопею объединенія Италіи, измѣнить политическую карту, разорвать старыя государства и воздвигнуть новыя?

Нѣтъ-съ, не сочувствуетъ. Радикальная Европа на все это смотритъ очень косо, и чѣмъ она радикальнѣе, тѣмъ хуже. На лѣвомъ флангѣ политической мысли твердо рѣшено, что все это ненужныя и вредныя фантазіи. Онѣ отвлекаютъ человѣчество отъ его настоящихъ задачъ, онѣ затемняютъ классовое сознаніе. Какъ, напримѣръ, называютъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ австрійской политической мысли тѣхъ ирредентистовъ, которые мечтаютъ о присоединеніи Тріента и Тріеста къ Италіи? Ихъ называютъ реакціонерами и шовинистами. Только реакціонеръ можетъ

мечтать о созданіи новыхъ государствъ, когда и старыхъ уже слишкомъ много развелось. Только шовинистъ можетъ проповѣдывать, будто народы непремѣнно должны отдѣляться другъ отъ друга государственными рамками. Только реакціонеры и шовинисты способны разжигать во имя этихъ фанаберій націоналистическія страсти, отвлекая трудовую массу отъ ея прямой задачи. Такъ говорятъ и пишутъ на лѣвомъ флангѣ, псвсюду —у итальянцевъ, у балканскихъ народовъ, у поляковъ, у евреевъ. Счастливецъ Гарибальди! Если бы онъ опоздалъ на полвѣка...

Гдѣ-тс въ одесскомъ порту еще стоитъ, быть можетъ, та харчевня, гдѣ юноша Гарибальди, много лѣтъ назадъ, встрѣтилъ матроса-карбонарія и впервые отъ него услышалъ проповѣдь о единой Италіи. Одни говорятъ, что эта встрѣча произошла въ Таганрсгѣ, другіе думаютъ, что въ Одессѣ, и это достовѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, гдѣ-то близко отъ насъ. Въ Италіи тогда на такія темы нельзя было говорить. Юнгой на отцовскомъ кораблѣ пріѣхалъ сюда Гарибальди, забрелъ въ харчевню, выпилъ стаканъ вина съ незнакомымъ матросомъ, и тотъ раскрылъ передъ его глазами новый міръ. Кто былъ тотъ матросъ, освобсдившій Италію? Имя его осталось невѣдомо, все равно какъ имя того калики перехожаго, что поднялъ когда-то на ноги русскаго богатыря.

Въ одной книгѣ написано о такихъ невѣдомыхъ вотъ что:

Я разскажу вамъ русскую былину:
Жилъ богатырь, мужицкій сынъ Илья.
Онъ тридцать лѣтъ, не разгибая спину,
Сидѣлъ въ углу отцовскаго жилья.

По всѣмъ дорогамъ рыскали татары,
Въ лѣсу царилъ разбойникъ Соловей;
Илья сидѣлъ, Илья глоталъ удары,
И не было защиты у людей.
И вотъ пришелъ незнамый странникъ Божій,
Безыменный калика перехожій,
Сказалъ: «вставай, настала череда!» —
И всталъ Илья, плечомъ могучимъ двинулъ,
Татарскую державу опрокинулъ
И Соловья съ семи дубовъ низринулъ —
А странникъ тотъ ушелъ, пропалъ и сгинулъ,
Невѣдомый откуда и куда.

И это все. Ни пѣсенъ о каликѣ,
Ни памяти: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
А между тѣмъ былъ онъ герой великій,
Отважнѣй всѣхъ, чье помнитъ имя свѣтъ.
Ужъ на него ль не зарились татары?
И Соловей въ глуши своихъ лѣсовъ
Не на него ль придумалъ злыя кары
И посылалъ въ облаву слугъ и псовъ?
Онъ отъ собакъ ушелъ и отъ холопей,
Онъ хитраго татарина провелъ,
Прошелъ сквозь тучи стрѣлъ, сквозь строи копій,
Онъ забутилъ пески зыбучихъ топей,
Онъ прорубилъ дубравы — и дошелъ!

Въ томъ подвигѣ невидномъ и негромкомъ
Вся жизнь его: пришелъ, позвалъ — и нѣтъ.
Но онъ — герой. И вамъ, его потомкамъ,
Отъ родины спасибо и привѣтъ!

Неизвѣстный матросъ былъ тоже изъ «его потомковъ», и теперь всѣ согласны, даже на лѣвомъ флангѣ,

что ему полагается отъ родины спасибо и привѣтъ. Ибо все это было давно, чуть ли не сто лѣтъ тому назадъ. Но хотѣлъ бы я знать, что сказали бы мы теперь, если бы та бесѣда молодого Гарибальди съ карбонаріемъ въ одесской харчевнѣ произошла въ наши дни и кто-нибудь изъ насъ ее подслушалъ. Влетѣло бы тогда отъ насъ и Гарибальди, и особенно его перехожему каликѣ!

Вы сомнѣваетесь? Но тогда позвольте возстановить предъ вами содержаніе той бесѣды. Я при ней, конечно, не былъ, и, кажется, нигдѣ ея подробности не записаны, но, тѣмъ не менѣе, возстановить ее нетрудно. Дѣло ясное: что могъ сказать матросъ-карбонарій бѣлокурому мальчику изъ Ниццы съ честными смѣлыми глазами, — что могъ онъ ему сказать, кромѣ тѣхъ самыхъ вещей, за которыя теперь никто бы его по головкѣ не погладилъ? Рѣчь карбонарія несомнѣнно представляла собой яркій образецъ того, что мы теперь называемъ шовинизмомъ и нетерпимостью. Подумайте сами: говорилъ ли онъ юношѣ о томъ, что всѣ люди братья? Нѣтъ, онъ, должно быть, про это забылъ, а говорилъ ему о томъ, что надо выгнать изъ Италіи нѣмцевъ. И, вѣроятно, декламировалъ на память, или вытащилъ изъ за пазухи на пропотѣвшемъ листочкѣ запрещенные стихи Джусти, отъ которыхъ тогда содрогалась вся грамотная Италія. Мы бы съ вами тоже содрогнулись, прочитавъ эти стихи, но отъ противоположнаго чувства: отъ добродѣтельнаго негодованія. Такіе возмутительные стихи, полные духа племенной вражды, и въ каждой строчкѣ звучитъ нота натравливанія одной національности на другую! Напримѣръ, приблизительно такъ:

Что мы хотимъ? Отчизну и свободу
Возстановить — а нѣмцевъ не хотимъ;
Хотимъ дышать, хотимъ вернуть народу
Родной языкъ — а нѣмцевъ не хотимъ;
Хотимъ творить и чтить свои преданья
А нѣмцевъ не желаемъ. До свиданья!

И когда матросъ произносилъ этотъ рефренъ: «e non vogliam Tedeschi», его шопотъ пріобрѣталъ зловѣщій оттѣнокъ, и въ немъ чувствовалось остріе скрытаго кинжала. А честные, смѣлые глаза бѣлокураго юноши хмурились ненавистью. Онъ думалъ о поработителяхъ. Ему казалось, что они усѣяли родную землю, словно гадкая сыпь на миломъ тѣлѣ. Они ее портятъ, они ее безобразятъ, они ее пачкаютъ. Ихъ надо прогнать. Вонъ! До единаго человѣка вонъ! И, можетъ быть, въ эту минуту неизвѣстный юнга далъ себѣ тихую клятву, и изъ этой клятвы потомъ родилась одна изъ прекраснѣйшихъ, изъ самыхъ возвышенныхъ страницъ міровой исторіи... Но какое намъ дѣло? Если бы этотъ разговоръ происходилъ въ наши дни, мы сурово обругали бы всѣхъ трехъ: поэта Джусти за то, что онъ науськивалъ Италію на нѣмцевъ, матроса-карбонарія за то, что распространялъ эти вредныя вирши, а юношу изъ Ниццы за то, что рѣшилъ посвятить свою богатую жизнь такому ничтожному и неблагородному дѣлу, какъ осуществленіе шовинистической и реакціонной программы.

Да къ чему и свелась дѣятельность Гарибальди въ Италіи? Напоминалъ ли онъ своимъ согражданамъ о томъ, что нѣмца надо любить, какъ родного брата? Напрстивъ, всякій шагъ его, всякій жестъ его разжигалъ въ итальянскихъ массахъ ненависть къ чуже-

земцу. Говорилъ ли Гарибальди народу про то, что на свѣтѣ есть только двѣ націи — богачи и бѣдняки, и что всѣ бѣдняки, будь они итальянцы или нѣмцы, должны быть заодно? Напротивъ, онъ призывалъ богатыхъ и бѣдныхъ объединиться во имя патріотической идеи, забыть всѣ раздоры, отложить всѣ внутренніе споры до того момента, пока не будетъ осуществленъ націоналистическій идеалъ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ демократизаціи отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ состоялъ въ его дни Апеннинскій полуостровъ, онъ заставилъ цѣлое поколѣніе, отбросивъ остальныя, быть можетъ болѣе важныя соціальныя заботы, посвятить всѣ силы націоналистической и, въ сущности, безмысленной задачѣ — созданію объединеннаго королевства. Зачѣмъ? Что за прихоть? Развѣ это нужно для счастія народа? Не все ли равно для бѣднаго люда, сколько надъ нимъ королей? Не лучше ли было бы для народа, если бы Гарибальди направилъ свои усилія въ другую сторону, и теперь на Апеннинскомъ полуостровѣ было бы нѣсколько республикъ вмѣсто одного королевства? Въ сущности, если хорошенько вглядѣться до самой глубины, не была ли жизнь Гарибальди ошибкой отъ начала до конца? Не сбилъ ли онъ съ толку, не свелъ ли съ прямого пути цѣлый народъ, цѣлое поколѣніе, и — хуже того — не завѣщалъ ли своихъ заблужденій другимъ народамъ и позднѣйшимъ поколѣніямъ? Развѣ не его примѣромъ и не его успѣхами увлекаются, развѣ не по стопамъ Италіи слѣдуютъ теперь шовинисты всего міра, вопя о необходимости національныхъ государствъ и задерживая разрѣшеніе соціальной проблемы? И если возстановить во всѣхъ деталяхъ ту атмосферу, которая господствовала въ Италіи въ эпоху

борьбы за независимость, въ эпоху изгнанія нѣмцевъ и объединенія полуострова, и если хорошенько вникнуть въ эту атмосферу, полную націоналистическаго пыла, пропитанную ненавистью къ чужеземцу, оглашаемую нестерпимой декламаціей патріотическихъ лозунговъ; если вспомнить, что на цѣлыя десятилѣтія было забыто и заброшено все остальное: никто не думалъ о школахъ, о развитіи промышленности и торговли, даже о хорошихъ законахъ, а всѣ силы были поглощены исключительно вопросами національности и патріотизма, — если все это взвѣсить, то не придется ли съ болью въ сердцѣ сказать, что то была атмосфера истиннаго шовинизма, въ которой, какъ рыба въ водѣ, чувствовали бы себя Марковъ и Пуришкевичъ?

Понимаю, что здѣсь меня лѣвый читатель прерветъ и скажетъ возмущенно, что онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Да, я знаю, что не говорилъ. О Гарибальди мы этого не говоримъ. Но почитайте, что говорятъ и пишутъ о людяхъ, которые въ наши дни и въ нашихъ условіяхъ смѣютъ молиться тѣмъ богамъ, которымъ молился Гарибальди. Нѣтъ бранныхъ словъ, которыхъ они бы не слышали. Ихъ объявляютъ ненабистниками человѣка, врагами общелюдского братства. Они мракобѣсы, противники культуры. Они обманщики, они водятъ за носъ темную массу, даютъ ей камень вмѣсто хлѣба. Они ей говорятъ: «долой нѣмца!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «всѣ люди братья». Они говорятъ ей: «созидай государства!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «демократизируй государства». Они говорятъ ей: «нѣтъ разницы между бѣднымъ и богатымъ, пока не осуществится національный идеалъ!» вмѣсто того, чтобы говорить ей: «пролетаріи всѣхъ

странъ, объединяйтесь». Они наполняютъ атмосферу лозунгами боевого націонализма. Они отрываютъ сердца молодежи отъ общечеловѣческихъ идеаловъ и зажигаютъ ея мозгъ преувеличеннымъ культомъ національнаго прошлаго и національнаго языка. Они хотятъ, чтобы всѣ другія проблемы были отодвинуты на второй планъ и чтобы всѣ лучшія силы народа пошли на построеніе золоченой клѣтки, гдѣ бы народъ могъ отграничиться отъ своихъ иноязычныхъ братьевъ. Они реакціонеры, они родня по духу Маркову и Пуришкевичу, ихъ надо гнать и душить. Но — тогда будемъ послѣдовательны, сдѣлаемъ еще одинъ шагъ и отнесемъ за ту же скобку и Гарибальди? Развѣ онъ, его сподвижники и вся его эпоха не точь въ точь подходятъ подъ всѣ обвиненія, только что формулированныя нами? И будемъ искренни: если бы борьба за Италію происходила теперь и на нашихъ глазахъ, развѣ мы не повторяли бы этихъ обвиненій со всѣхъ общественныхъ трибунъ? Въ чемъ же дѣло? Въ чемъ разница?

Въ томъ, что насъ тогда не было на свѣтѣ, насъ не спросили и создали Италію безъ нашего вѣдома. Мы пришли на готовое, мы уже застали выстроенной эту прекрасную молодую монархію-демократію, мы нашли ее жизнерадостной, бодро-творящей, жадной къ прогрессу, притязающей на мѣсто въ первомъ ряду культурныхъ державъ. И вотъ, мы снимаемъ шапки и одобрительно хлопаемъ по плечу Гарибальди, Маццини и Джусти. Молодцы, ребята! Но въ то же время рядомъ съ нами въ горькомъ поту работаютъ люди, сѣя на другихъ нивахъ тѣ же зерна, что сѣялъ Гарибальди, и, быть можетъ, суждено и этимъ зернамъ дать не худшіе ростки, — но этихъ работниковъ мы травимъ отборною бранью. «О люди,

жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха, жрецы минутнаго, поклонники успѣха»...

Въ Римѣ, на холмѣ Яникульскомъ, стоитъ памятникъ Гарибальди; кто его видѣлъ разъ въ жизни, не забудетъ его никогда. Всадникъ повернулъ голову направо и съ угрозой смотритъ на синеватый куполъ Ватикана. Но мнѣ въ послѣднее время кажется, что смотритъ онъ дальше, смотритъ въ нашу сторону и съ горькой усмѣшкой намъ говоритъ:

— О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Вы, именующіе себя демократами, уходите прочь отъ меня, не оскорбляйте меня своимъ запанибратствомъ. Я не хочу почета тѣхъ, кто не почитаетъ моей вѣры. Да, я отдалъ свою жизнь во имя Италіи, да, я велѣлъ своему народу ни о чемъ иномъ не помнить и не думать, пока не возникнетъ изъ пепла Италія. И больше того: когда она возникла, я, жадный, не былъ удовлетворенъ. Я хотѣлъ еще отобрать у Франца-Іосифа Тріентъ, и Тріестъ, и Фіуме, и Далмацію; я хотѣлъ еще отобрать у французовъ мою родину Ниццу, я мечталъ о Савойѣ, и въ гнѣвѣ за то, что король и дипломаты не сумѣли взять ихъ, я отряхнулъ прахъ отъ ногъ и затворился отъ людей на дикомъ островкѣ родного моря. Да, я былъ жаденъ и непримиримъ, да, я жилъ во имя націи; придите же, сюда, вы, эпигоны, и учите меня уму-разуму, учите меня, что люди братья, учите меня, что надо любить человѣчество, правду, свободу! Учите меня! Я хотѣлъ отнять у Франціи нашу Ниццу, потому что она наша, но когда на французскую землю ступили прусскія войска, я созвалъ своихъ старыхъ товарищей и ринулся въ Дижонъ защищать французскую свободу и цѣлость французской земли. Я посвятилъ свою

жизнь Италіи, но и въ необъятныхъ равнинахъ и лѣсахъ южной Америки помнятъ меня, ибо и тамъ я боролся съ тиранами, въ рядахъ революціонныхъ армій Бразиліи, Аргентины, Перу. Я посвятилъ свою жизнь Италіи, но въ годы, когда въ Италіи было затишье, я — глупый мечтатель! — носился съ проектомъ купить большой корабль, пловучее гнѣздо свободы, и кочевать на немъ изъ страны въ страну, помогая во всемъ мірѣ возстаніямъ народовъ противъ деспотизма. Я отдалъ свою жизнь Италіи, но Герценъ называлъ меня рыцаремъ человѣчества. И я былъ рыцаремъ человѣчества и человѣчности, и я умѣлъ любить и понимать всѣ народы, и мое сердце было въ каждой борьбѣ на сторонѣ угнетеннаго. Но я больше всего на свѣтѣ любилъ мой народъ и его страну, и, когда надо было, я умѣлъ ненавидѣть чужака-поработителя, и я не стыжусь, что до сихъ поръ въ Италіи поется гимнъ моего имени съ припѣвомъ: «Прочь изъ Италіи, ибо часъ наступилъ, прочь изъ Италіи, о чужеземецъ!» Да, я былъ рыцаремъ человѣчества, но я училъ своихъ согражданъ вѣрить, что нѣтъ на свѣтѣ высшаго блага, чѣмъ нація и родина, и нѣтъ на свѣтѣ такого Бога, которому стоило бы эти двѣ драгоцѣнности принести въ жертву. И вотъ — моя работа предо мною. Я создалъ этотъ прекрасный третій Римъ, я создалъ эту молодую новую жизнь, этотъ новый очагъ творчества, имя которому Италія. И я вѣрю, что мой памятникъ на холмѣ виденъ не только Риму, но міру, и по всѣмъ угламъ земли еще внятенъ и памятенъ мой призывъ, и постепенно всюду, гдѣ только есть угнетенное племя съ великимъ прошлымъ и горькимъ настоящимъ, всюду закипитъ борьба за *мой* идеалъ...

1912.

ЧЕТЫРЕ СЫНА

По еврейскому обряду полагается, разсказывая въ пасхальный вечеръ объ исходѣ изъ Египта, примѣняться къ психологіи четырехъ типовъ дѣтей. Одинъ — умный, другой — нахалъ, третій — простакъ, а четвертый — «такой, что даже спросить не умѣетъ». И надо отвѣтить каждому по порядку, каждому по его вкусу и по мѣрѣ его пониманія.

Умный мальчикъ пытливо морщить выпуклый лобъ, всматривается большими глазами и хочетъ понять, въ чемъ было дѣло. Почему его предковъ сначала любили въ Египтѣ, приняли съ раскрытыми объятіями, а потомъ начали притѣснять и мучить; и такъ странно — притѣснять притѣсняли, мучить мучили, мальчиковъ въ воду бросали, а выпустить ни за что не хотѣли. Какъ это понять, папа? — спрашиваетъ умный.

«Видишь-ли, сынъ мой, философія исхода изъ Египта заключается въ двухъ фразахъ, которыя записаны въ Вѣчной книгѣ. Эти двѣ фразы — какъ альфа и омега въ азбукѣ, начало и конецъ благополучія твоихъ прадѣдовъ въ Египтѣ; и еще можно сравнить ихъ съ двумя полюсами, между которыми проходитъ ось, а вокругъ этой оси вращается весь еврейскій

вопросъ въ Египтѣ. И не въ одномъ Египтѣ. Когда выростешь и будешь читать много книгъ, ясно тебѣ станетъ, что во всѣхъ скитаніяхъ твоего народа, въ каждомъ этапѣ есть и эта альфа, и эта омега; что каждый этапъ съ того же начинается и тѣмъ же кончается, чѣмъ начался и кончился въ Египтѣ; и что полюсы, между которыми судьба швыряетъ твое племя, съ той незапамятной поры не измѣнились и не передвинулись.

«Что же это за двѣ фразы? Одну ты найдешь въ книгѣ Бытія, гдѣ разсказывается, какъ Іосифъ представилъ фараону своихъ братьевъ и что̀ имъ передъ этимъ совѣтовалъ. Умный и хитрый человѣкъ былъ Іосифъ, истинный сынъ отца своего Іакова, того самаго, который такъ ловко обошелъ и собственнаго родителя, и брата, и тестя, что антисемиты — объ этомъ ты въ свое время узнаешь — называютъ его «первымъ жидомъ на землѣ». Ты, кстати, этого не стыдись, потому что умѣлъ Іаковъ и хитрить, умѣлъ и бороться — съ самимъ Богомъ боролся лицомъ къ лицу всю ночь до зари, и остался непобѣжденнымъ; умѣлъ и любить, и четырнадцать лѣтъ служилъ батракомъ за любимую женщину. Былъ это удалой человѣкъ, на всѣ руки мастеръ, и купецъ, и боецъ, и рыцарь, и судья, хищный и благородный, осторожный и отважный, расчетливый и сердечный — настоящій человѣкъ, широкій, съ великими доблестями и недостатками, съ душой, какъ семицвѣтная радуга, или какъ арфа, на которой всѣ струны. Жизнь его была и осталась самой увлекательной поэмой, какая только разсказана была на землѣ, и ты читай ее почаще и учись изъ нея уму-разуму. Учись и любить, учись и бороться, учись и хитрить, ибо земля есть

волчье царство, гдѣ нужно владѣть всѣми орудіями защиты и натиска.

«Сынъ его Іосифъ былъ тоже уменъ и хитеръ. Зналъ онъ хорошо всѣ дѣла египетскія, зналъ, чего египтянамъ недостаетъ, а особенно хорошо зналъ душу фараона и его людей. И вотъ далъ онъ своимъ братьямъ, которые просились въ Египетъ, такой совѣтъ: скажите, что вы скотоводы. И прибавилъ фразу, которую ты, сынъ мой, затверди на память, ибо въ ней скрыта главная мудрость нашего народнаго скитанія: «*Ибо мерзость для египтянъ всякій пастухъ*».

«Вторую фразу ты найдешь въ книгѣ Исхода. Прошло уже много лѣтъ, одни говорятъ — 400, другіе меньше, но, во всякомъ случаѣ, давно умеръ и Іосифъ, и братья его, и все то поколѣніе, и тотъ фараонъ, который зналъ Іосифа. Воцарился новый царь и нашелъ, что потомки Іосифа черезчуръ сильно расплодились. Тогда и произнесъ онъ вторую фразу, которую надо тебѣ затвердить на память, ибо съ тѣхъ поръ и понынѣ замыкается этой фразой каждый привалъ, каждая передышка твоего народа на пути его скитаній, и какъ только прозвучитъ эта фраза, приходится ему опять укладывать пожитки въ дорожную торбу. «*Давайте ухитримся противъ него, чтобы онъ не умножился*», сказалъ новый фараонъ.

«Изъ этихъ двухъ фразъ, сынъ мой, складывается, въ сущности, вся философія нашихъ кочеваній. Ты спросишь: какъ такъ? Зачѣмъ велѣлъ Іосифъ своимъ братьямъ назваться скотоводами, если скотоводы — мерзость въ глазахъ египтянъ? А въ томъ-то и дѣло. Заниматься пастушескимъ дѣломъ египтяне считали непристойнымъ, но скота-то у нихъ было много, и творогъ они ѣли съ удовольствіемъ. Потому и нужны

были имъ скотоводы. Самъ фараонъ, когда услышалъ то, что сказали ему сыновья стараго Іакова по мудрому совѣту Іосифа, очень обрадовался и тотчасъ распорядился назначить ихъ смотрителями царскихъ табуновъ и стадъ. И вообще, должно быть, не малая радость была въ Египтѣ, что, вотъ, нашлись добрые люди, которые за насъ сдѣлаютъ то, чего мы сами дѣлать не любимъ...

«Что же произошло за тѣ годы, что отдѣляютъ эпоху первой фразы отъ эпохи второй? Почему вдругъ стали такъ обременительны потомки ханаанскихъ скотоводовъ? Неужели рѣшено было во всемъ Египтѣ не держать болѣе скота? Напротивъ. Скота было много, и египтяне очень имъ дорожили: одной изъ самыхъ чувствительныхъ казней оказался для нихъ, по преданію, падежъ скота. Въ чемъ же дѣло? Ты не понимаешь? Сынъ мой, если бы ты зналъ исторію нашихъ новыхъ скитаній, ты бы легко догадался, въ чемъ причина охлажденія. — Очевидно, египтяне сами за это время привыкли къ скотоводству. Сначала стѣснялись и гнушались, а потомъ научились у евреевъ же, начали дѣлать на первыхъ порахъ робкія, единичныя попытки, а потомъ пріободрились, вошли во вкусъ занятія — и въ одинъ прекрасный день вдругъ нашли, что теперь евреевъ слишкомъ много, и можно бы уже и безъ нихъ смѣло обойтись. Конечно, не сразу: массоваго ухода фараонъ не хотѣлъ допустить, ибо тогда всетаки еще могла бы остаться безъ присмотра извѣстная часть отечественной скотины. Но помаленьку, полегоньку, черезъ постепенное вымираніе — это дѣло другое, перспектива пріятная и не грозящая никакими неудобствами, ибо тѣмъ временемъ коренное населеніе окончательно приберетъ къ своимъ

рукамъ всю захваченную чужаками отрасль отечественнаго хозяйства. И вотъ, «давайте ухитримся»...

«Такъ, сынъ мой, съ тѣхъ поръ и пошло. Будешь ты потомъ изучать исторію нашихъ скитаній по бѣлому свѣту и увидишь, что всюду было то же самое. Начиналось съ того, что «мерзость для египтянъ всякій пастухъ», и потому опальныя профессіи охотно предоставляли намъ.

«У египтянъ былъ своеобразный вкусъ, и имъ не нравилось именно скотоводство. А, напримѣръ, у европейскихъ народовъ былъ вкусъ другой, и имъ долго не нравилась торговля. Быдло пахало землю, а знатные господа пили вино и разбойничали по большимъ дорогамъ, грабя проѣзжихъ купцовъ. Грабить купца считалось вполнѣ приличнымъ, но быть купцомъ считалось очень неприличнымъ. Это была «мерзость для египтянъ». И эту «мерзость» отмежевали намъ, да еще какъ охотно. Давали привилегіи, защищали отъ дворянъ и черни; отъ времени до времени грабили насъ и жгли, но потомъ опять задабривали привилегіями. Одинъ ученый нѣмецъ Зомбартъ, хорошо изучившій все это дѣло, утверждаетъ, что вмѣстѣ съ евреями шелъ по Европѣ изъ страны въ страну всякій хозяйственный прогрессъ, что они, собственно, дали міру ту международную торговлю, безъ которой величайшія столицы земли по сей день остались бы грязными захолустьями, они развили кредитъ и банковое дѣло, они снарядили Колумба на открытіе Америки. И пока они все это дѣлали и, зарабатывая для себя тысячи, клали десятки милліоновъ въ ненасытную утробу фараоновыхъ кармановъ, — европейцы приглядывались, учились, стали пробовать и свои силы, привыкли, пріободрились, вошли во вкусъ «мерзо-

сти» — и, конечно, вдругъ увидѣли, что евреевъ развелось что-то слишкомъ много. «Давайте ухитримся»... Когда мальчикъ научился грамотѣ, гувернера выбрасываютъ на улицу. Такъ это и повторялось съ твоими предками въ каждой странѣ. Примутъ, окажутъ покровительство, возьмутъ, что надо, а потомъ начнутъ «ухищряться, чтобы *онъ* не умножился...»

«Ты не думай, сынъ мой, что слово «мерзость» надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Часто египтяне чуждаются пастушества не потому, что оно мерзко въ ихъ глазахъ, а потому, что руки у нихъ коротки, или страшно обжечься. Тогда они очень бываютъ рады, если найдется пришелецъ, у котораго руки подлиннѣе и пальцы не боятся ожога, — и станетъ таскать для нихъ каштаны изъ огня. Такъ бывало, напримѣръ, при нѣкоторыхъ революціяхъ. Въ 1848 году въ Вѣнѣ первую революціонную рѣчь произнесъ еврей Фишгофъ; а въ Берлинѣ тогдашній король издавалъ прокламаціи, гдѣ увѣрялъ, что все это евреи бунтуютъ, и когда хоронили убитыхъ, то, дѣйствительно, много работы по отпѣванію выпало на долю тамошняго раввина. Зато и ласковы были съ нами тогда египтяне. А потомъ — вымерло то поколѣніе египтянъ, и дѣти его снова нашли, что слишкомъ много осталось потомства отъ Іосифа, такъ недавно обжигавшаго для нихъ пальцы горячими каштанами...

«Такъ было, такъ есть, такъ будетъ.»

Второй мальчикъ — «нахалъ» — сидитъ, развалясь, заложивъ ногу на ногу, иронически скалитъ зубы и спрашиваетъ: — что это у *васъ* за курьезные какіе-то обычаи и воспоминанія? Пора бы давно забыть старыя глупости!

Разскажите ему, въ отвѣтъ на насмѣшку, что были уже такіе, какъ онъ, были и въ старомъ Египтѣ. Скалили зубы на всѣ надежды своего племени и предпочитали льнуть къ сторонѣ фараона. Объ одномъ изъ нихъ уцѣлѣла память и въ Библіи. Юноша Моисей заступился за еврея, котораго билъ египтянинъ, и убилъ того египтянина, а другой еврей это видѣлъ и вознегодовалъ на Моисея. Можно ли поднять руку на хозяина? И на завтра онъ, или другой изъ его породы, началъ показывать зубы Моисею. «Кто тебя поставилъ начальникомъ и судьею надъ нами?» А потомъ еще кто-то изъ этой породы донесъ фараону, что явился такой опасный фантазеръ и занимается перевоспитаніемъ еврейской воли. Въ тѣ времена міръ былъ устроенъ просто, общественнаго мнѣнія не существовало, и потому доносчикъ обратился прямо во дворецъ; будь это въ наше время, онъ, вѣроятно, какъ человѣкъ приличный, избралъ бы другіе пути, постарался бы очернить Моисея не передъ личнымъ, а передъ коллективнымъ фараономъ — передъ просвѣщеннымъ обществомъ Египта. Про убійство насильника онъ, какъ человѣкъ приличный, умолчалъ бы, но обрушился бы на ту психологію, которая побудила Моисея обратить вниманіе, изо всего множества насилій, несомнѣнно чинимыхъ ежедневно въ Египтѣ, только на эту расправу египтянина съ евреемъ. Мало ли вообще было рабовъ въ Египтѣ? Зачѣмъ такой человѣкъ, какъ Моисей, тратитъ свои силы на эмансипацію какой-то горсти пастуховъ, а не на преобразованіе и обновленіе всего Египта? И куда это онъ ихъ зоветъ? Господи! Да развѣ не грѣхъ оторваться отъ этой богатой страны, гдѣ есть въ изобиліи всякая всячина, и хлѣбъ, и горшки съ мясомъ, и лукъ, и

чеснокъ, и много папирусовъ, исписанныхъ мудрыми іероглифами, тогда какъ родичи Моисея — бѣдняки безъ собственности и культуры? «Что это у *васъ* за выдумки?» — иронически спрашивалъ тотъ человѣкъ у Моисея и Аарона, развалясь, заложивъ ногу на ногу и оскаливъ зубы.

«Притупи ему зубы» — совѣтуетъ относительно этого сына ритуалъ пасхальной вечери. Но я сомнѣваюсь, чтобы можно было притупить ему зубы. Онъ слишкомъ хорошо вооруженъ, ибо вѣдь нѣтъ ничего болѣе непобѣдимаго, чѣмъ равнодушіе. Ничѣмъ вы его не прошибете; разъ онъ уже научился говорить о своемъ народѣ: «у *васъ*» — пиши пропало. Онъ васъ высмѣетъ, а матеріалу для насмѣшки у него сколько угодно. Надъ побѣжденными нетрудно издѣваться, особенно когда издѣвающійся — свой человѣкъ и знаетъ всѣ раны и прорѣхи. Шишекъ на лбу у насъ много, спина порядкомъ сгорбилась, отъ вѣкового перепугу руки трясутся; скарбъ нашъ убогъ и сдѣланъ по старой модѣ... есть надъ чѣмъ посмѣяться при желаніи, уничижительно сравнивая нашу скудость съ богатствомъ Египта. Правда, сынокъ этотъ и самъ-то Египту приходится седьмой водой на киселѣ; но вѣдь извѣстно, что съ наибольшимъ презрѣніемъ къ бѣдному родичу барина относится не самъ баринъ, а его лакей. Оскалитъ на васъ зубы, и ничѣмъ вы ихъ не притупите.

Да и не надо вамъ притуплять зубы этого сына. Пусть идетъ своей дорогой съ крѣпкими зубами. Бѣдняга, они ему еще понадобятся тамъ, въ станѣ ликующихъ, куда его тянетъ. Твердые орѣхи придется ему тамъ разгрызать: изъ нихъ самый твердый — орѣхъ презрѣнія. И много, много разъ придется ему молча

глотать пинки въ отвѣтъ на любовныя признанія и плевки въ отвѣтъ на лесть, — и смиряться, и стискивать зубы. И въ концѣ жизненнаго пути, когда онъ увидитъ, что весь этотъ путь былъ притворствомъ и ложью передъ людьми и собственной душою, и если сама душа и повѣрила этой лжи, то люди ни на минуту не повѣрили, — тогда бросится, быть можетъ, въ отчаяніи бѣглый сынъ вашъ лицомъ внизъ, и будетъ ломать руки, рвать на себѣ волосы и грызть землю — тѣми самыми зубами, что теперь оскалены насмѣшкой надъ вашими святынями. Пусть сохранитъ свои зубы, они ему еще понадобятся и для фальшивыхъ улыбокъ, и для скрежета безсильной злобы...

А третій мальчикъ — простакъ. Глаза у него честные, ясные, прямые. Онъ не изъ тѣхъ, которые допытываются, довѣдываются, копаются въ противорѣчіяхъ. Міръ для него простъ и непререкаемъ; онъ любитъ вѣрить и благоговѣть ясной вѣрой примитивнаго человѣка. Въ такомъ родѣ былъ простакомъ и Самсонъ: любилъ драться, любилъ и шутить, и острить, и загадки загадывать, и проказничать, и вкусно поѣсть, и сладко выпить, а довѣрчивъ былъ до того, что послѣ трехъ обмановъ опять уснулъ на груди у Далилы. У сегодняшняго сына-простака нѣтъ, конечно, той полнокровной жизнерадостности, что была у Самсона — времена не тѣ, — но основа типа та же самая — безхитростная, прямодушная довѣрчивость.

— Папа! — спрашиваетъ онъ, и кладетъ локти на столъ, прижимается грудью, вытягиваетъ шею и весь тянется къ вамъ, словно къ источнику въ день жажды, и уже заранѣе вѣритъ во все, что скажутъ ему, ибо хочетъ вѣрить: — папа! Когда станетъ лучше?

И вы разскажите ему просто и тихо про все, что дѣлается теперь въ великой, необъятной діаспорѣ. Разскажите ему, какъ въ тысячѣ мѣстъ тысячами рукъ строится вновь разсыпанная храмина безсмертнаго племени. Разскажите ему, какъ постепенно снова на нашихъ глазахъ сростается распыленная донынѣ народная воля, какъ снова изъ обломковъ складывается настоящій народъ, настоящій народъ, настойчивый, эгоистичный, исключительный, какъ всѣ здоровыя націи. Разскажите ему, какъ рушатся одна за другою послѣднія кафедры, съ которыхъ еще недавно раздавалась проповѣдь національнаго самоубійства. Разскажите про еврейскую молодежь университетовъ Берлина, Вѣны, про этихъ сыновей онѣмеченныхъ коммерціенратовъ, про то, какъ они гордо носятъ на груди еврейскіе цвѣта:

Бѣлый — какъ снѣгъ въ этомъ краѣ печали;
Синій — какъ вы, о влекущія дали;
Желтый — какъ нашъ позоръ.

Разскажите, какъ повсюду съ каждымъ днемъ ростетъ гордость, уваженіе къ собственной самобытности и горькая ненависть къ ренегатству; какъ научились и парижскій драматургъ, избалованный успѣхами, и нищій шинкарь въ галиційскомъ мѣстечкѣ, дрожащій передъ паномъ, кричать въ лицо всему свѣту: я еврей! Разскажите про то, какіе дивные поэты пишутъ теперь на нашемъ языкѣ, и какъ прекрасенъ и могучъ этотъ языкъ, и что за великое счастье для народа — обладать такимъ языкомъ. И еще разскажите ему, какъ бойко и весело щебечутъ на этомъ языкѣ дѣти палестинскаго колониста, и

какъ шагъ за шагомъ, по малому камушку, съ великимъ трудомъ, сквозь строй тысячи препятствій, начиная съ жгучаго солнца и кончая пулей бедуина, воздвигается тамъ и растетъ нѣчто новое, точка опоры для самыхъ грандіозныхъ замысловъ и пророчествъ. Разскажите простой и вѣрующей душѣ все это и многое другое. Онъ возьметъ ваши слова полными пригоршнями и бережно сложитъ ихъ въ открытомъ сердцѣ, и съ той минуты однимъ борцомъ больше станетъ въ нашемъ полку.

Четвертый мальчикъ не умѣетъ спрашивать. Сидитъ на вечерѣ чинно, дѣлаетъ, что полагается, и не приходитъ ему въ голову разспрашивать, какъ и что, отчего и почему. Ритуалъ велитъ не ждать его вопроса и разсказать ему все по собственному почину. Я въ этомъ несогласенъ съ ритуаломъ. Цѣнная вещь — любознательность; но есть иногда высшая мудрость, высшее чутье и въ томъ, что человѣкъ беретъ нѣчто изъ прошлаго, какъ должное, и не любопытствуетъ ни о причинахъ, ни о слѣдствіяхъ. Такую мудрость надо беречь и не спугивать ее лишними словами.

Такою мудростью мудръ бываетъ сѣрый, массовый человѣкъ. Это — тотъ невзрачный горемыка, что тачаетъ сапоги, шьетъ платья, разноситъ яйца, скупаетъ старыя вещи, переписываетъ свитки завѣта, торгуетъ въ мелкихъ лавченкахъ, бѣгаетъ на посылкахъ, тянетъ всѣ тѣ полунадорванныя лямки, отъ которыхъ его еще не прогнали, кряхтитъ, а по пятницамъ вечеромъ наполняетъ дома молитвы. Это онъ, знаменитый Бонця-Молчальникъ изъ сказки Леона Переца, несетъ на своемъ горбу все бремя діаспоры, поставляя изъ своей среды человѣческое мясо и для

эмиграціи, и для погромовъ; онъ агонизируетъ и не умираетъ, гибнетъ и не погибаетъ, и творитъ исконный обрядъ, какъ творили дѣды, почти машинально, почти равнодушно, съ той подъ-сознательной вѣрой, которая, быть можетъ, въ глазахъ Божіихъ прочнѣе всякаго экстаза. Онъ, этотъ сѣрый массовый молчальникъ, «не умѣющій спросить», онъ есть ядро вѣчнаго народа и главный носитель его безсмертія.

Ритуалъ велитъ разсказать этому сыну про все то, о чемъ онъ не спрашиваетъ. А по моему, пусть и отецъ промолчитъ и молча поцѣлуетъ въ лобъ этого сына — самаго вѣрнаго изъ хранителей той святыни, о которой молчатъ его уста.

1911.